

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

3
2023

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№3 (42) / 2023

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

На обложке изображены фрагменты картины Жан Бера «Весомый аргумент»

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Азаматова Д.А. Понятие и сущность концепции формирования гражданского общества в современном мире	1
Yunusova Y.B. International norms guaranteeing the participation of citizens in the referendum	4

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Мироненко С.С. Обеспечение общественного порядка органами местного самоуправления: проблемы и перспективы в свете конституционной реформы 2020 года	7
--	---

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Фирсова Е.С. Создание отдела информационных технологий в Управлении Федеральной антимонопольной службы по Республике Коми	14
--	----

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Джандарбек Ж.Б. Способы защиты авторских, смежных прав по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан	17
Кудинов М.А. К вопросу о правомерности использования алгоритмов искусственного интеллекта при подготовке и написании учебных работ	19

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Донгак Д.Р., Корпунова А.А. Основные черты преступной деятельности в бюджетной сфере	23
---	----

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Галкина Е.А. Договор коммерческой концессии. Актуальные изменения, стимулирующие рынок российских брендов	26
--	----

Романова М.М. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушение законодательства РФ о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности	28
Тиханова Е.М. Группа лиц как субъект конкуренции	30
Тузачинова Б.Э. Недобросовестная конкуренция: анализ нарушений	32
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	
Гуликашвили Т.Г. Выселение нанимателя и (или) проживающих совместно с ним членов его семьи из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения	35
Калиниченко И.Н. Проблемы механизма предоставления жилья детям-сиротам в Хабаровском крае	37
Кушевская А.А. К вопросу о правовом статусе самозанятых	41
Масасина Е.В. Защита товарного знака в условиях параллельного импорта	42
Степанов И.В. К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности в предпринимательских отношениях	44
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Халилулин Д.Ш., Капцинель М.В. Актуальные проблемы участия третьих лиц в гражданском процессе	47
АРБИТРАЖНОЕ ПРАВО	
Березов К.С. Субсидиарная ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве	55
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
Гренкова А.М. Наследование по завещанию: проблемы теории и практики	59
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Байрамкулова Х.О., Буртаева Е.С. Проблема отсутствия индексации пенсий работающим пенсионерам	62
Иванов Н.В., Мамонов М.А. Деятельность Федеральной инспекции труда по защите прав работника и работодателя	63
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ	
Андреев К.К. Влияние алкогольной зависимости на формирование противоправного поведения	66

Березов К.С. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые при несостоятельности (банкротстве)	70
Володин В.А. Совершенствование мер по противодействию политической преступности в контексте цифровизации СМИ	72
Чередниченко В.Г. Актуальные аспекты исследования коррупции	75
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА	
Амирова Л.И., Маркелов А.Г. Защита свидетелей в уголовном судопроизводстве: проблемы и возможные пути решения	79
Гордиенко П.Н., Чиркова У.Н. Предварительное следствие: к вопросу о некоторых аспектах процессуальной формы	81
Карачаева А.А. Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий	83
Ширепов С.В., Булуктаева К.Ю. Понятие принципа независимости судебной власти	86
Эляшов А.Б., Булуктаева К.Ю. Исторические корни развития принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве	89

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Понятие и сущность концепции формирования гражданского общества в современном мире

Азаматова Динара Азаматовна, студент магистратуры
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В настоящей статье анализируются различные классические и современные концепции понятия гражданского общества, особенности генезиса гражданского общества в странах Западной Европы и Узбекистане.

Ключевые слова: концепция, гражданское общество, либеральная демократия, национальная интеграция.

В современной интерпретации определение гражданского общества в рамках этой традиции формулируется как общественное устройство и «государство особого типа, в котором юридически обеспечены и политически защищены основные права и свободы личности» [1]. Данное определение относит к признакам гражданского общества существование и защиту либеральных ценностей, что является одним из важнейших принципов Нового времени; недаром эта традиция возникла в период формирования либерально-демократических политических систем, когда гражданское общество стало характеристикой нового политического и общественного устройства, в котором, в отличие от более ранних форм государства, во главу угла был поставлен гражданин как полноправный член общества.

Поскольку в большинстве стран Западной Европы переход к такой системе государственного устройства и утверждение либеральных ценностей произошли во время строительства и развития национальных государств, то современные исследования данного вопроса ведутся историками. В последнее время эта тематика вновь актуализировалась в связи с крушением социалистических режимов Восточной Европы: перед историками встала задача определить, на какой стадии развития находилось в этих странах гражданское общество, когда его формирование было прервано строительством социализма. К данной исследовательской традиции, по нашему мнению, следует отнести и сближение понятия «гражданское общество» с понятием «гражданство». Основным теоретиком этого направления считается Т. Маршалл [2]. В рамках подобных исследований под гражданским обществом понимается «совокупность независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида от посягательств власти».

Другим признанным приверженцем данного направления является А. де Токвиль. В его известнейшей работе «Демократия в Америке», помимо прочего, большое внимание отводится добровольным ассоциациям граждан, нередко противостоящим государству и защищающим гражданские свободы от его вмешательства. К этой традиции можно отнести широко распространенную интерпретацию гражданского общества как «сферы социума — сферы вне государственных отношений, структур и институтов». Как следует из данного положения, гражданское общество определяется методом исключения — все, что не является государством.

Несмотря на многообразие интерпретаций, понятие гражданского общества применяется для изучения неполитической части общественной системы. Гражданское общество не следует смешивать с «общностью людей» ни исторически, ни структурно, ни культурно, потому что оно имеет свои определенные качественные характеристики. Гражданское общество является подсистемой общества, которая приближается к социальной сфере общественной жизни. Она присутствует в каждом современном обществе. Однако общества различаются как размерами, так и качеством: уровнем развитости, полноценностью функционирования, системой ценностей [3]. В общественной системе гражданское общество имеет сложную внутреннюю структуру, в которую входят компоненты институционального плана.

Институтами гражданского общества являются:

- добровольные общественные организации и общественные движения, а также политические партии (на первых стадиях своего формирования, пока они еще не задействованы в механизмах осуществления власти);
- независимые средства массовой информации, обслуживающие общественные потребности и ин-

тересы, определяющие и публикующие общественное мнение;

- выборы и референдумы, когда они служат средством формирования и выявления общественного мнения и защиты групповых интересов;
- зависящие от общественности элементы судебной и правоохранительной систем (суды присяжных, отряды дружинников и т. п.).

Полагаясь на представленный анализ научных взглядов в осознании такого социально-правового явления, как гражданское общество, можно выделить следующие основополагающие идеи в формировании его концепции:

1. Идея гражданского общества возникает в момент осознания человеком своего положения в обществе и взаимодействия с государством.

2. Осознание гражданского общества как институционального явления происходит под влиянием исторического развития человечества, возникшего в период ломки жестких рамок феодального строя и начала формирования буржуазного правового государства, ориентированного на обеспечение прав гражданина, обладающего собственностью. Из чего следует, что гражданское общество по своей сути — это такая организация социальной жизни, в которой успешно могут реализовывать свои права граждане, обладающие экономической независимостью.

3. В качестве обязательного условия создания гражданского общества выступает появление возможности у всех граждан обрести экономическую самостоятельность, приобретая и распоряжаясь своей собственностью.

4. Основной предпосылкой для формирования гражданского общества следует считать такое социальное состояние, которое характеризуется отсутствием привилегий и иммунитетов, возрастанием значения личности человека, превращающегося из подданного государства в социально активного гражданина, обладающего равными юридическими правами по отношению к другим гражданам и государству.

5. Благодаря развитию идеи гражданского общества, представленной совокупностью эффективно взаимодействующих граждан, формируется представление об учредительной функции такого общества по отношению к государству.

Основные этапы и перспективы развития гражданского общества в Узбекистане

От сильного государства — к сильному гражданскому обществу

Одним из приоритетных направлений является углубление процессов построения гражданского общества, реализация принципа «от сильного государства — к сильному гражданскому обществу» путем повышения роли и значения негосударственных и некоммерческих организаций в жизни общества. Главным направлением государственной политики стало формирование правового демократического государства, обеспечение всеобщего равенства перед законом, осуществление принципа «гра-

жданин — общество — государство» и создание на этой основе гражданского общества.

Первый президент Республики Узбекистан разработал концепцию формирования в стране гражданского общества и дальнейшего углубления демократических реформ.

Концепция состояла из шести частей, в которых намечены важнейшие задачи:

- реформирование судебно-правовой и информационной сфер;
- обеспечение свободы слова и информации;
- обеспечение свободы избирательного права и развитие избирательного законодательства;
- формирование и развитие института гражданского общества;
- дальнейшее углубление либерализации рыночной экономики.

В последние годы осуществляется работа по поддержке некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества, улучшается партнерство между подобными организациями и государственными органами, что стимулирует общественный контроль, повышает качество правовой базы, регулирующей данную сферу. Этому способствовали реформы, осуществляемые на основе принятой Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах.

Правильно подобранный путь способен объединять людей, стремящихся к достижению конкретной цели. В мировом масштабе наша стратегия известна как «узбекская модель перехода на рыночные отношения» и признана международными экспертами в качестве лучшей и долгосрочной, в основу которой легли пять принципов, сформулированных Президентом Узбекистана [4].

Республика Узбекистан развивается по собственному пути; немаловажно, что наше государство само инициирует формирование гражданского общества. Для возникновения правового государства в Узбекистане рассматривали международные подходы:

- приоритет прав личности, обеспечение прав и свобод человека; верховенство права, которое выражает и воплощает общеобязательную волю общества.

Организация власти:

- разделение власти на законодательную, судебную и исполнительную ветви.

В формировании национальной государственности обязательно учитываются национальные особенности, правовая культура, менталитет.

Важным событием для нашего государства стало избрание Узбекистана членом Совета ООН по правам человека в 2020 году. Вследствие проводимых в стране реформ и формирования правового государства и гражданского общества Узбекистан начал равноправную деятельность в сфере защиты прав человека.

А. Саилов и У. Таджиханов определяют гражданское общество как «общество, состоящее из настоящих граждан, т. е. людей, обладающих взаимосвязанными правовой и политической культурами, которые опираются

на нравственную культуру. Это общество устойчивого порядка, поддерживаемого не только силой государственного принуждения, но и самостоятельными усилиями самих граждан — его членов» [5].

Основными принципами взаимоотношений институтов гражданского общества и органов государственной власти в рамках классической модели в Узбекистане являются следующие:

- гражданское общество обращается к государству со своими инициативами, требующими поддержки;
- государство изучает гражданские инициативы, поддерживает и одобряет их;
- государство оказывает институтам гражданского общества материальную, моральную, информационную поддержку.

Сегодня махалля как институт гражданского общества проходит новый этап в своем развитии, пользуясь основательной поддержкой со стороны органов государственной власти, СМИ и предпринимательского сообщества.

Важно отметить, что в Узбекистане уже несколько лет осуществляет свою деятельность фонд «Махалля» по сохранению и развитию национальных обычаев и традиций, социальной защите малообеспеченных семей, одиноких престарелых и инвалидов, укреплению материально-технической базы сходов граждан и оказанию им практической, методической помощи.

Т. Мариани, депутат Национального собрания Франции, заместитель руководителя группы дружбы «Франция — Узбекистан»: «Махалля — удивительное по доброте сообщество людей, проживающих по соседству. Эти люди всегда готовы помочь друг другу, поддерживать. Кроме того, каждый житель махалли на виду, чем он занимается, не остался ли без надзора ребенок, пока его родители на работе. Придя из школы, ребенок занимается в предметных и спортивных кружках на соответствующей территории. Главное, он не попадает под какое-либо негативное влияние. Поэтому считаю, что необходимо всесторонне изучить махаллю, ее передовой опыт достойного внимания мирового сообщества».

Литература:

1. Становление гражданского общества и социальная стратификация / Голенкова З., Витюк В., Гридчин Ю. и др. // Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества в России. — М., 1995. — Кн. 1. — С. 13–34.
2. Marshall T. Class, citizenship and social development. — Westpost, 1973.
3. Стащенко С. П., Харьбин И. Ю. Пропаганда как элемент взаимодействия между гражданским обществом и государством // Государство и право в условиях гражданского общества. — 2015. — № 1. — С. 108–110.
4. Каримов И. А. Узбекистан — собственная модель перехода на рыночные отношения. Т.: «Узбекистон», 1993. Собр. соч. Т. 1.
5. Саидов А., Таджиханов У. Основы государство и право. — Ташкент, 1999. — С. 208.

П. Морвидж, профессор Нью-Йоркского государственного университета (США): «Я уже несколько лет с интересом изучаю узбекскую махаллю. По результатам этих исследований пришел к выводу: традиции настоящей демократии воплощены в работе махалли. Потому целесообразно изучать деятельность данного уникального института и распространять его опыт».

Т. Танака, исполнительный директор Института изучения государств Центральной Азии и Кавказа (Япония): «Махалля является не только основой гражданского общества, но и большой школой демократии. Она, безусловно, служит фундаментом в сохранении и развитии духовных и культурных традиций народа».

С моей точки зрения, подобные высказывания являются международным признанием того, что узбекская махалля представляет собой настоящую школу демократии.

Международные эксперты и специалисты, принимавшие участие в международных мероприятиях на тему махалли, подчеркнули необходимость изучения опыта Узбекистана, дали высокую оценку деятельности этого уникального института.

Сегодня в Узбекистане проходит этап коренного реформирования всех сфер государства и общества. Порой приходится действовать в условиях дефицита времени и ресурсов. Широкое вовлечение общественности обеспечивает инклюзивность принимаемых решений. Именно поэтому на всех уровнях власти продвигается принцип диалога с народом.

Осознавая роль институтов гражданского общества, в Узбекистане целенаправленно внедряют механизмы их поддержки и развития, расширяют их возможности. Запущена существенная либерализация законодательства в отношении негосударственных некоммерческих организаций (ННО). Устраняются фактические барьеры, ограничивающие деятельность общественных организаций. Объем субсидий и грантов, выделяемых институтам гражданского общества, за последние три года увеличился вдвое. Устранены препятствия для получения и использования ННО иностранных грантов.

International norms guaranteeing the participation of citizens in the referendum

Yunusova Yulduz Bakhtiyor kizi, master's student
Tashkent State University of Law (Uzbekistan)

In this article, the author examines international acts regulating the referendum area. In the course of studying international norms, it is revealed that today there are only regional acts. The author proposes the creation of uniform standards for all states in holding a referendum, justifying this by the fact that the goal of a referendum in each country is the same.

Keywords: state, international act, international area, human rights, obligation, affairs, regional.

First of all, the referendum is a right, the right of the people, the deprivation of which is practically impossible at the present time in a period of intense striving of states to build a democratic state. By its properties, we attribute this right to the political rights of citizens, due to the fact that the referendum allows the people to resolve the political issues of the country.

The post-war reforms of the last century served to create various international organizations whose activities were aimed at protecting human rights and interests by uniting the countries of the world. It would be fair to cite as an example, first of all, the United Nations, which has become a powerful impetus in strengthening the status of a person and his value. In 1948, on December 10, at the third session of the UN General Assembly, by resolution 217 A (III), the Universal Declaration of Human Rights was adopted. The purpose of this international act was to unite all the legal and political institutions of the countries of the world to a common scheme. In other words, it was a universalization of human rights that allowed the application of generally accepted international standards in different territories and periods in relation to every existing society.

The significance of this international act was in the recognition by states of its binding nature and the normative consolidation of human values based on natural law and excluding inhuman and degrading relations in every society.

To be sure, the adoption of such an act has not been an easy process in the past. The different positions of states, which differ from each other in the cultural and religious characteristics of all societies, have created many difficulties in reaching an agreement within the world community. However, the result suggests that it is realistic to create unified mechanisms in the field of human rights.

Thus, this declaration has become the foundation for the following international standards in regulating the implementation and protection of human rights in the international space.

We would like to point out Article 21 of the Universal Declaration, which states that:

1. Everyone has the right to take part in the government of his country, directly or through freely chosen representatives.

2. Everyone has the right of equal access to public service in his country.

3. The will of the people must be the basis of the authority of the government; this will must find expression in periodic and non-falsified elections, which must be held with universal

and equal suffrage by secret ballot or **by other equivalent forms ensuring freedom of suffrage** [1].

This norm of an international legal act clearly establishes the need for the democratic formation of state power. After all, it seems impossible to protect the value of a person in a country where there are no forms of democracy. The significance of the above article lies in the fact that it directs states to create conditions where citizens do not become objects of state power, but subjects of its implementation, thereby pointing to the forms of exercising the right to govern, such as elections and equivalent forms, for example, a referendum.

Also, the keyword of the article of the declaration is «will». In other words, the people must be heard and the state must obtain their consent in exercising its power.

Although the declaration is advisory in nature and is defined by many scholars as «good intentions, rather than a strictly legal approach» [1] there are still recognitions by many jurists around the world of this act as functioning as a document of customary law. In our opinion, despite the fact that the Universal Declaration of Human Rights was adopted almost a century ago, it still embraced all the basic principles and set the standards that are necessary to improve the level of protection of human rights and interests to this day.

The International Covenant on Civil and Political Rights, unlike the Universal Declaration, has its own legal force and is binding on all states that have ratified it. To date, more than 170 states, including Uzbekistan, undertake to comply with the established norms of the above-mentioned international legal act. This means that more than half of the world's countries follow the norms of this legal document.

Considering the pact article by article, we should note article 25 where paragraph «a» states that «Every citizen shall have, without any discrimination whatsoever, without unreasonable restrictions, the right and opportunity to take part in the conduct of public affairs, either directly or through freely elected representatives» [2]. Accordingly, each participant of the state is obliged not only to give the right, but also to create the opportunity, namely the conditions for the realization of the right to take part in state administrative affairs directly or through elected representatives.

Derogation from obligations under the Covenant on Civil and Political Rights is provided only in emergency situations in the state. And in such cases, the Covenant obliges the State Party to inform the other States parties to the Covenant, through the intermediary of the Secretary-General of the United Nations, of the provisions from which it has derogated and of the reasons for such a decision under article 4. Communication

must also be made through the same intermediary as to the date on which it ceases such derogation [2]. This means that the norm establishes the obligation of the party to the pact as a justification for derogating from the observance of the rights enshrined in this legal document. In other words, this document does not allow groundless restriction of the rights of citizens of participating states.

Since the establishment of the Commonwealth of Independent States, the Inter-Parliamentary Assembly has adopted a sufficient number of model laws. These laws are aimed at creating uniform principles in the implementation of law-making activities in a certain area of public relations of each member state. At the thirty-eighth plenary session of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States, by Resolution No. 38–13 of November 23, 2012, **the Model Law «On the National Referendum»** was adopted. This law describes in detail the relevant rules that are necessary for the full regulation of the procedure for holding a referendum.

It should be noted that this law fully discloses the definitions of terms that directly affect all referendum processes. This allows us to note the dignity of this law, which does not allow ambiguous or incomplete understanding of the definitions used in the document.

For example, the right to participate in a national referendum in this law is understood as the constitutional right of citizens to vote on referendum issues, as well as to participate in other actions to prepare and conduct a referendum [3]. In our opinion, this is the correct designation of the essence of the right to participate in a referendum, since this right consists not only in voting, which in fact is the most final stage, but also in other important procedures, such as initiation, observation.

To comply with the principles of publicity, openness and transparency during the referendum, observers are needed, who, with the most important mission of assessing the compliance of all referendum processes, play a significant role in the exercise of the political rights of citizens.

A special place is occupied by international observers, who are a guarantee of objective control over an important political event like a referendum. And for this reason, two important acts were adopted for the CIS participants in the field of regulating the mission and activities of international observers. The 2004 Regulation «On the Mission of CIS Observers at Presidential and Parliamentary Elections, as well as Referendums in the States Members of the Commonwealth of Independent States» establishes the legal status of an international observer from the CIS.

Paragraph 6 of this provision specifies the rights of the respective observers. And according to this norm, a member of the CIS Observer Mission has the right to:

1. *to receive from the electoral authorities the necessary information and copies of the electoral documents specified in the national legislation;*
2. *contacts with political parties, coalitions, candidates, individuals, election officials;*
3. *free access to all polling stations and voting premises, including on the voting day;*

4. *to observe the voting process, the counting of votes and the establishment of its results in conditions that ensure the visibility of the procedures for counting ballots;*

5. *to get acquainted with the practice of considering complaints (applications) and claims related to violations of the legislation on elections (referendums);*

6. *to inform representatives of electoral bodies about their observations, recommendations — without interference in the work of election bodies (referendum);*

7. *to publicly express their opinion on the preparation and conduct of elections (referendums) after the end of voting [4].*

Along with the rights of international observers from the CIS, this provision also specifies their obligations. But, the Declaration of the Inter-Parliamentary Assembly of States — Members of the Commonwealth of Independent States «On the Principles of International Monitoring of Elections and Referendums in the States — Members of the Commonwealth of Independent States» reveals in more detail the duties and principles on the basis of which observers should act.

The above Declaration establishes the following principles to be observed by CIS observers:

- *The principle of respect for national sovereignty;*
- *The principle of openness;*
- *The principle of universality;*
- *The principle of reciprocity;*
- *The principle of professionalism;*
- *The principle of impartiality;*
- *The principle of providing effective assistance.*

Based on the norms of the two above-mentioned acts, it should be noted that we can regard international observers as participants in the referendum, contributing to the organization and holding of this event on legal grounds, which in turn is one of the guarantees of the full implementation of the political rights of citizens.

It is also worth noting that in 2002 the CIS contributed to the adoption of the first Convention in the international arena that establishes uniform standards for democratic elections. Since the adoption of this Convention, there has been a desire by the Commonwealth countries to universalize the norms governing referendums and elections.

Another important event for achieving this goal can be called the formation of the Consultative Council of the heads of electoral bodies of the CIS states. As indicated on the official website of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States, «The Advisory Council of Heads of Electoral Bodies is being created to exchange experience in ensuring the electoral rights and freedoms of citizens, improving the legal conditions for holding elections and referendums in accordance with national legislation and international obligations of the Commonwealth states» [8].

It is worth noting that the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated April 4, 2023 No. 109 approved an agreement on the organization of the above Advisory Council, signed at a meeting of the Council of Heads of State of the Commonwealth of Independent States on October 14, 2022 in Astana.

The European continent has its own revised Guidelines on the holding of referendums, approved by the Council of Democratic Elections at its 69th online meeting (7 October 2020) and adopted by the Venice Commission at its 124th online Plenary Session. The first norm worth noting is the norm on the conditions of the electoral right. The conditions indicate a recommendation that proposes granting the right to foreigners after a certain period of residence the right to vote in a referendum at the local level. This issue is regulated in a normative sense by the Convention on the Participation of Foreigners in Public Life at Local Level, which is binding on the members of the Council of Europe that have signed this act.

In the national legislation, the above norm is reflected in the federal law of the Russian Federation «On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation». It states that foreign citizens permanently residing in the Russian Federation, in the cases and in the manner prescribed by federal laws, have the right to elect and be elected to local self-government bodies, as well as participate in a local referendum [5].

In our opinion, the legal personality of foreign persons at the local level in a referendum is quite appropriate and justifies itself, due to the fact that this referendum resolves local problems that primarily concern local residents of the relevant territory. And for real observance of the principle of human value, states need to provide foreign persons living on their territory for a sufficiently long time, which may mean their possible contributions to this country, to provide the right to participate in political events of at least local significance.

It is necessary to note the norm of this code providing for equality of effort, which indicates the obligatory provision of equality of conditions for supporters and opponents of the draft legislative act, submitted as a question to a referendum. And determines that this is expressed in the neutrality of administrative bodies [6]. This norm is necessary in all national laws governing the referendum, due to the fact that the most powerful campaigning always takes place on the part of the state, and this, in turn, does not ensure not only the equality of the parties, but also the free expression of the will of the population.

Thus, we should understand that today there are various uniform standards at the regional level in the international arena that regulate the area of the referendum. And in our opinion, it is necessary to create these uniform rules regarding the institution of a referendum, due to the fact that this political event concerns absolutely everyone, regardless of gender, race, nationality and other circumstances. In other words, a referendum is not an event related only to some particular category of peoples. This is a political event, the purpose of which is the same in all states, namely the legal establishment of the opinion of the people. Therefore, it is quite expedient to create uniform general provisions for all democratic states for holding a referendum by adopting a binding international act, which as a result can serve as a guarantee of the people's rights to participate in a referendum and improve national legislation regulating this area.

References:

1. Universal Declaration of Human Rights <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>;
2. Covenant on Civil and Political Rights <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights>;
3. Модельный закон «О национальном референдуме» утвержденный постановлением МПА СНГ от 23.11.2012 г. № 38–13 <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/278.pdf>;
4. Положение «О Миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах, а также референдумах в государствах — участниках Содружества Независимых Государств утвержденный Решением Совета министров иностранных дел СНГ от 26 марта 2004 года <https://docs.cntd.ru/document/901937360>;
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115 — ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/;
6. Guidelines on the holding of referendums adopted by the Venice Commission at its 124th online Plenary Session [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2020\)031-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2020)031-e);
7. Зыбайло А. И. «К вопросу о правовом статусе Всеобщей декларации прав человека и ее влиянии на право-творческий и правоприменительный процессы» Журнал международного права и международных отношений 2008 — № 4 — <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2008-4/2008-4-zabailo>.
8. https://iacis.ru/novosti/sovetsmpa_sng_news/v_sng_budet_obrazovan_konsultativnij_sovets_rukovoditelej_izbiratelnih_organov

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Обеспечение общественного порядка органами местного самоуправления: проблемы и перспективы в свете конституционной реформы 2020 года

Мироненко Сергей Сергеевич, адъюнкт
Академия управления МВД России (г. Москва)

Автор проводит анализ поправок в Конституцию Российской Федерации, принятых в 2020 году, в части определения статуса и полномочий органов местного самоуправления в решении вопросов обеспечения общественного порядка, а также рассматривает возможность создания института муниципальной милиции с точки зрения целесообразности и финансового обеспечения.

Ключевые слова: конституционная реформа, органы публичной власти, муниципальная милиция, органы местного самоуправления, общественный порядок, передача полномочий.

Конституционная реформа 2020 года внесла существенные изменения во все сферы организации власти, в том числе и на уровне местного самоуправления. Впервые с момента принятия Конституции Российской Федерации претерпела столь значительные изменения. Поправки коснулись политической, экономической, социальной сферы деятельности государства и общества. Реформирование Основного закона стало следствием изменений общественной жизни и потребностью в совершенствовании государственного управления. Законодательство, в том числе и конституционное, должно соответствовать тем объективным процессам, которые происходят в обществе и способствовать его развитию.

Еще в 2002 году Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании Федеральному собранию Российской Федерации [9] обозначил, что «только сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам». В дальнейшем, выступая перед парламентом страны в 2015 году, он подчеркнул, что «в условиях проводимых преобразований Россия проходит испытания, которые может преодолеть только по-настоящему суверенное и сильное государство» [10].

Следовательно, современный этап конституционно-правовых преобразований характеризуется повышенной значимостью осуществления государственных функций, включая функцию обеспечения правопорядка, в реализации которой задействованы органы публичной власти.

В результате всенародного голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации в Главу 8 «Местное самоуправление» внесены существенные изменения. Указанная глава действовала в неизменном виде с момента принятия Конституции в 1993 году, и единственная

статья, которую не затронули поправки, — это статья 130. Все остальные статьи данной главы претерпели изменения путем добавления в их конструкцию дополнительных частей и корректировки содержания [8].

Заслуживает внимание и тот факт, что, согласно поправкам, органы местного самоуправления включены в единую систему публичной власти в Российской Федерации. Так, в соответствии с частью 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. При этом органы местного самоуправления по-прежнему остаются вне системы органов государственной власти [8].

В развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти принят Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ [18], который направлен на совершенствование организации публичной власти в субъектах Российской Федерации.

Законом установлено, что федеральные органы государственной власти и иные федеральные государственные органы осуществляют свои полномочия на территории субъекта Российской Федерации непосредственно или через создаваемые ими территориальные органы во взаимодействии с органами государственной власти субъекта Российской Федерации, иными государствен-

ными органами субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления, действующими на территории субъекта Российской Федерации.

Закрепляются принципы деятельности указанных органов, к которым, в частности, относятся обеспечение соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина; верховенство Конституции Российской Федерации; согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на всех уровнях — на федеральном, региональном и муниципальном; разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти и гарантии финансового обеспечения разграничения полномочий; признание и гарантированность местного самоуправления его самостоятельность в пределах своих полномочий.

Столь существенные изменения, говорят о тенденции централизации органов публичной власти, укрепления ее системы для выполнения общественно значимых интересов государства и общества.

Следующей новеллой в законодательстве стало дополнение статьи 131 Конституции ч. 1.1, согласно которой «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц органов местного самоуправления» [8]. Введение данной части вызвало дискуссии о вмешательстве со стороны государства в деятельность органов местного самоуправления, при том, что согласно части 1 статьи 131 «структура органов местного самоуправления определяется самостоятельно в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом» [8]. Подобные изменения практически лишают граждан права самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления, при этом согласно ч. 2 ст. 3 Конституции народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Самостоятельное определение населением структуры органов местного самоуправления напрямую соотносится с доверием к власти, а значит с ее эффективностью.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что в настоящее время наблюдается определенный кризис местного самоуправления в Российской Федерации, выражающийся в отсутствии у местных властей возможностей обеспечить реализацию в полном объеме прав и законных интересов граждан, проживающих на определенной территории.

При этом очевидна актуальность сохранения правового содержания функции по обеспечению общественного порядка на уровне местного самоуправления, поскольку данный уровень наиболее приближен к населению.

Безусловно, основную нагрузку по обеспечению правопорядка несут органы исполнительной власти, и, в частности, органы внутренних дел, которые занимают особое место в механизме обеспечения правопорядка органами

публичной власти. В настоящее время органы внутренних дел обеспечивают охрану правопорядка и защиту прав граждан в экстремальных условиях.

Министр внутренних дел В. А. Колокольцев, отвечая в ходе «правительственного часа» 19.10.2022 года на вопросы депутатов, заявил, что текущая ситуация накладывает отпечаток на организацию деятельности органов внутренних дел, «министерство проводит комплекс мероприятий по недопущению осложнения оперативной обстановки, личный состав ряда территорий переведен на режим усиленного несения службы, особое внимание уделяется приграничным с Украиной регионам». Перед Министерством сейчас стоит важная новая задача — формирование условий для функционирования подразделений в новых субъектах Российской Федерации. При этом, как указал министр, есть определенные трудности, которое министерство не может решить самостоятельно — вопрос кадрового некомплекта. Низкое денежное довольствие, возрастающая нагрузка на личный состав стали причиной некомплекта в органах внутренних дел, достигшего 20% [2].

Учитывая, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2022 года № 878 [14] с 1 января 2023 года установлена предельная штатная численность органов внутренних дел Российской Федерации в количестве 922 061 сотрудников, некомплект составляет более 184 тыс. сотрудников. При этом, как отметил министр, к 2026 году для обеспечения правопорядка в новых субъектах Российской Федерации потребуется дополнительно 52 тыс. сотрудников органов внутренних дел. Все прекрасно понимают, что одновременно на службу в органы внутренних дел не поступит 230 тыс. человек, и этот процесс затянется на длительный срок. К указанному некомплекту стоит добавить и отвлечение личного состава органов внутренних дел, который до сих пор направляется из субъектов Российской Федерации в составе сводных отрядов в Северо-Кавказский регион для поддержания правопорядка. Как правило, это сотрудники строевых подразделений полиции: патрульно-постовой, дорожно-патрульной и охранно-конвойной служб. Поэтому ситуация с нехваткой личного состава в территориальных органах МВД России более серьезна, чем указал министр.

Сложившаяся ситуация не произошла внезапно, а стала результатом принятия решений по оптимизации штатного построения МВД России, произведенного в 2016–2017 годах.

Указом Президента Российской Федерации от 05.04.2016 N 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. В соответствии с Указом внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации преобразованы в войска национальной гвардии Российской Федерации. Дополнительно в структуру национальной гвардии включены: органы управления и подразделения Министерства внутренних

дел Российской Федерации, осуществляющие федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также вневедомственную охрану, в том числе Центр специального назначения вневедомственной охраны Министерства внутренних дел Российской Федерации; специальные отряды быстрого реагирования территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации; отряды мобильные особого назначения территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации; центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиации Министерства внутренних дел Российской Федерации и авиационные подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации [13].

С образованием данного ведомства множество специалистов, в том числе имеющие практические навыки в проведении контртеррористических и иных специальных мероприятий, которые проходили службу в МВД России были вынуждены перейти в Росгвардию, в состав которой вошли самые подготовленные и специализированные подразделения МВД России. Было много дискуссий по поводу создания новой силовой структуры.

Бывший министр МВД А. С. Куликов сразу после подписания Указа заявил: «Я бы скорее говорил о попытке дать ответ тем новым вызовам и угрозам, которые появились в последние годы: теракты в Европе, боевики «Исламского государства»; радикальный терроризм. В 2006 году Россия приняла закон о противодействии терроризму, который впервые предусматривал участие всех силовых ведомств в этой борьбе. Но с каждым годом ситуация на глазах обостряется: появляются проблемы с беженцами, транснациональной преступностью. Выбирая между правами человека в рамках демократического общества и безопасностью в условиях повышенной террористической угрозы, большинство граждан выберет безопасность. Кто-то, конечно, увидит в происходящем, что власть стремится укрепить свои позиции. Но это скорее обязана делать и делает любая власть» [1].

Конечно, МВД России сейчас принимает меры по укреплению спецназа «Гром», который остался в штатном расписании, чтобы в меньшей степени зависеть от Росгвардии, т. к. имеется необходимость иметь собственный спецназ для выполнения оперативно-служебных задач. Но, как и на восполнение некомплекта, на усиление спецподразделений уйдет не один год.

Вполне закономерно, что перед новыми угрозами масштабного характера органы федеральной власти принимали меры по их локализации. Но проводимые преобразования негативно сказались на криминогенной обстановке в стране. Так, по данным Росстата Российской Федерации в период 2018–2020 на территории страны наблюдалась устойчивая динамика роста зарегистрированных преступлений. Если по итогам 2018 года было зарегистрировано 1 991 532 преступления, то к концу 2020 этот показатель уже достиг 2 044 221 преступление. За ука-

занный период в стране зарегистрировано 23 957 преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ «убийство», что сопоставимо с численностью целого города или муниципального района. При том, что в стране уже осуществляли свою деятельность по противодействию преступности и обеспечению правопорядка не только МВД России, но и подразделения Росгвардии.

В дальнейшем, уровень преступности начал снижаться, но на сегодняшний день по-прежнему остается серьезным. Так, по итогам 2022 года в Российской Федерации зарегистрировано свыше 1 966 тыс. преступлений, из которых: 7,5 тыс. убийств, 17,3 тыс. фактов причинения тяжкого вреда здоровью, 697,5 тыс. краж имущества, 29,2 тыс. грабежей, 3,3 тыс. разбойных нападений, 8,1 тыс. вымогательств.

Конечно же, личный состав органов внутренних дел принимает меры по предупреждению, раскрытию преступлений, профилактике правонарушений, контролю за лицами, состоящими на профилактическом учете, но нагрузка на полицию с каждым годом только возрастает. Увеличивается количество массовых мероприятий (спортивных, культурных, публичных), развивается городская, транспортная инфраструктура, что непременно требует от полиции дополнительных механизмов и способ обеспечения правопорядка.

И вот в данной ситуации справедливо назревает вопрос: где взять дополнительные резервы для обеспечения общественного порядка, особенно на уровне муниципальных образований?

До поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года органы местного самоуправления могли осуществлять охрану общественного порядка. Исключение из их полномочий такой функции не совсем ясно на сегодняшний день, и сложно оценить последствия изменений конституционного положения относительно роли органов местного самоуправления по обеспечению охраны общественного порядка. Но сохранились положения федерального законодательства об организации охраны общественного порядка на территории муниципального района и городского округа муниципальной милицией [17].

Вопрос создания муниципальных органов охраны общественного порядка вызывает дискуссии на протяжении нескольких десятков лет. Этот вопрос изучался отечественными учеными, издано значительное количество научных статей и работ (авторы: Шелудько В. О., Попов В. А., Гаджиев А. Ш., Виноградов М. Ю., Султанова Р. М. и др.). Неоднократно предлагались законопроекты на эту тему: в 2011 г. — депутатом Государственной Думы А. Г. Назаровым предложено внести поправки в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», позволяющие регионам издавать законы о создании муниципальной милиции [4]; в 2014 г. — фракцией партии «Справедливая Россия» [5]; в 2016 г. повторно фракцией партии «Справедливая Россия» [6]. Но указанные законопроекты не были поддержаны. Последнюю законодательную инициативу — проект

ФЗ № 385–7 внесенный 05.10.2016 «О муниципальной милиции в Российской Федерации» Государственная Дума отклонила 15 февраля 2018 года. Законопроект предлагал повсеместное создание муниципальной милиции, определение ее полномочий и порядка деятельности. В состав милиции предлагалось включить дежурные части, подразделения патрульно-постовой службы, по исполнению административного законодательства, участковых уполномоченных, инспекции по делам несовершеннолетних и другие подразделения, осуществляющие охрану общественного порядка.

Основаниями отклонения законопроекта стали следующие замечания:

- не решен вопрос об источниках финансирования: создание и функционирование службы повлечет значительные финансовые затраты;
- целесообразно сосредоточиться на развитии института народных дружинников и более интенсивном развитии имеющихся форм участия органов местного самоуправления в охране общественного порядка;
- не разграничены должным образом полномочия полиции и муниципальной милиции: усматривается многократное дублирование и пересечение функций, что является коррупциогенным фактором и способно вызвать трудности в практической деятельности;
- проект не предусматривает переходного периода и эксперимента по созданию муниципальной милиции в пилотных регионах [6].

В соответствии с письмом первого заместителя министра внутренних дел Российской Федерации А. В. Горового от 19 января 2017 года № 3/167716440800 при рассмотрении указанного вопроса одной из наиболее существенных проблем является ресурсное обеспечение предлагаемых преобразований, оценка материальных и иных последствий, которые могут наступить при их осуществлении. По мнению МВД России, создание независимых федеральной полиции и муниципальной милиции приведет к неизбежному росту управленческого и обслуживающего персонала. Для обеспечения деятельности каждого нового органа потребуются здания, помещения, инфраструктура и техника, что повлечет дополнительные затраты. Учитывая, что ряд регионов и муниципалитетов являются дотационными, возможности органов местного самоуправления самостоятельно решать задачи по финансированию муниципальной милиции представляются весьма сомнительными.

С мнением первого заместителя министра внутренних дел нельзя не согласиться, в части финансовых затрат, но финансирование муниципальной милиции и создание условий для ее функционирования — это прежде всего задача муниципалитетов, которые могли реализовать возможности, предоставленные федеральным законодательством. Но на сегодняшний день Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ содержит нормы, которые на протяжении 20 лет не реализуются. По мнению про-

фессора В. И. Фадеева «надо очень осторожно и взвешенно подходить к вопросам развития местного самоуправления. Практика реализации законодательства в этой сфере подтверждает, что реализовать конституционную модель местного самоуправления всю целиком и сразу невозможно — нужны периодичность последовательность и финансово-экономические условия» [15].

Проанализируем ряд моментов для выяснения финансовых возможностей у региональных и муниципальных властей для финансирования муниципальной милиции.

Итак, 21.07.2014 был принят Федеральный закон от N 247-ФЗ «О внесении изменения в статью 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» согласно которого, часть 6 статьи 28.3 КоАП РФ дополнена абзацем следующего содержания: «Протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, составляются должностными лицами органов внутренних дел (полиции) в случае, если передача этих полномочий предусматривается соглашениями между федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий» [7].

Казалось бы, обычные дополнения в статью которые предусматривают возможность передачи полномочий, но нет, передача полномочий возможна только при передаче еще и соответствующих финансовых средств для их реализации.

Чем же была вызвана необходимость внесения дополнений в ст. 28.3 КоАП РФ? Необходимость была вызвана неоднозначным толкованием норм федерального законодательства при определении компетенции органов внутренних дел (полиции) по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

Так, согласно части 1 статьи 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» одним из полномочий полиции является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, а предупреждение и пресечение административных правонарушений (пункт 2 части 1 статьи 2) и производство по делам об административных правонарушениях (пункт 5 части 1 статьи 2) являются основными направлениями ее деятельности (15). В этой связи сотрудникам полиции предоставлено право составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства, применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применять иные меры, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях (пункт 8 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции»), включающим Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и принимаемые в соответствии с ним законы

субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 1.1 КоАП РФ). Часть 2 статьи 3 Федерального закона «О полиции» определено, что полиция в своей деятельности наряду с федеральным законодательством руководствуется законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, изданными в пределах их компетенции [19].

Вместе с тем, согласно определениям Верховного Суда Российской Федерации соответствующие нормы, включенные в законодательные акты об административных правонарушениях г. Москвы (от 29 августа 2012 г. № 5-АПГ12-21), Самарской области (от 27 февраля 2013 г. № 46-АПГ13-2), г. Санкт-Петербурга (от 14 августа 2013 г. № 78-АПГ13-15) и Псковской области (от 13 ноября 2013 г. № 91-АПГ13-2), являются превышением полномочий субъектов Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации полагает, что исходя из содержания предписаний части 2 статьи 22.1, части 6 статьи 22.2, статьи 28.3 КоАП законодатель субъекта Российской Федерации не может наделять должностных лиц органов внутренних дел (полиции) полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренными законами субъектов Российской Федерации.

Практически все субъекты Российской Федерации в региональном законодательстве наделяют должностных лиц органов внутренних дел (полиции) полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях.

Анализ нормативных документов субъектов Российской Федерации, устанавливающих структуру региональных органов исполнительной власти, показал отсутствие в них каких-либо правоохранительных структур. Подобные правоохранительные структуры отсутствуют и на муниципальном уровне.

Таким образом, сложилась интересная ситуация, заключающаяся в том, что на сегодняшний день как на региональном, так и на муниципальном уровнях отсутствуют органы, осуществляющие охрану общественного порядка, и обладающие в этой связи полномочиями по применению мер, обеспечивающих производство по делам об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, а также по составлению административно-процессуальных документов в указанной сфере.

Т. е. уже в 2014 году руководители субъектов Российской Федерации и муниципалитетов, законодатели всех уровней понимали необходимость наличия самостоятельных правоохранительных структур в данной сфере, но предпочли решить данный вопрос путем возложения дополнительных обязанностей на органы внутренних дел, руководствуясь положениями статьи 26.8 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»,

согласно которому исполнительные органы государственной власти субъекта Российской Федерации по соглашению с федеральными органами исполнительной власти могут передавать им осуществление части своих полномочий с передачей необходимых материальных и финансовых средств [16].

После принятия данного закона в регионах Российской Федерации началась работа по подготовке Соглашений о передаче МВД России полномочий по составлению административных протоколов, предусмотренных региональным законодательством в сфере охраны общественного порядка. Возникали определенные трудности при подготовке проектов документов, расчетов финансовых потребностей и их согласования. В целях упорядочения данной работы Министерством юстиции Российской Федерации был издан приказ № 43226 от 10 августа 2016 г. «Об утверждении примерных форм Соглашения между федеральным органом исполнительной власти и высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ о передаче федерального органа исполнительной власти осуществления части полномочий высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ».

Хабаровский край был в числе первых субъектов Российской Федерации, которым удалось реализовать возможности, предоставленные федеральным законодательством в части передачи полномочий. В период 2015–2017 гг. по инициативе УМВД России по Хабаровскому краю в законодательную Думу края было внесено 3 законопроекта о внесении изменений в КоАП Хабаровского края, которые в дальнейшем были поддержаны и приняты депутатами краевой Думы. 17 марта 2018 года Правительством Российской Федерации было утверждено Соглашение между МВД России и Правительством Хабаровского края о передачи полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок, предусмотренных КоАП Хабаровского края, сотрудникам органов внутренних дел Хабаровского края. Соглашение заключено на 5 лет, при этом ежегодно между УМВД России по Хабаровскому краю и Правительством края подписывается Протокол согласования потребности в финансовых средствах для нужд УМВД России по Хабаровскому краю. Согласно данным Протоколов, субвенция из регионального бюджета ежегодно переводится в федеральный бюджет для нужд МВД России и централизовано поступает в УМВД России по Хабаровскому краю для закупки необходимых материальных ресурсов и оплаты услуг.

Так, за период реализации Соглашения в Хабаровском крае с 2018 по 2023 год Правительством региона было переведено для нужд УМВД России по Хабаровскому краю 16 082,8 тыс. рублей.

По данным ГУОООП МВД России по итогам 2022 года подобные Соглашения заключены с 59 органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Таким образом, представляется, что суммы поступающих средств в федеральный бюджет из средств регио-

нальных бюджетов для реализации переданных полномочий весьма внушительны. Более того, по материалам дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами органов внутренних дел в рамках указанных Соглашений, в 2022 году наложено административных штрафов на общую сумму 322 240,0 тыс. рублей.

Помимо этого, средства региональных и муниципальных бюджетов используются на реализацию мероприятий профилактической направленности в рамках реализации различных региональных и муниципальных программ. Значительная доля средств тратится на создание и обеспечение деятельности различных общественных формирований правоохранительной направленности, которые фактически не влияют на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности.

В итоге, можно сделать вывод, что финансовые средства на создание условий для функционирования муниципальной милиции в региональных и муниципальных бюджетах имеются и не нужно, как предлагают некоторые

представители научных кругов, увеличивать налоговую нагрузку на жителей муниципальных образований. Хотя в дальнейшем возможно потребуется реформировать бюджетную систему с учетом новых реалий общественной жизни.

Учитывая опыт проведенных экспериментов в субъектах Российской Федерации по созданию муниципальных органов охраны общественного порядка вне системы МВД России в 90-е годы, законопроекты о создании муниципальной милиции, подготовленные в период с 2011 по 2016 годы, необходимо выработать новый подход к этому институту охраны общественного порядка, принимая во внимание тот факт, что необходимость создания указанного института, а также условия финансового обеспечения на сегодняшний день имеются, и возникающие коллизии в существующем законодательстве уже подсказывают, на какие направления деятельности необходимо обратить особое внимание законодателям при подготовке законопроекта «О муниципальной милиции в Российской Федерации».

Литература:

1. Барабанов, И. Гвардии решение / И. Барабанов, И. Сафронов. — Текст: электронный // Комерсантъ Власть. — 2016. — № 15. — С. 16. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2961579> (дата обращения: 27.04.2023).
2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа» 19.10.2022. — Текст: электронный // Министерство внутренних дел Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 27.04.2023).
3. Гаджиев, А. Ш. Проблемы обеспечения общественного порядка на уровне местного самоуправления / А. Ш. Гаджиев. — Текст: электронный // Юридический вестник ДГУ. — 2020. — Т. 36, № 4. С. 41–45. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obespecheniya-obschestvennogo-poryadka-na-urovne-mestnogo-samoupravleniya/viewer> (дата обращения: 27.04.2023).
4. Законопроект № 634752–5 от 23.11.2011 О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в части вступления в силу отдельных положений Федерального закона с момента официального опубликования федерального закона или закона субъекта Российской Федерации, определяющего порядок организации и деятельности муниципальной милиции). — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/634752-5> (дата обращения: 27.04.2023).
5. Законопроект № 621910–6 от 14.10.2014 «О муниципальной милиции в Российской Федерации». — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/621910-6> (дата обращения: 27.04.2023).
6. Законопроект № 385–7 от 05.10.2016 «О муниципальной милиции в Российской Федерации». — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/385-7> (дата обращения: 27.04.2023).
7. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 27.04.2023).
8. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 27.04.2023).
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 18 апреля 2002 г. — Текст: электронный // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36351/page/1> (дата обращения: 27.04.2023).

10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36351/page/1> (дата обращения: 27.04.2023).
11. Попов, В. А. К вопросу о законодательном закреплении института муниципальной милиции / В. А. Попов, М. Ю. Виноградов. — Текст: электронный // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 3 (33). — С. 162–168. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-zakonodatelnom-zakreplenii-instituta-munitsipalnoy-militsii/viewer> (дата обращения: 27.04.2023).
12. Султанова, Р. М. Актуальные вопросы обеспечения правопорядка органами государственной власти субъектов Российской Федерации / Р. М. Султанова. — Текст: электронный // Человек: преступление и наказание. — 2019. — Т. 27 (1–4), № 1. — С. 66–70. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-obespecheniya-pravoporyadka-organami-gosudarstvennoy-vlasti-subektov-rossiyskoy-federatsii/viewer> (дата обращения: 27.04.2023).
13. Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604050058> (дата обращения: 27.04.2023).
14. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2022 № 878 «Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050104> (дата обращения: 27.04.2023).
15. Фадеев В. И. Местное самоуправление в России: исторический опыт и современная практика правового регулирования / В. И. Фадеев. — Текст: электронный // Lex Russica (Русский закон). — 2014. — № 4. — С. 8–24. — URL: <https://rucont.ru/efd/409860> (дата обращения: 27.04.2023).
16. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 27.04.2023). — Документ утратил силу с 1 января 2023 года в связи с принятием Федерального закона от 21.12.2021 N 414-ФЗ.
17. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 27.04.2023).
18. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 27.04.2023).
19. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 27.04.2023).
20. Шелудько, В. О. Проблемы и перспективы создания муниципальной милиции в России / В. О. Шелудько, С. В. Образцов. — Текст: электронный // Полицейская и следственная деятельность. — 2018. — № 3. — С. 13–19. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-sozdaniya-munitsipalnoy-militsii-v-rossii/viewer> (дата обращения 27.04.2023).
21. Шугрина, Е. С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка и обеспечения безопасности (к 70-летию со дня рождения профессора В. И. Фадеева) / Е. С. Шугрина. — Текст: электронный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 9. — С. 186–195. — URL: <http://shugrina.ru/content/shugrina-es-polnomochiya-organov-mestnogo-samoupravleniya-v-sfere-ohrany-obshchestvennogo> (дата обращения: 27.04.2023).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Создание отдела информационных технологий в Управлении Федеральной антимонопольной службы по Республике Коми

Фирсова Елена Сергеевна, студент магистратуры

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В статье обосновывается необходимость создания отдела информационных технологий и модернизации компьютерных систем (программно-аппаратных комплексов) в деятельность (работу) государственного органа — Коми УФАС России.

Ключевые слова: антимонопольный орган, создание отдела информационных технологий, государственный орган, ФАС России, Коми УФАС России, электронный документооборот, система электронного документооборота, СЭД.

Главное направление деятельности антимонопольной службы Российской Федерации связано с борьбой против несправедливой конкуренции, незаконно формируемых цен и монополизации рынка. На выполнение своих задач антимонопольная служба располагает огромным количеством инструментов и методов, таких как мониторинг рынка, проведение проверок и расследований, участие в судебных процессах и подача жалоб на нарушение антимонопольного законодательства.

От профессиональных и личных качеств сотрудников службы зависит результативность и эффективность работы системы антимонопольного надзора. Между тем современная информационная база играет важную роль в повышении эффективности работы сотрудников.

Так, например, целями создания отдела информационных технологий и модернизации компьютерных систем (программно-аппаратных комплексов) в деятельность (работу) Коми УФАС России, являются:

- повышение эффективности рассмотрения дел;
- экономичность (денежных средств и временного ресурса).

В том числе становится эффективней государственный контроль:

- за соблюдением законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц и законодательства о торговле (в части установленных законодательством полномочий антимонопольного органа) и за соблюдением антимонопольного законодательства;
- за соблюдением законодательства в сфере деятельности субъектов естественных монополий (в части установленных законодательством полномочий антимонопольного органа), рекламы, а также по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд (за исключением полномочий по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг по государственному оборонному заказу).

В частности, В. А. Дзубан, О. А. Никишина обращают внимание на то, что современные технологии, включая информационные, неразрывно связаны с автоматизацией процессов, которая является главным фактором повышения эффективности любой деятельности, особенно связанной с большими объемами данных [1].

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил рассмотрения антимонопольным органом дел, возбужденных по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе» [2] антимонопольным органом дела возбуждаются и рассматриваются:

а) по фактам распространения рекламы, содержащей признаки нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе;

б) по фактам принятия федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и (или) органами местного самоуправления актов, противоречащих полностью или в части законодательству Российской Федерации о рекламе.

А вместе с тем, согласно ч. 10 ст. 3 Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [3] любой участник закупки вправе обжаловать в антимонопольном органе в порядке, установленном ст. 18.1 Федерального закона «О защите конкуренции» [4], с учетом особенностей, установленных настоящей статьей, действия (бездействие) заказчика, комиссии по осуществлению закупок, оператора электронной площадки при закупке товаров, работ, услуг, если такие действия (бездействие) нарушают права и законные интересы участника закупки.

Для модернизации и поддержания ИТ-инфраструктуры территориального органа Коми УФАС России в рабочем состоянии необходимо создание отдела информационных технологий.

Отдел информационных технологий — это важное подразделение в работе Антимонопольной службы Российской Федерации. Оно отвечает за обеспечение эффективной работы службы в условиях современной ИТ-технологичности.

Отдел занимается созданием и внедрением информационных систем, программных продуктов, анализом и оценкой эффективности данной технической базы, внутренним обеспечением безопасности службы. Также, в его компетенции в части контроля деятельности компаний на предмет нарушения антимонопольного законодательства, лежит поддержка электронных услуг и онлайн-платформ для удобства взаимодействия бизнеса и потребителей.

Для успешной работы ИТ-отдела, большое внимание уделяется повышению квалификации сотрудников, расширению партнерских связей и гибкому реагированию на текущие и новые требования рынка.

Создание ИТ-отдела позволит выполнять важную роль в организации: администрирование, техподдержка, коммуникации, программирование, веб-сайт компании, разработка приложений. Всегда существует огромный список задач, требующих оперативного, незамедлительного решения и они должны решаться на местах.

Таким образом, отдел информационных технологий прямо влияет на работу службы и степень ее эффективности. Разработку, внедрение и поддержку технической базы можно считать ключевым направлением в деятельности Антимонопольной службы.

Электронный документооборот и цифровизация бизнес-процессов в настоящее время набирает обороты: цифровизируются процессы делопроизводства, что помогает ускорить работу с документами (обработку, регистрацию, согласование), оптимизируются процессы выдачи и контроля исполнения поручений, а также сводятся к минимуму риски потери документов.

Между тем Стратегией развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. [5] поставлена одна из важных задач по повышению эффективности работы антимонопольных органов страны: завершить переход на электронный документооборот в центральном аппарате ФАС России и территориальных органах.

Следует отметить, что современные реалии требуют от антимонопольной службы постоянного усовершенствования своей работы в связи с активными рыночными изменениями и новыми формами бизнеса. Одним из инструментов, который может помочь антимонопольной службе в ее работе, является система электронного документооборота.

Система электронного документооборота представляет собой программное обеспечение, которое позволяет автоматизировать процессы обмена документами между

организациями и государственными органами. Это позволяет значительно ускорить и упростить процессы подачи документов, снизить время на их обработку и избежать утраты документов. Также система электронного документооборота помогает повысить качество работы, снизить риски ошибок и исключить возможность сбоя в работе системы.

Для антимонопольной службы Российской Федерации система электронного документооборота является эффективным инструментом, который способен помочь в повышении эффективности работы. В частности, цифровые технологии позволяют автоматизировать процессы приема и обработки документации, ускорить рассмотрение жалоб и запросов, а также снизить время на выполнение процедур по принятию решений. Таким образом, использование системы электронного документооборота помогает сделать работу антимонопольной службы более эффективной и оперативной.

Как справедливо отмечали С. К. Абдыкадыров, К. К. Мурзараимов, А. А. Агтокурова, в секторе государственного управления система электронного документооборота создает единое информационное пространство и позволяет решить вопросы накопления, управления и доступа к информационным ресурсам сотрудников всех ведомств (агентств, служб, министерств и иных организационных подразделений). СЭД может быть задействована на всех уровнях: от оказания государственных услуг и взаимодействия до внутренних процессов организации.

Внедрение СЭД сокращает затраченное время на поиск и оформление документов. Прохождение документов между подразделениями организации ускоряется. Происходит снижение затрат на оборот бумажных носителей и экономия производственных и человеческих ресурсов. Благодаря интеграции СЭД становится возможным переход на унифицированные электронные административные регламенты работы с документами, а также обеспечение управляемости, доступности и их сохранности [6].

Несмотря на очевидные преимущества, использование системы электронного документооборота также может создавать некоторые сложности.

Внедрение системы электронного документооборота — это трудоемкий процесс: требует обучения персонала для работы с новой системой, требует модернизации ИТ-инфраструктуры, а соответственно и денежных средств. Но это все оправдано в перспективе тем, что увеличится эффективность работы, надежность документооборота.

Например, структура Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу включает в себя отдел информационных технологий, делопроизводства и общественных связей [7]. Полагаем, что появление в Управлении Федеральной антимонопольной службы по Республике Коми отдела информационных технологий повысит эффективность исполнения антимонопольного законодательства.

Литература:

1. Дзубан, В. А., Никишина, О. А. О внедрении информационных технологий в деятельность отдела охраны общественного порядка ГУ «ДВД СКО» / В. А. Дзубан, О. А. Никишина // Прогрессивные технологии и процессы. Сборник научных статей Международной молодежной научно-практической конференции: в 2-х томах. 2014. С. 198–201.
2. Постановление Правительства РФ от 24.11.2020 № 1922 «Об утверждении Правил рассмотрения антимонопольным органом дел, возбужденных по признакам нарушения законодательства Российской Федерации о рекламе» // Собр. законодательства РФ. 2020. № 49. Ст. 7902.
3. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собр. законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
5. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013–2024 гг. (утв. Президиумом ФАС России 03.07.2013). URL: https://fas.gov.ru/netcat_files/File/Str_razv_konk_i_antimonop_reg.pdf (дата обращения: 22.03.2023).
6. Абдыкадыров, С. К., Мурзараимов, К. К., Агтокурова, А. А. Электронный документооборот, как основной способ повышения эффективности управления государственной структурой / С. К. Абдыкадыров, К. К. Мурзараимов, А. А. Агтокурова // Энигма. 2022. С. 3–10.
7. Структура Управления Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу. URL: <https://spb.fas.gov.ru/structure> (дата обращения: 22.03.2023).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Способы защиты авторских, смежных прав по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан

Джандарбек Жалгас Бауржанулы, студент магистратуры
Тверской государственной университет

В статье автор пытается провести анализ способов защиты авторских и смежных прав по законодательству РФ и РК.

Ключевые слова: авторское право, смежное право, интеллектуальная собственность, защита авторских прав.

За последние двадцать лет в правовой жизни нашего общества в сфере создания и использования произведений науки, литературы и искусства произошли существенные изменения. Сегодня интеллектуальная деятельность человека важна и имеет первостепенное значение не только для духовного развития человека и человечества, но и для социального и экономического состояния любого государства. Она является важной составной частью безопасности государства, поскольку недостаточный интеллектуальный потенциал, являющийся, в первую очередь, следствием недостаточно нормативно-правовой базы, ведет к формированию не способной конкурировать с экономиками других государств экономике, а значит, слабому государству.

Безусловно, что защита авторских прав может оказать существенное воздействие на состояние инновационного развития страны. Именно интеллектуальная собственность является одним из весомых факторов, обуславливающих возможность инновационного развития государства. При этом необходимо поощрять создание интеллектуальной собственности, обеспечивать ее защиту. Иначе все разработки могут оказаться бесполезными.

Защита авторских и смежных прав представляет собой совокупность действий, целью которых является защита прав и интересов авторов произведений научного, литературного, художественного и технического творчества, а также правообладателей и исполнителей.

В связи с особой востребованностью в правовой защите авторских прав в Российской Федерации и Республике Казахстан действуют законы об авторских правах отдельных законов. В РФ это Федеральный закон «Об авторском праве и смежных правах» [1], а в РК — Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» [2].

Статья 9 Гражданского кодекса Республики Казахстан [3] называет следующие способы защиты гражданских прав: признания прав; восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечения действий, на-

рушающих право или создающих угрозу его нарушения; присуждение и исполнению обязанности в натуре; взыскания убытков, неустойки; признания сделки недействительной; компенсации морального вреда; прекращение или изменения правоотношений; признание недействительным или не подлежащим применению не соответствующего законодательству акта органа государственного управления, местного представительного, исполнительного органа; взыскание штрафа с государственного органа, должностного лица за воспрепятствование в приобретении или осуществлении права.

Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» в статье 49 предусматривает, что защита авторских и смежных прав осуществляется через следующие меры: признание прав, восстановление ситуации, существовавшей до нарушения прав, прекращение действий, которые нарушают право или создают угрозу его нарушения, возмещение ущерба, включая потерянную выгоду, взыскание прибыли, полученной нарушителем в результате нарушения авторских и смежных прав, выплата компенсации в размере от двадцати до пятидесяти тысяч минимальных размеров заработной платы, а при нарушении прав авторов программ для ЭВМ или баз данных — в размере от пятисот до пятидесяти тысяч минимальных размеров заработной платы, установленных законодательством Республики Казахстан.

Нетрудно заметить, что меры защиты, перечисленные в подпунктах 1–5 ст. 49 Закона, являются общими для защиты субъективных гражданских прав. Они названы и в статье 9 Гражданского кодекса Республики Казахстан. Перечень возможных мер защиты является не исчерпывающим. При нарушении авторских и смежных прав, возможно применение и иных мер, например, компенсации морального вреда или обжалования актов государственных органов.

Признание прав на произведения и объекты смежных прав способствует устранению неопределенности в отношениях между лицами и создает условия для осуществления других прав на эти объекты авторского и смежного

права, а также обеспечивает защиту прав от незаконных действий третьих лиц [4].

Необходимость признания прав на объекты авторского и смежного права существует независимо от наличия законодательных положений о регистрации произведений и объектов смежных прав, о специальных процедурах оформления прав на эти объекты или о соблюдении формальностей.

Поскольку отсутствует требование проведения экспертизы для выдачи свидетельства или государственного регистрационного удостоверения, регистрация может служить одним из подтверждений права на объекты авторского права и смежных прав в случае возникновения спора, вместе с другими доказательствами, такими как свидетельские показания, черновики, экспертные заключения и т. д.

Важно отметить, что способ защиты, связанный с признанием прав, используется не только в случае возникновения спорных ситуаций между сторонами, но и в ситуациях, когда нет спора. И порядок защиты в спорных и нормных случаях различен. В ситуации возникновения спора относительно права, спорное отношение будет рассматриваться в рамках судебного процесса, где лицо, утверждающее, что его право было нарушено (истец), обращается в суд с исковым требованием против ответчика. При отсутствии спора лицо, заинтересованное в официальном подтверждении своих прав на произведение, подает в суд заявление о подтверждении принадлежности неоспариваемых прав на произведение именно, т. е. в соответствии с терминологией процессуального закона, лицо просит суд установить факт, имеющий юридическое значение. И суд по заявлению заинтересованного лица должен рассмотреть дело об установлении такого факта в порядке особого, т. е. неискового, бесспорного производства. Суд устанавливает юридические факты, если нет возможности в ином, не судебном порядке получить надлежащие документы.

Рассматривая вопросы защиты авторских прав, он отмечает, что в случае нарушения личных прав автора на имя, опубликование, неприкосновенность произведения, то эти права фактически остаются незащищенными. Так, например, в случае внесения в произведение не согласованных с автором изменений и распространение такого произведения, то для восстановления нарушенных прав, т. е. для придания произведению первоначального вида, необходимо сначала как минимум изъять экземпляры произведения из оборота.

Совершенно справедливо поставить вопрос: возможно ли изъять контрафактные экземпляры у тех, кто их приобрел? Так как это нарушает имущественные интересы правообладателя. Приобретение контрафактных экземпляров приносит убытки законному правообладателю в силу того, что покупательная способность его неконтрафактных экземпляров, находящихся на рынке, уменьшается.

И в авторском законодательстве, и в теории авторского права изначально в основу был положен принцип

недопустимости распространения на исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности правового режима, применяемого к имуществу, собственности. Это, в частности, нашло законодательное отражение в п. 5 ст. 6 Закона об авторском праве. Передача права собственности на материальный объект или права владения материальным объектом сама по себе не влечет передачи каких-либо авторских прав на произведение, выраженное в этом объекте...» [5].

Подытоживая следует отметить, что восстановление положения, существовавшего до нарушения права, может быть одной из мер защиты, применяемой совместно с другими мерами. Например, автор, чье произведение было издано или использовано без упоминания его имени, может требовать указания своего имени, а также получения компенсации или возмещения убытков и т. д.

Необходимо изучить вопросы, связанные с защитой авторских прав в соответствии с законодательством Российской Федерации. Охрана авторских и смежных прав является актуальной темой в современном обществе, где информационные технологии и интернет стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

В отличие от личных неимущественных прав, законодательство позволяет передавать исключительное право от автора к другому правообладателю. Такой переход права может происходить посредством гражданско-правовой сделки об отчуждении исключительного права (согласно статье 1234 Гражданского кодекса РФ) [6] или предоставлению права использования результатов интеллектуальной деятельности (согласно статье 1235 Гражданского кодекса РФ), а также на основании внедоговорных обстоятельств (согласно статье 1241 Гражданского кодекса РФ). Особый случай передачи исключительного права по внедоговорным основаниям — это передача права в результате создания произведения в рамках служебной деятельности. В соответствии с частью 2 статьи 1295 Гражданского кодекса РФ, исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю, если трудовым или иным договором между работодателем и автором не предусмотрено иное.

Исследование нормативного регулирования, касающегося защиты интеллектуальных прав, позволяет установить, что соответствующие отношения регулируются определенными статьями Гражданского кодекса Российской Федерации, включая статьи 1251, 1252 и 1254. Кроме того, положения, касающиеся защиты интеллектуальных прав, содержатся в других статьях Гражданского кодекса РФ, включая статью 1250.

Судебная практика основывается преимущественно на ограничительном толковании норм ст. 1250 ГК РФ о применимых способах защиты исключительных прав. В частности, Суд по интеллектуальным правам в нескольких судебных постановлениях указал на отсутствие законной возможности использования такого часто применяемого правообладателями способа защиты исключительного права на товарный знак, как предъявление требования о признании незаконным использо-

вания товарного знака (действий с товарным знаком) (например, путем размещения на ввозимых либо реализуемых товарах), поскольку данный способ защиты законом не предусмотрен, не направлен на устранение нарушения исключительного права правообладателя, а установление факта нарушения права в данном случае относится к основанию, а не предмету иска [7].

Однако, поскольку эти способы защиты не противоречат существующему законодательству, они могут быть применены. Действующее законодательство предусматривает различные способы защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, включая гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые меры. Однако, как уже было отмечено, не все указанные объекты интеллектуальных прав защищаются нормами административного или уголовного права. В большинстве случаев защита результатов интеллектуальной дея-

тельности осуществляется в рамках гражданского порядка.

В мировой практике решения проблем защиты интеллектуальной собственности наблюдается тенденция к универсализации способов ее охраны и защиты. Вероятно, данная тенденция будет наблюдаться и в российском и казахстанском законодательстве. Согласимся с мнением ученых, занимающихся проблемами интеллектуальной собственности, которые считают, что, несмотря на длительное существование специального Федерального закона «Об авторском праве и смежных правах», а также принятие долгожданной IV части ГК РФ, эта область была и будет предметом многочисленных споров и разногласий. Думается, российскому авторскому праву необходимо какое-то время для того, чтобы зафиксированные в Кодексе механизмы защиты нарушенных авторских прав начали стабильно функционировать.

Литература:

1. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 N 5351-1. — Текст: электронный // www.consultant.ru: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2238/ (дата обращения: 30.05.2023).
2. Закон Республики Казахстан «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 N 5351-1 от 10 июня 1996 года № 6-1. — Текст: электронный // adilet.zan.kz: [сайт]. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000006_ (дата обращения: 30.05.2023).
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 268-ХІІІ. — Текст: электронный // adilet.zan.kz: [сайт]. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 30.05.2023).
4. Гринь Е. С. Правовая охрана авторских прав. — М.: Проспект, 2016.
5. Близнец, И. А. Право интеллектуальной собственности. — М.: Проспект, 2016.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 13.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)
7. Близнец И. А. Авторское право и смежные права. М.: Проспект, 2015.

К вопросу о правомерности использования алгоритмов искусственного интеллекта при подготовке и написании учебных работ

Кудинов Максим Александрович, юрист
ИП Кудинов М.А. (г. Тольятти, Самарская обл.)

Автор рассматривает правовые проблемы использования алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) при подготовке и написании учебных работ обучающимися. В частности, исследуется вопрос о том, вправе ли обучающийся использовать алгоритмы ИИ при написании учебных и научных работ, а также о том, является ли использование текстов, сгенерированных ИИ, в учебных работах нарушением требования о самостоятельности обучения, анализируются последствия написания и защиты подобных работ.

Ключевые слова: аттестация, искусственный интеллект, нейросеть, учебные работы, ChatGPT.

Искусственный интеллект (далее — ИИ) — это одна из наиболее известных технологий современного общества. Алгоритмы искусственного интеллекта в настоящее время успешно и активно применяются в медицине, банковском бизнесе, космических технологиях, в сельском хозяйстве, логистике, обороне, образовании

и многих других отраслях человеческого общежития и экономики.

О важности развития технологий ИИ для отечественной науки и экономики свидетельствует принятая в октябре 2019 года «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [1].

В ней, в частности, указывается о необходимости разработки специального правового режима регулирования ИИ, что подразумевает и решение проблемы правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием ИИ.

Комментируя необходимость развития технологий ИИ, Президент России Владимир Путин, в ходе выступления на пленарном заседании конференции по искусственному интеллекту «Artificial Intelligence Journey» 9 ноября 2019 года отметил, что именно от правильного применения технологий ИИ в конечном итоге будет зависеть развитие «комфортных и безопасных городов, доступная и качественная медицина, образование, современная логистика и надёжная транспортная система, освоение космоса и Мирового океана, наконец, обороноспособность страны» [2].

При этом использование ИИ ставит перед человечеством целый ряд технических, прикладных, философских и футурологических проблем, к решению которых в настоящее время сформированы очень разные подходы. Одна из таких проблем связана с правомерностью использования алгоритмов ИИ при подготовке и написании учебных работ.

Суть этой проблемы заключается в том, что ряд пользователей используют нейросети (одна из наиболее перспективных и быстро развивающихся областей ИИ) для генерирования текстов, которые впоследствии используются или даже ложатся в основу рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ или даже научных статей.

Попытки подобных генераций текстов имеют место на протяжении уже нескольких лет, однако, до создания универсального чат-бота ChatGPT (ноябрь 2022 год), они не были в достаточной степени успешными — из-за большого количества ошибок и не совсем корректной работы. Создание ChatGPT, на основе продвинутой языковой модели, произвело настоящую революцию — благодаря этой технологии пользователям стало доступно создание сценариев, кодов, стихов, текстов. Кроме того ChatGPT позволяет производить сложные расчёты, а также «сгенерировать впечатляюще подробный и похожий на человеческий текст» [3].

Практически сразу возможности ChatGPT стали использовать для написания учебных работ — в первую очередь в зарубежных странах. Технический писатель Дэн Гиллмор (США) использовал ChatGPT в студенческом задании, высоко оценил полученный текст, утверждая, что сгенерированный текст соответствует работе прилежного студента и высказал мнение, что «перед академическими кругами стоят некоторые очень серьёзные проблемы» [4].

Подобных опытов за короткое время было проведено достаточно много, а полученные результаты свидетельствуют о том, что генерируемые тексты логичны, структурированы, в должной степени имитируют академическую речь, но в ряде случаев содержат ряд фактических ошибок, что, впрочем, характерно и для учебных работ студентов.

В России возможности генерации текстов ботом ChatGPT стали широко известны в конце января — начале февраля 2023 года, когда студент бакалавриата РГГУ Александр Жадан (по его собственному утверждению в социальных сетях) написал ВКР с помощью чата ChatGPT менее чем за сутки. Данный диплом был успешно защищён и был оценен оценкой «удовлетворительно». Александр Жадан подробно описал алгоритм собственной работы с чатом. В частности, с помощью ряда запросов на английском языке по теме ВКР были получены тексты, которые (после перевода на русский язык) были положены в основу введения, первой (теоретической) главы работы. Для практической и аналитической части пользователь использовал чужую учебную работу, которая была направлена боту с запросом на изменение ее под конкретную тему и организацию [5].

Общий объем затраченного времени на работу составил 23 часа, из которых 15 ушло на запросы боту и 9 часов на перевод (вероятно машинный) и редактирование. Полученный текст имел 82 процента оригинальности по системе «Антиплагиат» и получил положительные рецензии от научного руководителя и оппонента, которые, впрочем, отмечали несвязность текста и нарушение логики русского языка.

После сообщения студента в социальной сети данная новость была «подхвачена» целым рядом новостных изданий, вызвав настоящий скандал. В частности, ряд граждан направило в Министерство науки и высшего образования просьбы и заявления, настаивая на аннулировании результатов защиты данного диплома, со ссылкой на то, что ВКР была написана не самостоятельно [6].

Защищенный диплом, а также процедура защиты и получения студентом рецензии и отзыва, была подвергнута дополнительной проверке в РГГУ. Тем не менее, аннулирования результатов защиты не произошло, Александр Жадан получил документ о высшем образовании и даже был приглашен для участия в обсуждениях комитета Госдумы по информационной политике и информационным технологиям об использовании ИИ в обучении [7].

Очевидно, что данный прецедент — не единственный и со временем их станет только больше, тем более что уже в марте разработчики ChatGPT объявили о внедрении более продвинутой языковой модели GPT-4. В ряде стран (Италия, Япония) уже было объявлено о запрете использования ChatGPT в учебных целях, однако результативность этих запретов явно находится под угрозой — студенты явно не перестанут пользоваться такими возможностями искусственного интеллекта. Однако рассмотренный случай, а также явная перспектива его повторения, ставит проблему правомерности использования алгоритмов искусственного интеллекта в учебных и научных работах.

Данную проблему можно разбить на несколько составляющих:

1) Вправе ли обучающийся использовать алгоритмы ИИ при написании учебных и научных работ?

2) Является ли использование текстов, сгенерированных ИИ в учебных и научных работах нарушением требования о самостоятельности обучения?

3) Является ли факт написания учебной (научной) работы с использованием алгоритмов ИИ основанием для недопуска обучающегося к промежуточной или итоговой аттестации или для выставления неудовлетворительной оценки по промежуточной или итоговой аттестации?

4) Является ли последующее выявление факта написания учебной (научной) работы с использованием алгоритмов ИИ основанием для аннулирования результатов промежуточной или итоговой аттестации обучающихся?

Рассмотрим возможность решения этих вопросов с опорой на действующее законодательство и сложившуюся практику.

1) Относительно первого вопроса о том, вправе ли обучающийся использовать алгоритмы ИИ при написании учебных и научных работ необходимо ответить утвердительно. На настоящий момент ни в одном из действующих правовых актов в сфере образования нет запрета на использование ИИ. И даже если этот запрет появится, к примеру во внутренних актах учебного заведения проверить его соблюдения вряд ли получится. Более того, считаем, что использование ИИ в учебных целях надо только поощрять — искусственный интеллект может помогать при оформлении работ, при различных расчётах, при поиске информации и т. д.

2) Второй вопрос — о том, является ли использование текстов, сгенерированных ИИ в учебных и научных работах нарушением интеллектуальных прав, является более сложным. Во-первых, в Федеральном законе «Об образовании» [8] чётко указано, что обучающиеся обязаны «...осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям...» (п. 1 ч. ст. 43). Однако является ли использование алгоритмов ИИ нарушением такой «самостоятельности»? Ответ явно кроется в масштабах и характере такого использования. Если использовать ИИ для расчётов, при поиске информации, то такая самостоятельность не нарушается. Если использовать ИИ для генерации текстов, которые потом используются в учебной работе без изменений — то здесь явное нарушение, так как они подготовлены не самостоятельно. Кроме того, нельзя забывать и о том, что нейросеть весьма часто генерирует ответы с фактическими ошибками.

Если же эти тексты в должной степени переработаны обучающимся, то в использовании ИИ нет нарушений. Впрочем однозначно ответить о том, насколько глубокой должна быть переработка текста для того чтобы считать его самостоятельным, в настоящее время нельзя. Можно лишь высказать мнение о том, что полностью сгенерированными не могут быть выводы по любой из частей работы, не может быть сгенерирована практическая и аналитическая части работы, которые, как правило, пишутся на конкретном объекте исследования.

3) На третий вопрос о том, является ли факт написания учебной (научной) работы с использованием ал-

горитмов ИИ основанием для не допуска обучающегося к промежуточной или итоговой аттестации или для выставления неудовлетворительной оценки по промежуточной или итоговой аттестации также нет однозначного ответа. Если сгенерирована основная часть текста, принципиальные выводы работы, и этот текст приведен без должной обработки — то здесь явное нарушение самостоятельности, а значит, работа не может быть оценена положительно. Однако устанавливать это должна как минимум экспертная комиссия путем тщательного анализа работа и собеседования с обучающимся. Не исключаем, что положения о подобных экспертных комиссиях в ближайшем времени должны будут разработать все образовательные учреждения профессионального образования.

4) Ответ на вопрос о том, является ли последующее выявление факта написания учебной (научной) работы с использованием алгоритмов ИИ основанием для аннулирования результатов промежуточной или итоговой аттестации обучающихся необходимо разбить на две составляющие.

В том случае если с помощью ИИ была написана учебная работа (то есть, сгенерирована основная часть текста, принципиальные выводы работы), которая получила положительную оценку на промежуточной аттестации, то основания для аннулирования результатов такой аттестации — есть. Как правило, такие основания прописываются и закрепляются во внутренних документах образовательного учреждения, вместе с механизмом такого аннулирования. К примеру, в «Положении о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся по программам высшего образования в Тамбовском государственном техническом университете» указано, что «допускается аннулирование результатов промежуточной аттестации, внесенных в зачетные книжки, зачетно-экзаменационные ведомости и экзаменационные листы, полученных без проверки реальных знаний обучающихся и признанных заведомо ложными сведениями, приказом ректора...» [9].

Однако, если с помощью ИИ была написана учебная работа, которая получила положительную оценку на итоговой аттестации, то аннулировать ее результаты нельзя, так как ни ФЗ «Об образовании», ни другие нормативные акты не предусматривают процедуры подобной аннуляции.

Единственное основание для аннулирования результатов государственной аттестации — апелляция обучающегося, поданная «не позднее следующего рабочего дня после объявления результатов государственного аттестационного испытания» (п. 51 «Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры» [10]). Если апелляции со стороны обучающегося не было, то признать результаты итоговой аттестации недействительными нельзя. Как нам кажется, именно по этой причине и не был в итоге лишен диплома Александр Жадан — ведь его работа успешно прошла итоговую аттестацию, несмотря на то, что нейросетью была

сгенерирована основная часть текста и принципиальные выводы работы. Кроме того, Александр Жадан, по собственному его утверждению, использовал чужую учебную работу, в которой были проанализированы данные по совершенно иному объекту исследования.

Такое использование исключает «самостоятельность» и могло бы быть признано фактом использования «заведомо ложных сведений». Тем не менее, так как процедура аннулирования результатов итоговой аттестации не предусмотрена, обучающийся получил диплом.

Впрочем, есть теоретическая возможность признания диплома недействительным через суд. Судебные решения о признании документов об образовании недействительными (с последующим их уничтожением) при наличии должных оснований — относительно распространенная практика. Под таковыми обстоятельствами, как правило, понимается подложный документ, подтверждающий по-

лучение предыдущего уровня образования (Решение Калининского районного суда города Чебоксары от 21 июля 2020 года 21RS0024-01-2020-002454-25 № 2-2023/2020 [11]), либо же установление фактов дачи и получения взятка за успешную сдачу государственных экзаменов, предоставление готовых вариантов выпускных квалификационных работ, внесение в систему «Антиплагиат» ложных сведений (Решение Центрального районного суда г. Оренбург от 05 апреля 2022 года 56RS0042-01-2022-002245-19 № 2-1670/2022 [12]).

Предполагаем, что установленный факт написания выпускной квалификационной работы с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, которым была сгенерирована основная часть текста и принципиальных выводов работы может стать основанием для судебного решения о признании полученного в результате документа об образовании недействительными.

Литература:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490. — Текст: электронный // kremlin.ru: [сайт]. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/АН4х6HgKWANwVtMO fPDhcbRvpd1HCCsv. pdf> (дата обращения: 16.05.2023).
2. Владимир Путин выступил на пленарном заседании конференции по искусственному интеллекту «Artificial Intelligence Journey». — Текст: электронный // kremlin.ru: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003> (дата обращения: 16.05.2023).
3. What is AI chatbot phenomenon ChatGPT and could it replace humans?. — Текст: электронный // theguardian.com: [сайт]. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/dec/05/what-is-ai-chatbot-phenomenon-chatgpt-and-could-it-replace-humans> (дата обращения: 16.05.2023).
4. AI bot ChatGPT stuns academics with essay-writing skills and usability. — Текст: электронный // theguardian.com: [сайт]. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/dec/04/ai-bot-chatgpt-stuns-academics-with-essay-writing-skills-and-usability> (дата обращения: 16.05.2023).
5. Российский студент рассказал в Twitter, как защитил диплом, написанный ChatGPT. — Текст: электронный // vc.ru: [сайт]. — URL: <https://vc.ru/education/596981-rossiyskiy-student-rasskazal-v-twitter-kak-zashchitil-diplom-napisannyy-chatgpt> (дата обращения: 16.05.2023).
6. Написанный с помощью ChatGPT диплом студента РГГУ проверит руководство вуза. — Текст: электронный // kommersant.ru: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5798331> (дата обращения: 16.05.2023).
7. Российский студент, написавший диплом с помощью ChatGPT, успешно его получил. — Текст: электронный // vc.ru: [сайт]. — URL: <https://vc.ru/education/634441-rossiyskiy-student-napisavshiy-diplom-s-pomoshchyu-chatgpt-uspeshno-ego-poluchil> (дата обращения: 16.05.2023).
8. Об образовании в Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.02.2022) — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 31.12.2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.
9. Положение о текущем контроле успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся по программам высшего образования в Тамбовском государственном техническом университете. — Текст: электронный // tstu.ru: [сайт]. — URL: <https://tstu.ru/general/docum/pdf/vysobr/02.07. pdf> (дата обращения: 16.05.2023).
10. Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 июня 2015 года N 636 (с изменениями от 27 марта 2020 года). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: www.pravo.gov.ru, 24.07.2015, N 0001201507240021 (дата обращения: 16.05.2023).
11. Решение Калининского районного суда города Чебоксары от 21 июля 2020 года 21RS0024-01-2020-002454-25 № 2-2023/2020. — Текст: электронный // sudact.ru: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3QKrJ9ZFMfmm/> (дата обращения: 16.05.2023).
12. Решение Центрального районного суда г. Оренбург от 05 апреля 2022 года 56RS0042-01-2022-002245-19 № 2-1670/202. — Текст: электронный // судебные решения. рф: [сайт]. — URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afybeub5d.xn-p1ai/70291934> (дата обращения: 16.05.2023).

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Основные черты преступной деятельности в бюджетной сфере

Донгак Диана Робертовна, студент;

Корпунова Арина Александровна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

В статье авторы рассматривают результаты негативного влияния криминальных факторов на общественные отношения, связанные с распределением и перераспределением бюджетных средств, ставится под угрозу исполнение обязательств, взятых на себя государством. Основными проявлениями криминальных структур в финансово бюджетной сфере являются коррупция, нецелевое расходование бюджетных средств, злоупотребления должностных лиц ответственных за правомерность распоряжения бюджетными ресурсами. В статье раскрываются основные общие черты преступлений, совершаемых в бюджетной сфере.

Ключевые слова: бюджет, преступления в бюджетной сфере.

Формирование бюджета необходимо для выполнения публичных функций. Несмотря на то, что сам термин используется не только в отношении бюджетов публичных образований, например, для характеристики бюджета определенного проекта, применительно к уголовно-правовой ответственности дефиниция рассматривается в том понимании, которое присутствует в Бюджетном кодексе РФ [1].

Поэтому, анализируя преступную деятельность в бюджетной сфере, необходимо исходить из того, что речь идет о бюджетах трех уровней — федеральный, региональный и местный.

Не углубляясь в исследование общественной опасности преступлений в бюджетной сфере, можно отметить общий объем причиненного в результате нарушения бюджетного законодательства ущерба. Об этом свидетельствует годовой отчет Счетной палаты РФ, согласно которому в 2019 году было выявлено около 4443 нарушений в бюджетной сфере на общую сумму 884,6 млрд руб. При этом, более 178 млрд рублей приходится на нарушения, совершённые в процессе стадии исполнения бюджета. Основная доля правонарушений связана со сферой государственных закупок [7].

В 2021 году Счетная палата завершила 346 мероприятий. По итогам этих проверок выявлено 4253 нарушения и недостатка на общую сумму 1 541,4 млрд рублей. В структуре финансовых нарушений преобладают нарушения при ведении бюджетного учета и представления отчетности — 473 факта нарушений на сумму 571,3 млрд рублей (37%), а также нарушения при осуществлении государственных закупок и закупок отдельными видами юридических лиц. За отчетный период в этой сфере выявлено 663 факта нарушений на сумму 416,3 млрд рублей (27%) [8].

По данным Счетной палаты РФ в 2022 году был причинен ущерб на сумму 885,6 млрд рублей [9]. Безусловно, часть ущерба причинена в результате иных, а не преступных правонарушений, однако значительная доля приходится на преступления, в свете чего исследование преступных деяний данной категории сохраняет свою актуальность.

На нормативном уровне круг преступлений, которые могли бы быть определены как преступления в бюджетной сфере, не конкретизируется. В Уголовном кодексе РФ нет отдельной главы, где присутствовали бы только деяния, определяемые как бюджетные преступления, а составы преступлений распределены по разным главам в зависимости от субъективных и объективных признаков состава преступления [2]. За основу при отграничении преступлений в бюджетной сфере от иных преступных деяний представляется возможным взять такой критерий, как причинение ущерба бюджету соответствующего уровня.

Можно согласиться с утверждением Д. Д. Зубкова, предложившего классификацию на основе указанного критерия. Данная классификация основывается также на субъективных признаках состава преступления, исходя из чего выделяют хищение, нецелевое расходование и иные преступные деяния, которые нельзя отнести к первым двум группам, но влекущие причинение бюджету ущерба [6, с. 317–318].

С учетом подобной классификации и определения средств бюджета соответствующего уровня как предмета преступного деяния, можно утверждать, что основной чертой преступной деятельности в бюджетной сфере является причинение ущерба бюджету. Вне зависимости от того, идет ли речь о хищении, то есть корыстном преступлении, о нецелевом расходовании или ином пре-

ступном деянии, причинение ущерба или риск его причинения являются важными признаками.

Э. О. Герцовская, анализируя признаки преступлений в бюджетной сфере, излагает интересную и заслуживающую внимания идею, а именно: по мнению данного автора присутствует прямая зависимость между выделением денежных средств в завышенном объеме напрямую предопределяет совершение преступления в отношении данных средств [5, с. 108].

Однозначно отвергать такую идею, как представляется, не стоит. Само по себе выделение денежных средств, исходя из презумпции добросовестности государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, которые так или иначе участвуют в системе распределения бюджетных средств, не предполагает, что будет совершено преступление. Тем не менее, при отсутствии финансирования, а, тем более, при завышенном по сравнению с объективной потребностью финансировании, риск злоупотреблений и совершения преступлений присутствует. Можно предположить, что особенно актуальной данная проблема является для сферы государственных и муниципальных закупок, несмотря на то, что государство в последние годы предпринимает максимум усилий для того, чтобы эта сфера стала прозрачной, а количество правонарушений и злоупотреблений снизилось.

Если исходить из того, как выстроена сама бюджетная система, то можно утверждать, что преступления в отношении нее совершаются на стадии расходования средств бюджета. Поступление средств бюджет в результате налоговых отчислений и иных платежей, согласно современным классификациям, определяется как совершение деяний в бюджетной сфере. Ущерб в случае неуплаты или частичной уплаты налогов, иных платежей и сборов, безусловно, возникает. Однако эта категория преступных деяний выделена в отдельную, хотя и смежную с бюджетными преступлениями группу по признаку способа совершения преступления.

Способ совершения преступлений значим и для преступлений в бюджетной сфере, где отсутствует полный контроль на стадии исполнения бюджета и сделан акцент на последующем контроле. Если рассматривать преступления в бюджетной сфере в части хищения, нецелевого расходования и присвоения средств, то можно предположить, что совершение всех этих действий преимущественно возможно в случае исполнения обязательств по государственным и муниципальным контрактам. Особенно проблематична сфера строительства и выполнения разного рода работ, потому что повышение стоимости на стадии исполнения может быть объективным и обусловленным причинами, которые не зависят от подрядчика (исполнителя), а может иметь место и сговор, то есть искусственное повышение с целью присвоения

денежных средств, полученных сверх того, что реально необходимо для исполнения обязательств.

В том случае, если расходование бюджетных средств осуществляется на цели субсидирования, признаком преступного деяния может выступать фальсификации документации, как основания для получения субсидии. Пример подобного способа описан, в частности, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 за 2020 год — это внесение в документы информации, заведомо не соответствующей действительности для целей получения субсидии [3]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подобные деяния квалифицируются как мошенничество, то есть специфическая разновидность хищений, относящаяся к категории наиболее сложной в доказывании.

Стоит отметить, что заведомое искажение документации, подлог документов используются и в случае совершения иных преступных деяний, в результате которых причиняется ущерб бюджету. Например, по делу, которое было предметом рассмотрения Верховного Суда Республики Карелия, осужденные фальсифицировали в полном объеме документы, которые являлись основанием для получения бюджетных денежных средств [4]. При этом третьи лица, то есть организации или физические лица, которые являются продавцами, подрядчиками или исполнителями, в процесс совершения преступного деяния не вовлекались.

Поэтому представляется, что вовлеченность третьих лиц, то есть иных, помимо государственных и муниципальных служащих, сотрудников государственных и муниципальных заказчиков в преступную деятельность не стоит рассматривать как ключевой способ совершения преступлений в бюджетной сфере. Описанный пример наглядно иллюстрирует, что способов совершения может быть много, а совершаться преступление может, например, только государственными служащими или сотрудниками бюджетной организации, которые наделены полномочиями отдавать распоряжения о расходовании бюджетных средств.

Резюмируя, можно утверждать, что признаком, который объединяет преступления в бюджетной сфере, является посягательство на средства соответствующего бюджета, причинение или наличие риска причинения ущерба. Специфика данных деяний проявляется в том, что ущерб причиняется на стадии расходования денежных средств, исполнения бюджетных обязательств. Утверждение основывается на том, что ущерб бюджету может быть причинен и применительно к стадии пополнения бюджета в результате налоговых и иных платежей, однако данные деяния не выделяются как преступления в бюджетной сфере, будучи определенными как налоговые преступления.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.
4. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 27.10.2021 № 22–1701/2021 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
5. Герцовская В. О. Основные черты преступной деятельности в бюджетной сфере // Вопросы развития современной науки и техники. Сборник трудов конференции. 2021. С. 106–112.
6. Зубков Д. Д. Способ совершения преступлений в бюджетной сфере как элемент их криминалистической характеристики // Цифровизация образования: теоретические и прикладные исследования современной науки. Материалы XXVII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. 2021. С. 316–322.
7. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2019 году [Электронный ресурс]. Url: <https://ach.gov.ru/promo/annual-report-2019/> (дата обращения: 07.05.2023).
8. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2021 году [Электронный ресурс]. Url: <https://ach.gov.ru/upload/reports/2021.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).
9. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2022 году [Электронный ресурс]. Url: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a1c/ygyhwc502ubudozudfb6bp73i684e132.pdf> (дата обращения: 07.05.2023).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Договор коммерческой концессии. Актуальные изменения, стимулирующие рынок российских брендов

Галкина Екатерина Андреевна, студент

Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

Модель бизнеса, основанная на передаче комплекса исключительных прав, включая право на известный товарный знак, давно популярна во всём мире. Но именно сейчас в России мы наблюдаем новый виток развития договоров коммерческой концессии (франчайзинга). Если раньше речь шла преимущественно о зарубежных мировых брендах, что сейчас, в силу новой экономической реальности, всё большее развитие получают российские бренды и создаваемые ими сети. Принимаемые правительством меры, направленные на стимулирование отечественного рынка, активное ориентирование на импортозамещение и поправки, принятые в 2022 году в Налоговый Кодекс РФ, освобождающие предпринимателей от уплаты НДС при передаче ряда интеллектуальных прав по договорам коммерческой концессии, способны еще больше простимулировать отечественный рынок и развитие российских торговых сетей и брендов.

Ключевые слова: договор коммерческой концессии, франчайзинг, передача исключительных прав, освобождение от уплаты НДС, интеллектуальная собственность, отечественные бренды.

Условия работы на современном рынке выдвигают серьезные требования к его участникам. Это вызвано высокой конкурентностью в самых различных областях, глобализацией, монополизацией рынка, кредитными игроками, требовательностью клиентов к качеству товаров и услуг. Как следствие, выведение на рынок новых брендов, товаров, услуг связано с высокими затратами финансовых и временных ресурсов, требуемых для обеспечения рекламной кампании, отработки стандартов работы, проведения коммерческих экспериментов и проч. Современная компания должна быть гибкой (оперативное внедрение изменений из-за высокой волатильности рынка), масштабируемой, актуальной (использование современных средств маркетинга и делопроизводства, соответствие трендам рынка), обладать хорошей логистикой, единообразием сервисов, использовать аутсорс непрофильных видов деятельности и многое другое.

На сегодняшний день широчайшее распространение приобрёл формат работы по договору коммерческой концессии (франшиза). Такая популярность вызвана тем, что данный подход позволяет компаниям решить большую часть вышеописанных проблем быстро, эффективно и с минимальными затратами ресурсов.

Сторонами договора коммерческой концессии являются правообладатель и пользователь. В их качестве могут выступать как коммерческие организации — юридические лица, так и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей п. 3 ст. 1027 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 1027 Гражданского Кодекса РФ «по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (поль-

зователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау)».

Передача комплекса исключительных прав, обозначенных в п. 1 ст. 1027 ГК РФ, составляет предмет договора коммерческой концессии.

Судебная практика показывает, что основным признаком договора коммерческой концессии является предоставление исключительного права на товарный знак, а если такое право не предоставлено, то это не коммерческая концессия, а лицензионный договор [4].

Чаще всего в роли правообладателя выступают компании, обладающие уже известным товарным знаком (брендом) и набором товаров и услуг, уже получившими тот или иной уровень развития на рынке, в роли пользователя — лица, обладающие определенным капиталом, желающие развивать предпринимательскую деятельность в сфере работы правообладателя. Правообладателю требуется рост и быстрый захват доли рынка с минимальными затратами ресурсов. Пользователю требуется найти возможность выхода на конкурентный рынок с минимальными затратами и капиталом, которого недостаточно для развития полноценного бизнеса с нуля за короткий отрезок времени. Договор коммерческой концессии позволяет закрыть потребности обеих сторон и эффективно решить эти задачи.

Как следует из п. 2 ст. 1027 ГК РФ перечень передаваемых к использованию прав является открытым. То есть помимо перечисленных в статье в него могут войти и

- права, вытекающие из патентов на изобретения;
- права, вытекающие из патентов на промышленные образцы;
- права, вытекающие из патентов на селекционные достижения;
- права, вытекающие из свидетельств на полезные модели;
- права на принадлежащие правообладателю объекты авторского права, программы для ЭВМ и базы данных;
- права на принадлежащие правообладателю топологии интегральных микросхем и т. п.

Важным аспектом коммерческой концессии служит обоюдное влияние сторон договора на продвижение и узнаваемость торговой марки. А возрастающая популярность использования договоров коммерческой концессии объясняется неоспоримыми плюсами для обеих сторон. Так, используя договор коммерческой концессии, правообладатель привлекает к участию в развитии собственного бизнеса пользователей и даёт им не только возможность работы под своей торговой маркой, но и предоставляет стандарты обслуживания, производства продукции, схемы обучения персонала, логистические услуги, аутсорсинг различных процессов (бухгалтерия, отчетность, аудит, планирование и проч.). В свою очередь правообладатель получает взамен присутствие своего бренда в новых регионах (странах) или сегментах потребителей, снижение затрат на развитие своей сети (реклама, ремонт и оформление помещений, фонд оплаты труда персонала, оснащение точек продаж). Дополнительную выгоду правообладатель может получать, применяя такие схемы работы с поставщиками как «лизинг». К примеру, будучи крупным клиентом лизинговой компании и получая оборудование по низким ценам, имеет возможность передавать оборудование пользователю по выгодной для себя ставке.

Возможность заключения договора субконцессии (согласно п. 1 ст. 1029 ГК РФ) еще больше расширяет границы выгоды как правообладателя, так и ответственного пользователя.

Например, при успешном развитии франшизы в определенном регионе и наличии в нем успешного пользователя, правообладатель, предоставляя возможность заключения договоров субконцессии, делегирует пользователю возросшую нагрузку по контролю работы других пользователей (субконцессионеров) и оптовой дистрибуции товара/услуг в регионе.

При этом такой пользователь может получить более выгодные условия работы и еще более успешно расширять собственный бизнес и наращивать обороты.

Правообладатель имеет возможность гибкой регуляции логистических потоков по сегментам рынка, предоставляемым услугам и товарам на нем, давая возмож-

ность заключения договоров субконцессии ключевым пользователям.

При этом правообладатель защищен от негативных последствий неконтролируемого заключения договоров субконцессии, так как в соответствии с п. 1 ст. 1023 ГК РФ договор коммерческой субконцессии не может быть заключен на более длительный срок, чем договор коммерческой концессии, на основании которого он заключается, а также пользователь несет субсидиарную ответственность за вред, причиненный правообладателю действиями вторичных пользователей — п. 4 ст. 1023 ГК РФ.

Таким образом, договор коммерческой субконцессии позволяет еще более эффективно увеличивать сторонами договора коммерческой концессии свою долю рынка.

В 2022 году был принят Федеральный закон, крайне важный для предпринимателей, работающих на основании договоров коммерческой концессии. На основании Федерального закона от 16.04.2022 N 97-ФЗ «О внесении изменения в статью 149 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» с 1 июля 2022 года отменена уплата НДС при передаче исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности на основании договора коммерческой концессии.

Важным моментом при заключении договора коммерческой концессии является тот факт, что освобождение от оплаты НДС применяется, если в цене договора выделена сумма вознаграждения за передачу таких прав, а также прав на использование указанных результатов интеллектуальной деятельности (согласно пп. 26.2 п. 2 ст. 149 НК РФ).

Учитывая то, что в рамках договора коммерческой концессии могут быть переданы права на результаты интеллектуальной деятельности, не предусмотренные пп. 26.2 п. 2 ст. 149 НК РФ, для применения льготы в договорах необходимо отделить вознаграждение за передачу прав, которое не облагается НДС, от иных видов вознаграждения.

Таким образом, разграничив отдельными пунктами в договоре коммерческой концессии сумму и порядок оплаты за право использования товарным знаком, знаком обслуживания от суммы и порядка оплаты иных исключительных прав, перечисленных в пп. 26.2 п. 2 ст. 149 НК РФ (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), предприниматели получают возможность законным способом сэкономить значительную часть средств на уплате налогов и направить эти средства на развитие своего бренда.

Внесенная в Налоговый кодекс поправка способна значительно стимулировать рынок отношений, регулируемых договорами коммерческой концессии, а участникам действующих франчайзинговых отношений предстоит пересмотреть условия договоров.

Данное новшество, безусловно, будет способствовать повышению экономической активности субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности в области передачи прав по договорам коммерческой

концессии, будет содействовать поддержанию и ускорению экономического роста в различных отраслях российской экономики.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000, N 32, ст. 334
3. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 149 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» от 16.04.2022 N 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 18.04.2022, N 16, ст. 2599.
4. Решение АС г. Москвы по делу N А40-141135/12 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru>. Дата обращения: 12.12.2022 г.

К вопросу об установлении уголовной ответственности за нарушение законодательства РФ о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности

Романова Мария Михайловна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена актуальному и остро стоящему вопросу. Автор приходит к выводу о том, что права и законные интересы граждан нуждаются в уголовно-правовых средствах охраны. Автором исследуются законодательные положения, устанавливающие уголовную ответственность за смежные составы преступления, а также высказывается мнение о необходимости более четкого установления пределов коллекторской деятельности и передачи расследования уголовных дел в отношении таких субъектов в ведение ФССП России.

Ключевые слова: коллекторская деятельность, деятельность по взысканию просроченной задолженности, профессиональные взыскатели, уголовная ответственность.

С момента принятия Федерального закона от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности ...» (далее — Закон № 230-ФЗ) наиболее дискуссионным вопросом как в правовой науке, так и на практике был и остается вопрос установления уголовной ответственности за нарушение данного закона.

По данным Банка России, наблюдается ежегодный рост кредитования физических лиц. Так, по состоянию на декабрь 2022 года в целом по стране было выдано рекордное количество потребительских кредитов — 2 095 319, в Волгоградской области — 25 867 [1].

Рост безудержного кредитования, выдача нечем обеспеченных микрозаймов под высокий процент привело к развитию агрессивного рынка коллекторских услуг.

Закон № 230-ФЗ установил «правила игры», определил границы, в которых могут действовать так называемые профессиональные взыскатели.

За нарушение требований Закона № 230-ФЗ предусмотрена административная ответственность по статье 14.57 КоАП РФ.

Вместе с тем действия недобросовестных взыскателей зачастую приводят к тяжким последствиям и имеют повышенный уровень общественной опасности, не позволяющий квалифицировать такие деяния как административные правонарушения.

Однако отсутствие уголовной ответственности за нарушение специального закона на практике выражается в повсеместном вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с формулировкой о том, что «в данном случае имеют место гражданско-правовые отношения» и фактически, в отказе защитить нарушенные права граждан.

Например, автор статьи неоднократно сталкивался в своей практике с затруднением правоохранительных органов в квалификации таких действий коллекторских агентств, как распространение порочащей честь и достоинство должника информации, выражение угрозы в осуществлении насильственных действий сексуального характера, шантаж, разглашение персональных данных и банковской тайны третьим лицам.

В 2016 году группой депутатов под руководством С. М. Миронова был разработан законопроект о вне-

сении изменений в главу 32 УК РФ путем введения новой статьи 203.1 УК РФ «Превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности» [2].

Согласно положениям законопроекта, ответственность наступала «в случае распространения любым публичным способом сведений, позорящих должника, членов его семьи или близких родственников, а равно если были существенно нарушены права и законные интересы граждан либо охраняемых законом интересов общества и государства».

В Пояснительной записке к законопроекту его принятие обосновывалось способствование искоренению т. н. «кредитного насилия», но в итоге он был отклонен по техническим причинам.

В настоящее время в Государственной Думе РФ находится на рассмотрении во втором чтении правительственный законопроект по тому же самому вопросу, что подчеркивает актуальность проблемы даже спустя 7 лет после принятия специального закона [3].

О необходимости установления уголовной ответственности говорят не только депутаты, но и представители правовой науки.

Например, по мнению, Н. Д. Гомоновой, «лица с просроченной задолженностью находятся в вертикальном отношении с кредиторами и лицами, действующими от их имени, и поставлены в условия финансовых затруднений. Это указывает на тот факт, что действия недобросовестных взыскателей характеризуются повышенным уровнем общественной опасности при наступлении тяжких последствий, и они не вписываются в рамки административной и гражданско-правовой ответственности» [4, с. 40].

Судья Верховного Суда Чеченской Республики Гардолоев А. С. обосновывает необходимость включения рассматриваемых правоотношений в предмет уголовно-правовой охраны практическими данными, а именно статистикой Банка России по существенному росту просроченной задолженности среди населения и статистикой Судебного департамента при Верховном Суде РФ, указывающей на существенное превышение количества административных дел, связанных с нарушением прав и законных интересов лиц, имеющих просроченную задолженность (ст. 14.57 КоАП РФ) относительно нарушений при незаконной выдаче потребительского кредита (займа) (ст. 14.16 КоАП РФ) [5, с. 68].

В настоящий момент привлечь коллекторов к уголовной ответственности в теории возможно лишь за сопутствующие их деятельности составы преступления, например, за угрозу убийством и (или) причинением тяжкого вреда здоровью.

Литература:

1. Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй (информационно-аналитический материал). — Текст: электронный // официальный сайт Банка России: [сайт]. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43421/inf-material_bki_2022fh.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

Как полагает А. А. Васильченко, существует также возможность квалификации действий недобросовестных взыскателей по статье 179 Уголовного кодекса РФ («Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения») действий по принуждению должника к передаче денежных средств или иного имущества под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения имущества должника или иных лиц, или распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам должника или его близких [6, с. 24].

По мнению этого же автора, «в качестве уголовно-правовых средств борьбы с действиями недобросовестных кредиторов или их представителей, направленными на принуждение должников к возврату просроченной задолженности посредством угроз, следует использовать нормы уголовного права, запрещающие совершение самоуправства (ст. 330 УК РФ), а также различных преступлений против здоровья человека»... [6, с. 24].

Следует отметить, что, несмотря на то, что позиция введения уголовной ответственности является преобладающей и в науке, и на практике, ряд авторов высказываются против этого.

Так, например, Е. И. Дубов полагает, что установление уголовной ответственности сейчас является преждевременным, поскольку имеются

«правовые пробелы в терминологическом аспекте» [7, с. 57].

Схожей позиции придерживается и П. А. Скобликов, полагающий, что применение уголовного закона должно происходить «последовательно и неуклонно», что «проблема очень серьезная и заниматься ею надо основательно и вдумчиво, а не «закрывать вопрос» по привычной популистской схеме» [8, с. 68].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что вопрос введения уголовной ответственности за превышение полномочий при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности является крайне важным и не терпит поспешных решений. Однако замалчивание проблемы недобросовестных коллекторов лишь усугубляет ее. Угроза лишения свободы и получение судимости могли бы выступить «сдерживающим фактором» в отношении профессиональных взыскателей, прикрывающихся анонимными звонками и скрывающимися за безликими смс-сообщениями.

На наш взгляд, в целях разграничения компетенции, было бы разумно передать в ведение дознавателей Федеральной службы судебных приставов (ФССП России) расследование специальных составов преступлений, субъектом которых выступает профессиональный взыскатель.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части усиления ответственности лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности: проект Федерального закона № 1167917-6 (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 7 сентября 2016 г.). — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности «Законотворчество»: [сайт]. — URL: <http://asozd.duma.gov.ru/>. (дата обращения: 20.05.2023).
3. Куликов, В. В Уголовном кодексе появится статья для коллекторов / В. Куликов. — Текст: электронный // Российская газета — Федеральный выпуск: № 105 (9050): [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2023/05/16/ne-vzyshchite.html> (дата обращения: 20.05.2023).
4. Гомонова, Н. Д. Проблемы защиты прав граждан, пострадавших от деятельности лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности / Н. Д. Гомонова. — Текст: непосредственный // Вестник исполнительного производства. — 2020. — № 4. — С. 40–55.
5. Гардалоев, А. С. Совершенствование деятельности коллекторов как элемент защиты прав заёмщиков / А. С. Гардалоев. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2022. — № 4 (96). — С. 67–71.
6. Васильченко, А. А. Уголовно-правовые средства борьбы с принуждением должника к возврату долга посредством угроз / А. А. Васильченко. — Текст: непосредственный // Академическая мысль. — 2018. — № 3 (4). — С. 22–25.
7. Дубов, Е. И. Отдельные проблемы противодействия криминальной коллекторской деятельности: терминологический аспект / Е. И. Дубов. — Текст: непосредственный // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2020. — № 4 (90). — С. 56–63.
8. Скобликов, П. А. Современная уголовная политика по защите прав лиц, подвергающихся противоправному воздействию с целью взыскания задолженности / П. А. Скобликов. — Текст: непосредственный // Академическая мысль. — 2018. — № 3 (4). — С. 62–68.

Группа лиц как субъект конкуренции

Тиханова Евгения Михайловна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В современных условиях нередки ситуации, когда, на первый взгляд, самостоятельные субъекты экономической деятельности объединены для достижения единой цели. Такое поведение субъектов объяснимо желанием получить максимальную прибыль на рынке, оптимизировать расходы. Объединение может выразиться как в картельном сговоре (в этом случае, мы говорим о противоправном характере такого объединения), так и в группе лиц (такая деятельность носит законный характер и лишь накладывает определенные дополнительные ограничения). Таким образом, на сегодняшний день группа лиц как правомерное объединение субъектов в конкурентном праве занимает одно из центральных мест. Между тем, в законе не приведено определение такого понятия, даны лишь позволяющие его квалифицировать признаки. Также ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике, ни в доктрине нет единого мнения о том, является ли группа лиц самостоятельным субъектом конкуренции.

Статьей 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — ФЗ «О защите конкуренции») предусмотрен такой институт антимонопольного законодательства как группа лиц. При этом как такового определения группы лиц ни указанный ФЗ, ни какие-либо иные нормативные акты не содержат. В статье приводятся лишь признаки такого явления,

по существу, представляющие собой разные совокупности самостоятельных субъектов антимонопольного законодательства. Стоит отметить, что аналогичное определение группы лиц приведено в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Всего в настоящее время указывается на 9 альтернативных «наборов» для группы лиц.

Такая законодательная дефиниция «через перечисление», на мой взгляд, является спорной. С одной стороны, она может быть удобной для правоприменения, поскольку не оставляет места для оценочных критериев и позволяет хозяйствующим субъектам понимать их правовое положение. С другой стороны, такой подход является формальным, не оценивает существо правоотношений. Особенно спорным выглядит признание группой лиц физических лиц, имеющих определенные родственные связи. Ведь ни для кого ни секрет, что в разных жизненных ситуациях эти субъекты могут фактически не иметь каких-либо отношений. На данный недостаток законодательного подхода обращает внимание и Верховный суд РФ (далее также — ВС РФ), делая попытку восполнить его. Так, в абзаце 3 пункта 7 Постановления Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 (далее — ПП ВС № 2) Верховный суд отмечает, что к лицу, формально вошедшему в группу лиц, может не применяться правовой режим этой группы, если при рассмотрении дела будет установлено, что в действительности данное

лицо автономно в определении своего поведения на товарном рынке. Таким образом, лица будут считаться входящими в одну группу лиц, пока не будет доказано иное.

Еще одним признаком группы лиц, часто выделяемым в доктрине, является наличие общего экономического интереса. Данный критерий не закреплен законодательно, о нем упоминается лишь в п. 7 ПП ВС № 2. Между тем, мне кажется, что законодатель не обоснованно не включил его в качестве характеристики в ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции», поскольку существование общего интереса было бы тем самым дополнительным «качественным» критерием наличия группы лиц, который бы позволил судам более верно давать правовую оценку хозяйствующим субъектам. В то же время, как отмечает, например, М. В. Каменков, единство интересов не существует в отрыве от особых отношений аффилированных лиц или группы лиц, а предопределено этими особенностями [1, с. 44]. Именно поэтому, по моему мнению, наличие общего интереса должно быть лишь дополнительным критерием. В качестве подтверждения данного тезиса можно вновь обратиться к примеру с родственниками. Благодаря введению такого критерия как общий экономический интерес решалась бы проблема с чрезмерной формальностью подхода.

Теперь перейдем к оценке характеристик группы лиц, приведенных в статье 9 ФЗ «О конкуренции». Как видно из приведенных ранее признаков, группой лиц может быть признана совокупность субъектов, имеющая какие-либо вертикальные или горизонтальные связи с друг другом, юридические или управленческие средства влияния. В этом смысле, по мнению некоторых правоведов, такой институт права как группа лиц схож с институтом аффилированности. Однако, по моему мнению, данные институты все-таки не должны отождествляться. Далее проведем небольшой сравнительный анализ этих двух институтов.

Действительно, институты аффилированности и группы лиц имеют очень похожие как субъектные составы, так и квалифицирующие признаки. В настоящее время в ФЗ «О конкуренции» не закрепляется определение аффилированности лиц, между тем оно содержалось в предыдущем законе — Законе РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». В данном законе аффилированными признавались лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Как, по моему мнению, верно указывает О. В. Осипенко, «группа» есть совокупность лиц, общность которых просматривается не столько на основе их субординации (одно лицо «влияет» на другое), сколько гипотетической координации, взаимосвязанности соответствующих субъектов [4, с. 347]. Таким образом, мы видим, что под аффилированностью подразумеваются исключительно вертикальные связи, тогда как группа лиц такого явного критерия не содержат. Также можно сделать вывод о том, что в настоящее время законодатель стре-

мится уйти от института аффилированности в антимонопольном законодательстве, заменив его более общим, по моему мнению, понятием группы лиц.

Проанализировав соотношение института группы лиц со схожим институтом аффилированности, перейдем к главной особенности группы лиц. На мой взгляд, основная характеристика придается данному понятию пунктом 2 статьи 9 ФЗ «О защите конкуренции», в котором указано, что по общему правилу установленные антимонопольным законодательством запреты на действия (бездействие) на товарном рынке хозяйствующего субъекта распространяются на действия (бездействие) группы лиц. Таким образом, группа лиц фактически признается антимонопольным законодательством в качестве самостоятельного хозяйствующего субъекта. Данный вывод подтверждается и правоприменителем. Так, в пункте 7 ПП ВС от № 2 Верховный суд РФ указывает, что для целей применения антимонопольных запретов группа лиц рассматривается как один участник рынка.

Итак, является ли группа лиц единым самостоятельным субъектом? С одной стороны, нет, в силу прямого указания закона. Так, в ст. 4 ФЗ «О конкуренции» определено, что хозяйствующий субъект — коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход <...>. Как видно из определения, группа лиц не признается законодателем в качестве хозяйствующих субъектов.

Однако в то же время и в Договоре о Евразийском экономическом союзе, и в ПП ВС № 2 прямо указано, что группа лиц рассматривается как единый хозяйствующий субъект. В правоприменительной практике суды чаще всего также признают группу лиц единым хозяйствующим субъектом. Такой вывод содержится, например, в постановлениях Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2020 № 10АП-23015/2019 по делу № А41-20380/2018, Суда по интеллектуальным правам от 10.08.2021 № С01-647/2021 по делу № А40-46879/2020, Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2020 № 10АП-23031/2019 по делу № А41-20380/2018. Во всех этих судебных актах суды пришли к одному и тому же выводу — группа лиц рассматривается как единый субъект. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести и доктринальное мнение, например, Н. И. Клейна. Правовед также признает группу лиц единым хозяйствующим субъектом [2, с. 22].

Стоит отметить, что все-таки среди правоведов выделение группы лиц в качестве самостоятельного субъекта чаще критикуется. Так, А. В. Росляков указывает, что группа лиц носителем субъективных прав и юридических обязанностей быть не может и субъектом административной и гражданско-правовой ответственности не является. Субъектами права являются лица, входящие в эту группу [5, с. 178]. Еще одним подтверждением явля-

ется довод о том, что если бы группа лиц являлась единым хозяйствующим субъектом, а значит, и субъектом права, виновное поведение отдельного участника отождествлялось с действиями группы лиц в целом, в результате к ответственности бы привлекались все участники [3, с. 43]. Однако в ст. 36 ФЗ «О конкуренции» группа лиц не поименована как субъект ответственности за нарушение антимонопольного законодательства. К ответственности привлекаются отдельные субъекты, входящие в группу лиц.

По моему мнению, действительно, группа лиц не может признаваться субъектом права в общем смысле, ведь у нее в полной мере не возникает ни правоспособности, ни дееспособности. Однако, в то же время, этот тезис не противоречит с тем, чтобы признавать группу лиц в качестве единого экономического субъекта для целей конкурентного анализа рынка. Ведь, как мне кажется, группа лиц как единый хозяйствующий субъект рассматривается не столько в контексте права, сколько в контексте экономики. Специфика отрасли конкурентного права заключается именно в том, что большое значение в ней играет экономическая теория. В пользу этого довода говорит и возможность «исключения» лица из состава группы лиц, в случае доказывания отсутствия единого экономического интереса. Таким образом, как мне кажется, на группу лиц лишь распространяется правовой режим хозяйствующего субъекта.

Литература:

1. Каменков М. В. Общий интерес как признак группы лиц // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 2. С. 42–48.
2. Клейн Н. И. Антимонопольное законодательство и законодательство о естественных монополиях: проблемы применения и пути дальнейшего совершенствования // Право и экономика. 1998. № 1.
3. Мартынова О. В. Группа лиц как самостоятельный субъект злоупотребления доминирующим положением // Современная конкуренция. 2013. № 5 (41).
4. Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология: монография. Москва: Статут, 2022. 758 с.
5. Росляков А. В. Коллективное доминирование, группа лиц, согласованные действия и свобода договора // Закон. 2019. № 1.

Недобросовестная конкуренция: анализ нарушений

Тузачинова Байару Эркиновна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается понятие конкуренции и недобросовестной конкуренции, анализ работы по противодействию недобросовестной конкуренции и общая структура нарушений.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, конкуренция, анализ, бизнес, нарушения.

Конкуренция является необходимым условием развития бизнеса. Она побуждает предпринимателей бороться за клиентов и направлять ресурсы в производство товаров и услуг, в которых потребители в настоящее время наиболее нуждаются.

Определение конкуренции на законодательном уровне содержится в законе «О защите конкуренции». Суть кон-

Подводя итоги данной работы, можно сделать несколько выводов. Во-первых, в настоящее время группа лиц как самостоятельный субъект антимонопольного законодательства имеет несколько законодательно закреплённых характеристик — это совокупность субъектов, имеющих юридические или управленческие средства влияния друг друга. Такая группа лиц, пока не доказано иное, признается единым субъектом антимонопольного законодательства. Во-вторых, Верховным судом РФ и в доктрине выделяются некоторые дополнительные характеристики группы лиц. Так, в качестве еще одного критерия наличия группы лиц назван единый экономический интерес хозяйствующих субъектов. В-третьих, вопрос о выделении группы лиц в качестве самостоятельного субъекта конкурентного права является очень спорным. Необходимо отметить, что в настоящее время судебная практика, в том числе и Верховный суд РФ, признает группу лиц в качестве самостоятельного экономического субъекта. Однако на мой взгляд, ключевым является термин, используемый Верховным судом в абзаце 3 пункта 7 ПП ВС № 2 — «правовой режим». По моему мнению, нельзя говорить о группе лиц как о субъекте права. Группа лиц лишь рассматривается как единый участник рынка, то есть на нее лишь распространяется положение субъекта конкуренции.

куренции заключается в соперничестве предприятий в пределах одной отрасли, где каждое из них стремится препятствовать возможности других влиять на условия сбыта товаров на рынке [3]. Кроме того, закон о конкуренции регулирует права предприятий и ограничивает возможности органов власти ведения переговоров или за-

ключения соглашений, которые могут привести к исключению конкуренции.

Таким образом, основным компонентом развития современной экономики, способствующим прогрессу рыночных отношений, является конкуренция. Это представляет процесс конкуренции между предпринимателями, который изменяет условия рынка для трудовых продуктов в определенном сегменте.

По закону «О защите конкуренции», недобросовестная конкуренция относится к любым действиям, проводимым хозяйствующими субъектами или группами людей, направленным на получение преимуществ, в противоречии с законодательством Российской Федерации, деловыми обычаями, требованиями разумности, добропорядочности и справедливости, которые могут причинить убытки конкурентам или нанести вред их деловой репутации [2].

Количество уведомлений о случаях недобросовестной конкуренции в текущем году незначительно уменьшилось на 8,5% по сравнению с прошлым годом и составило 3 381, в сравнении с 3 698 в 2020 году. Изучив данные, выявлено, что было начато 268 расследований нарушения антимонопольного законодательства, что на 52 меньше, чем в прошлом году. Эта тенденция может быть объяснена экономическими последствиями пандемии и временным изменением первоочередных проблем бизнеса, где инструменты нечестной конкуренции не имеют первостепенного значения. Тем не менее, процент устраненных нарушений, включая выполнение выданных предупреждений, остается на высоком уровне до возбуждения дела. В частности, из 494 предупреждений, отмеченных признаками недобросовестной конкуренции, выполнено 391, а по 72 случаям были начаты расследования.

Таблица 1. Структура форм недобросовестной конкуренции в 2020–2021 гг. [1]

Категория нарушений	2021				2022			
	заявления	предупреждения	дела	Реш. о призн. наруш.	заявления	предупреждения	дела	Реш. о призн. наруш.
Дискредитация	306	8	9	7	287	48	10	6
Введение в заблуждение	869	85	25	20	915	211	31	26
Некорректное сравнение	139	59	10	10	250	150	3	3
Приобр. и исп. искл. права на средства индивидуализации	205	—	29	19	211	—	43	30
Незак. исп-е результатов интеллектуальной деятельности	139	—	23	12	139	—	16	10
Незак. получение, использование, разглашение инф-и, составляющей коммер., служ., иную охр. законом тайну	16	0	0	0	36	3	2	2
Прочие нарушения	1029	149	44	34	1114	171	63	34

Из общего числа принятых решений (177 в 2021 году и 209 в 2020 году), соотношение различных категорий дел не изменилось существенно, несмотря на снижение количества заявлений. Однако категория «прочие нарушения» (статья 14.8 Закона о защите конкуренции) продолжает быть наиболее частой, с 1029 поступившими заявлениями, что составляет почти треть от общего числа. Хотя количество предупреждений и решений о признании нарушений в этой категории сокращается, что свидетельствует о снижении доли фактов недобросовестной конкуренции на рынке, высокое количество заявлений и предупреждений указывает на многообразие форм недобросовестной конкуренции. Хотя общее количество заявлений сократилось, количество случаев недобросовестной конкуренции, связанной с использованием

интеллектуальных свойств, снизилось незначительно. За рассмотренные 205 заявлений о нарушении исключительных прав на средства индивидуализации юридических лиц, продукции, работ или услуг было возбуждено 29 дел, вынесено 19 решений о нарушении. А за 139 рассмотренных заявлений о незаконном использовании результатов интеллектуальной деятельности было возбуждено 23 дела и вынесено 12 решений о нарушении. Количество заявлений и решений по фактам смешения в целом осталось стабильным, несмотря на общее сокращение заявлений. Снижение количества обращений свидетельствует о том, что субъекты хозяйствования используют защитные меры и имеющиеся правовые механизмы. ФАС России является эффективным регулятором конкуренции в сфере интеллектуальной собственности.

Литература:

1. Официальный сайт ФАС [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/documents/689041> (дата обращения: 28.05.2023).
2. Ст. 4 Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения: 29.05.2023).
3. Ст. 10 Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/851f7a5f6d99da11639600f4c686a2949ab23feb/ (дата обращения: 24.05.2023).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Выселение нанимателя и (или) проживающих совместно с ним членов его семьи из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения

Гуликашвили Тамари Гочаевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье автор анализирует причины и правовые последствия выселения нанимателя и (или) проживающих совместно с ним членов его семьи из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения.

Ключевые слова: выселение, жилое помещение, выселение без предоставления других жилых помещений.

Выселение без предоставления других жилых помещений можно считать мерой гражданско-правовой ответственности за нарушение определенных условий. Обоснование данной точки зрения схоже приведенным доводам, приведенным в предыдущем параграфе. Данная мера применяется в исключительных условиях, т. е. по сути граждан оставляют без жилого помещения, люди просто оказываются «на улице» [8, с. 328].

Этим обуславливается также более сложный порядок к применению данной меры. Вначале наниматель и (или) проживающие совместно с ним члены его семьи получают предупреждение наймодателя о необходимости устранить определенные нарушения. Причем данное предупреждение особо важно, ибо суды не могут удовлетворить иск без него. И только после неисполнения данного предупреждения наймодателя, не устранения нарушений, вышеназванные виновные лица подлежат выселению в судебном порядке. Помимо наймодателя в суд с иском могут обратиться заинтересованные лица, к которым относятся соседи, органы государственной жилищной инспекции.

В ч. 1 ст. 91 ЖК РФ содержится перечень нарушений, которые могут послужить основанием для выселения:

1. использование жилого помещения не по назначению. Данная ситуация характерна для случаев, когда жилое помещение используется не для проживания, например, если в жилом помещении разместили промышленное производство, гостиницы.

2. систематическое нарушение прав и законных интересов соседей. Это означает, что граждане совершают действия, нарушающие права и законные интересы соседей, причем действия совершаются неоднократно, т. е. два и более раза и повторяются. Самый распространенный пример для граждан, проживающих в квартирах это ремонт, прослушивание громкой музыки, которые нарушают покой, тишину в ночное время. Интересен вопрос о понятии систематичности, т. е. достаточно двух случаев

нарушения или нужно более. Скорее всего, суд в каждом конкретном случае решает данный вопрос, т. е. данная категория достаточно субъективна.

3. систематическое бесхозяйственное обращение с жилым помещением, допуская его разрушение. Данное действие должно быть целенаправленным и постоянным, приводит к порче и (или) уничтожению структурных элементов жилого помещения. В случае, если данные действия нанимателя и членов его семьи влекут за собой разрушение жилого помещения, то наймодатель вправе назначить разумный срок для устранения данных нарушений.

Стоит обратить внимание, что ч. 1 ст. 91 ЖК РФ не предусматривает примерного срока, когда наймодатель и заинтересованные лица могут обратиться в суд после вынесения предупреждения наймодателем об устранении нарушений. Скорее всего в данном случае идеально подойдет формулировка в разумный срок [3, с. 24].

Так как выселение без предоставления жилого помещения является исключительной мерой, то в последние годы на практике суды довольно часто отказывают в данном требовании. Как правило, истцы не предоставляют доказательств систематичности нарушений, который затрагивают их права и законные интересы. Даже, если суды первой инстанции удовлетворяют требования, вышестоящие инстанции отменяют данные решение. Так произошло и в Определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2020 по делу N 88-16593/2020 в связи с недоказанностью систематического характера нарушений.

Как пример удовлетворения требования о выселении можно привести Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 30.11.2017 по делу N 33-6908/2017, где истец указал, что ответчик систематически нарушает права и законные интересы соседей, нарушает тишину и покой граждан в дневное и ночное

время суток, на предупреждение о необходимости устранения допущенных нарушений и принятые к нему меры взыскания не реагирует. За допущенные нарушения ответчик неоднократно привлекался к административной ответственности. Были предоставлены характеристики ответчика, из которых следует, что ответчик злоупотребляет спиртными напитками, не работает, ведет антиобщественный образ жизни, в ночное время систематически нарушает покой соседей. После предупреждения ответчик допускал аналогичные нарушения, что подтверждается материалами административной комиссии администрации МР «Усть-Вымский». При совокупности доказательств суд принял решение о выселении ответчика без предоставления иного жилого помещения.

Особым случаем выселения без предоставления иных жилых помещений является выселение граждан, лишенных родительских прав, в случае если они совместно проживают с детьми, в отношении которых лишены родительских прав [5, с. 151]. Это возможно, если суд признает данное совместное проживание невозможным. Истцами по данному делу могут быть законные представители детей, орган опеки и попечительная, прокурор.

Стоит обратить внимание, что согласно ч. 2 ст. 90 ЖК РФ в вышеупомянутой ситуации закон субъекта Российской Федерации может предусмотреть санкцию в виде выселения с предоставлением иного жилого помещения. В связи с этим возникает вопрос, почему данное исключение не применяется в принципе на ст. 91 ЖК РФ. Скорее всего, это связано с сопоставлением тяжести совершенных действий, закрепленный в ст. ст. 90 и 91 ЖК РФ.

Стоит выделить проблему выселения без предоставления иных жилых помещений. Согласно ч. 1 ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище, и никто не может быть произвольно лишен жилища. В науке есть мнение, что ст. 91 ЖК РФ не проти-

воречит Конституции Российской Федерации, т. к. является необходимой санкцией за правонарушение в сфере жилищных прав [2, с. 197].

Судебная практика не отвечает прямо на данный вопрос. Но судя по тенденции судов не применять данную норму, можно сказать, что выселение без предоставления жилого помещения практически не применяется [9, с. 56]. Однако данный вопрос рассматривался Конституционным судом Российской Федерации в Определении Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. N 2602-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Герасимовой Юлии Евтропьевны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 91 Жилищного кодекса Российской Федерации», где указал, что ч. 1 ст. 91 ЖК РФ соответствует ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации.

Но, по сути, нанимателями являются лица, нуждающиеся в жилых помещениях, более того часть из них является малоимущими. По итогу они лишаются любого жилого помещения. Конечно, данные лица могут снова встать на учет, чтобы получить жилое помещение по договору социального найма, но очередь двигается достаточно медленно. За этот период времени данные лица будут лишены жилого помещения, а часть из них из-за статуса малоимущих не будут иметь возможности даже снять жилое помещение.

Таким образом, выселение без предоставления иных жилых помещений возможно в случаях его использования не по назначению; систематического нарушения прав и законных интересов соседей, а также бесхозяйственного обращения с жилым помещением. Особым случаем является выселение граждан, лишенных родительских прав, если они совместно проживают с детьми, в отношении которых они лишены родительских прав, только в случае если суд признает такое проживание невозможным.

Литература:

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 30.11.2017 по делу N 33–6908/2017 // URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Баскакова Я. А. Выселение граждан из жилых помещений, занимаемых по договору социального найма, без предоставления другого жилья: особенности и правовые проблемы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5–2 (68). — С. 195–199.
3. Беляева Т. А. Правовые аспекты выселения граждан из занимаемых жилых помещений // Современные тенденции развития гражданского законодательства и цивилистического процесса. — 2018. — № 3. С. 28–43.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ». — 03.01.2005. — N 1 (часть 1). — ст. 14.
5. Иванов К. О. Основания выселения из жилого помещения по договору социального найма // Юриспруденция и право в современном обществе: материалы Международной научно-практической конференции, Пенза, 2020.. — Пенза: Наука и Просвещение, 2020. — С. 150–152.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2014 г. N 2602-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Герасимовой Юлии Евтропьевны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 91 Жилищного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru/>
7. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2020 по делу N 88–16593/2020 // URL: <http://www.consultant.ru/>

8. Пархоменко М. Г. О проблемах, возникающих при выселении граждан из жилых помещений, занимаемых по договору социального найма // Вестник науки. — 2019. — № 6 (15) Т. 1. — С. 325–330.
9. Скребцова Т. С., Шевцов С. С., Емельянов Д. С. Отдельные вопросы выселения по договору социального найма / Скребцова Т. С., Шевцов С. С., Емельянов Д. С. // Передовое развитие современной науки: опыт, проблемы, прогнозы: материалы Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 2020.. — Петрозаводск: Новая наука, 2020. — С. 55–57.

Проблемы механизма предоставления жилья детям-сиротам в Хабаровском крае

Калиниченко Иван Николаевич, студент магистратуры
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В статье автор рассматривает противоречия в законодательстве, регулирующем предоставления жилья детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей и лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, достигших возраста 23 лет и подлежащих обеспечению жилыми помещениями на примере Хабаровского края.

Ключевые слова: дети-сироты, жилое помещение, получение жилья, список.

Статьей 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее — Закон № 159-ФЗ) установлены дополнительные гарантии детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лицам, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет (далее — дети-сироты и лица из их числа), в частности, право на жилое помещение, заключающееся в однократном предоставлении органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого находится место жительства указанных лиц, в порядке, установленном законодательством этого субъекта Российской Федерации, благоустроенного жилого помещения специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений (далее — жилые помещения).

В соответствии с пунктами 1, 9 статьи 8 Закона № 159-ФЗ дети-сироты и лица из их числа обеспечиваются жилыми помещениями, если они:

- 1) не являются нанимателями или членами семьи нанимателя жилых помещений по договору социального найма либо собственниками жилого помещения, или
- 2) являются нанимателями или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, но их проживание в ранее занимаемом жилом помещении признается невозможным (жилое помещение менее учетной нормы, жилое помещение признано непригодными для проживания и др.)

Согласно части 1 статьи 109.1 Жилищного кодекса Российской Федерации предоставление жилых помещений детям-сиротам и лицам из их числа осуществля-

ется в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Обеспечение детей-сирот и лиц из их числа жилыми помещениями носит длящийся характер и предусматривает совершение последовательных действий, входящих в компетенцию нескольких органов исполнительной власти края.

Основным органом, осуществляющим функции по управлению и распоряжению государственным жилищным фондом для детей-сирот в Хабаровском крае, является **Министерство жилищно-коммунального хозяйства Хабаровского края**.

Так, в соответствии с законами Хабаровского края от 13.10.2005 № 304 «О жилищных правоотношениях в Хабаровском крае», Законом № 253 «Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае», постановлением Губернатора края от 25.04.2006 № 96 «О мерах по совершенствованию управления государственным жилищным фондом Хабаровского края», Регламентом взаимодействия и обмена информацией между исполнительными органами государственной власти Хабаровского края по вопросам управления и распоряжения государственным жилищным фондом края, утвержденного Постановлением Правительства Хабаровского края от 01.09.2006 № 136-пр (далее — Регламент № 136-пр) министерство определено специально уполномоченным органом по управлению и распоряжению государственным жилищным фондом края и осуществляет:

- формирование списка;
- принятие решений о предоставлении жилых помещений специализированного государственного жилищного фонда края;

— направление в министерство строительства края заявки на строительство (приобретение) в очередном финансовом году жилых помещений (квартир) для детей-сирот и лиц из их числа.

Согласно пункту 4.4. раздела 4 Регламента № 136-пр Министерство строительства края:

- передает министерству имущества края по акту приема-передачи жилые помещения (квартиры) во введенных в эксплуатацию объектах капитального строительства;
- направляет в министерство имущества края ходатайство о приобретении в текущем году на вторичном рынке недвижимости жилых помещений (квартир) в населенных пунктах края, в которых не осуществляется строительство жилых домов.

В соответствии с пунктом 4.5 раздела 4 Регламента № 136-пр Министерство имущества края:

- приобретает непосредственно или через уполномоченные в установленном порядке подведомственные краевые государственные казенные учреждения в государственную собственность края на рынке жилья жилые помещения (квартиры) за счет средств краевого и (или) федерального бюджетов;
- направляет в министерство сведения о зарегистрированных правах на построенные и приобретенные жилые помещения (квартиры) с приложением копий документов, подтверждающих право собственности, для подготовки министерством решения о предоставлении жилых помещений (квартир) детям-сиротам и лицам из их числа.

При этом процедуры приобретения и строительства жилых помещений — проведение закупки, оформление сделки, регистрация прав — является длительной и осуществляется в порядке, установленном Федеральными законами от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Таким образом, **на министерство жилищно-коммунального хозяйства не возложены полномочия по строительству и приобретению жилых помещений, соответственно не предусмотрено и финансирование министерства на данные цели.**

В дополнение, одной из причин, не позволяющих обеспечить в полной мере детей-сирот и лиц из их числа благоустроенными жилыми помещениями специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений является то, что с 01.01.2019 вступили в силу изменения, внесенные в Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», предусматривающие, что **общее количество жилых помещений в виде квартир, предоставляемых детям-сиротам и лицам из их числа в одном многоквартирном**

доме, не может превышать 25 процентов от общего количества квартир в этом многоквартирном доме.

Так, в декабре 2018 г. введен в эксплуатацию многоквартирный дом № 32, предназначенный для детей-сирот, в микрорайоне Дружба г. Комсомольска-на-Амуре (далее — МКД № 32). В 2019 г. введены в эксплуатацию два многоквартирных дома: № 21 по ул. Аэродромной в г. Хабаровске (далее — МКД № 21), № 57 по ул. Октябрьской г. Хабаровска (далее — МКД № 57).

Учитывая вышеуказанные ограничения, в МКД № 32 предоставлено 32 квартиры из 126; в МКД № 21 предоставлено всего 69 квартир детям-сиротам из 279; в МКД № 57 предоставлено 20 квартир из 80.

Полномочия по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот с 2005 года осуществляются за счет расходных обязательств субъекта Российской Федерации и частично субсидий из федерального бюджета. За период исполнения указанных полномочий жилыми помещениями государственного жилищного фонда края (с 2005 года по 01.01.2023) обеспечены 3 154 гражданина из числа детей-сирот.

В соответствии с пунктами 1, 9 статьи 8 Закона № 159-ФЗ дети-сироты и лица из их числа обеспечиваются жилыми помещениями, если они:

- 1) не являются нанимателями или членами семьи нанимателя жилых помещений по договору социального найма либо собственниками жилого помещения, или
- 2) являются нанимателями или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений, но их проживание в ранее занимаемом жилом помещении признается невозможным (площадь жилого помещения менее учетной нормы, жилое помещение признано непригодным для проживания и др.).

При этом пунктом 9 статьи 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ установлено, что право на обеспечение жилыми помещениями по основаниям и в порядке, которые предусмотрены настоящей статьей, сохраняется за лицами, которые относились к категории детей-сирот и лиц из их числа и достигли возраста 23 лет, до фактического обеспечения их жилыми помещениями. То есть предполагается, что эти лица на момент достижения возраста 23 лет в списках на обеспечение жильем состояли.

Помимо этого, на возрастные рамки отсылают понятия, приводимые в ст. 1 ФЗ № 159, где для каждой группы лиц, подлежащей обеспечению, определен возрастной период. Так дети-сироты и лица, оставшиеся без попечения родителей, — это лица до 18 лет, а лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, — лица в возрасте от 18 до 23 лет.

Исходя из приведенных норм, правом на обеспечение благоустроенным жилым помещением по договору найма специализированного жилого помещения обладают граждане Российской Федерации, относящиеся к категории лиц: дети-сироты и лица из их числа, **вставшие на учет в качестве нуждающихся в жилом помещении в возрасте до 23-х лет.**

Лица, которые относились к вышеперечисленным категориям и не воспользовавшиеся своим правом на получение жилья до достижения 23 лет часто обращаются в суд и если у них единственным основанием отказа во включении в список со стороны министерства является возврат, то суд встает на их сторону опираясь на Постановление № 397 от 04.04.2019 г. «О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства». Согласно пункту 3 данного постановления: «лица, которые достигли возраста 23 лет, включаются в список, если они относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и в соответствии с законодательством Российской Федерации **имели право** на внеочередное обеспечение жилыми помещениями по договору социального найма, но в установленном порядке не были поставлены на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий или нуждающихся в жилых помещениях и не реализовали это право по состоянию на 1 января 2013 г. или после 1 января 2013 г. **имели право** на обеспечение жилыми помещениями из специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений, но не были включены в список».

По нашему мнению, законодатель противоречит статье 8 ФЗ № 159, где приведен исчерпывающий перечень оснований для включения в список на получение жилья, помимо этого используется понятие «имели право», которое не имеет раскрытия в тексте нормативного акта, что может приводить к искаженности трактования.

Отдельно стоит отметить, что во многих обращениях в суд в качестве предмета иска выступает предоставление жилого помещения, а не включение в очередь на получения жилья для детей-сирот. Как следует из приведенных нормативных положений, обращение детей-сирот и лиц из их числа, имеющих право на обеспечение жилыми помещениями, с заявлением о включении в список, к которому приложены необходимые документы, является юридическим фактом, обуславливающим начало правоприменительной процедуры, в рамках которой жилые помещения должны предоставляться таким гражданам в последовательности, определяемой датой принятия акта о включении в список.

Ранее законодатель, в ст. 57 ЖК РФ предусматривал получения лицами из числа детей-сирот и детей, остав-

шихся без попечения родителей, во внеочередном порядке на условиях социального найма.

В настоящее время законодательство не предусматривает внеочередной порядок предоставления жилых помещений.

В российской правовой системе действует общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом, закрепленный статьей 17 Конституции РФ, предусматривающий добросовестность в использовании своих прав участниками правовых отношений. В соответствии с частью третьей статьи 17 Конституции РФ реализация прав и свобод человека не может нарушать права и свободы других лиц.

Предоставление жилого помещения детям-сиротам лицам из их числа с соблюдением последовательности принятия на учет согласуется с конституционными принципами справедливости и равенства, а также с требованиями ст. 17 (ч. 3) Конституции РФ, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.04.2014 № 686-О).

В данном же случае право на получение жилья в равной степени имеют все лица, включенные в список подлежащих обеспечению жилыми помещениями, а внеочередное или первоочередное обеспечение жильем граждан по указанному основанию законодательством не предусмотрено.

Таким образом, предоставление лицу, которое обращается в суд жилого помещения, вопреки ее номеру в списке, приведет к нарушению указанных конституционных положений, поскольку повлечет нарушение прав лиц, стоящих в очереди на получение жилого помещения ранее него.

Более того Федеральным законодательством не закреплена обязанность Министерства жилищно-коммунального хозяйства Хабаровского края при недостаточности свободного жилищного фонда (денежных средств) для удовлетворения требований как лиц, право на получение жилых помещений которых удостоверено судебным актом, так и лиц, право на получение жилых помещений которых основано лишь на требованиях нормативных актов (включенных в список), но не обратившихся в органы судебной власти, удовлетворять требования взыскателей по исполнительным документам в приоритетном порядке. Таким образом, внутри уже имеющейся очередности взыскатель, имеющий исполнительный лист, не приобретает какого-либо преимущественного (по срокам) права перед гражданином, имеющим право на жилье, но не обратившимся в суд.

Помимо этого, обращение по данному основанию влечет возбуждение исполнительного производства по ст. 15.17 КоАП РФ. За период с 2021–2022 год в адрес министерства ЖКХ Хабаровского края было возбуждено 1455 дел по ст. 17.15 КоАП РФ в связи с неисполнением решения суда о предоставлении жилья для детей-сирот, 1294 дела было удовлетворено в рамках, которых мини-

стерство выплатило судебных сборов на сумму 61 420 000 р. Стоит отметить, что согласно данным цифровой платформы Restate (<https://habarovsk.restate.ru/graph/ceny-prodazhi-kvartir/>) стоимость 1 м² в городе Хабаровске

на 30.12.2022 г. составляет 117 467,8 руб. при учете минимального размера жилой площади в размере 28 м² предоставляемого сироте, можно было обеспечить до 18 человек из очереди на предоставления жилья.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Собрание законодательства РФ. — 2014 — № 31. — Ст. 4398.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. — 03.01.2005. -№ 1 (часть 1). -Ст. 14.
3. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 52. — Ст. 5880.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
5. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Российская газета. — 2015. — № 156.
6. О формировании списка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц, которые относились к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и достигли возраста 23 лет, которые подлежат обеспечению жилыми помещениями, исключению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из списка в субъекте Российской Федерации по прежнему месту жительства и включении их в список в субъекте Российской Федерации по новому месту жительства: Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 397 // Собрание законодательства РФ. — 15.04.2019. -№ 15 (часть IV). -Ст. 1764.
7. О жилищных правоотношениях в Хабаровском крае: закон Хабаровского края от 13.10.2005 № 304 (с изменениями на 5 декабря 2022 года) // Приамурские ведомости. — 2005. — № 189.
8. Об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае: закон Хабаровского края от 10.12.2012 № 253 (с изменениями на 5 декабря 2022 года) // Собрание законодательства Хабаровского края. — 2012. N 12 (125).
9. О мерах по совершенствованию управления государственным жилищным фондом Хабаровского края: постановление Губернатора Хабаровского края от 25.04.2006 № 96 (с изменениями на 16 декабря 2019 года) // Собрание законодательства Хабаровского края. — 2006. — № 4 (45).
11. О Регламенте взаимодействия и обмена информацией между исполнительными органами государственной власти Хабаровского края по вопросам управления и распоряжения государственным жилищным фондом края: постановление Правительства Хабаровского края от 01.09.2006 N 136-пр // Собрание законодательства Хабаровского края. — 2006. — N 9 (50).

К вопросу о правовом статусе самозанятых

Кушевская Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассмотрены актуальные вопросы, связанные с формированием правового статуса самозанятого населения в Российской Федерации, разграничением понятий «самозанятый гражданин» и «индивидуальный предприниматель», а также вопросы относительно создания условий для легализации деятельности самозанятых.

Ключевые слова: занятость населения, самозанятые граждане, правовой статус самозанятых граждан, индивидуальный предприниматель.

На сегодняшний день все еще актуальным является вопрос правового статуса самозанятых, а также вопрос регулирования отношений с потребителями их работ и услуг, в связи с тем, что большое количество граждан выполняет работы или оказывает услуги, при этом не имея официального статуса и не неся юридической ответственности за результаты своей деятельности.

Для разрешения данного вопроса необходимо обратиться к понятию правового статуса самозанятых граждан, а также разграничить понятия «самозанятый гражданин» и «индивидуальный предприниматель».

Основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность самозанятых является Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [1] (далее — Закон «О самозанятых»).

Важно отметить, что понятие «самозанятость» не упоминается в данном правовом акте. При этом термин «самозанятый гражданин» употребляется исключительно для целей налогообложения данных лиц. Иного практического применения данного понятия — нет.

В качестве признаков самозанятого гражданина можно отметить следующие:

1. физическое лицо;
2. не является индивидуальным предпринимателем;
3. осуществляющее деятельность без привлечения наемных работников;
4. цель использования результатов деятельности — личные, домашние и иные подобные нужды физических лиц.

Право на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельностью входит в содержание правоспособности гражданина.

В. В. Долинская в качестве способов реализации гражданами прав на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности выделяет [3, С. 114]:

1. наемный труд, осуществляемый по свободно избранному роду деятельности и профессии на основании трудового договора, заключаемого с работодателем;
2. самостоятельная экономическая деятельность, осуществляемая в свободно избранной сфере индивидуально или совместно с другими лицами путем создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства.

Самозанятые представляют собой индивидуальную форму экономической деятельности.

В юридической литературе есть несколько точек зрения, относительно разграничения понятий: индивидуальный предприниматель и самозанятый:

1. Ряд авторов отмечают, что данные понятия имеют существенное различие. Такого мнения придерживается Ю. О. Шибаршина, считая, что «основным отличием понятия индивидуального предпринимателя от самозанятого гражданина является невозможность нанимать сотрудников. Это связано с тем, что деятельность этой категории осуществляется благодаря их личным усилиям» [5, С. 558].

2. Некоторые ученые в качестве различий указывают на иные отличия данных понятий. В частности, А. Ю. Шеина отмечает, что «самозанятые не предоставляют налоговую отчетность в соответствующие органы» [4, С. 75]. Следует отметить, что данное мнение имеет место быть, поскольку, как уже было отмечено ранее, самозанятость является исключительно налоговой категорией.

Интересным представляется определение, предложенное И. В. Ворониным, который под самозанятыми гражданами понимает «тех, кто по различным причинам не желает регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя» [2, С. 458]. Автором также отмечается, что главная задача законодателя в данном случае сводится к предложению условий, по которым легализация деятельности самозанятых граждан может оказаться привлекательной для них.

Закон «О самозанятых» устанавливает следующие условия осуществления приносящей доход деятельности:

1. уплата налога в размере 4% на доход, полученный от реализации товаров и услуг для физических лиц;
2. уплата налога в размере 6% на доход при продаже товаров и предоставлении услуг для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
3. отчисление 37% в качестве взносов на медицинское страхование (входят указанные выше размеры налога);
4. уплата пенсионных взносов осуществляется по желанию самозанятого. Размер таких взносов закон не устанавливает — самозанятый самостоятельно может определить их размер;
5. для самозанятых не предусматривается уплата взносов на социальное страхование, а также предоставление налоговой декларации по данному налогу.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что на законодательном уровне не сформулировано четких критериев разграничения понятий «самозанятый гражданин» и «индивидуальный предприниматель». Предложения, высказанные в доктрине, основаны на соотношении признаков данных понятий.

Отсутствует перечень, а также критерии отнесения к субъектам, попадающих под указанную категорию. Тенденция граждан к выполнению работ и оказанию

услуг из личных целей растет, тем самым формируя и развивая мелкое предпринимательство, поэтому необходимо установить единообразие понимания «самозанятый гражданин», определить его субъектный состав.

В настоящее время самозанятые имеют налоговые льготы и освобождения. Для того, чтобы большее количество граждан было заинтересовано в постановке на учет, необходимо стимулировать граждан путем увеличения государством перечня льгот.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). ст. 7494. <http://pravo.gov.ru>
2. Воронин, И. В. К вопросу об особенностях правового регулирования статуса самозанятых граждан в России // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 456–460
3. Долинская, В. В. Проблемы правового статуса самозанятых // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 113–129
4. Шеина, А. Ю. Проблема легализации самозанятых в российской федерации // Инновационное развитие. 2018. № 9 (26). С. 75–77
5. Шибаршина, О. Ю. К вопросу о статусе самозанятых граждан в России / О. Ю. Шибаршина // Потенциал роста современной экономики: возможности, риски, стратегии: Материалы V международной научно-практической конференции / Под редакцией А. В. Семенова, М. Я. Парфеновой, Л. Г. Руденко. — Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2018. С. 557–562

Защита товарного знака в условиях параллельного импорта

Масасина Елена Викторовна, студент магистратуры

Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается такое явление как параллельный импорт, его положительное и отрицательное влияние на рынок. Кроме того, рассматривается вопрос разграничения понятий «параллельный импорт» и «контрафактный товар». Делается вывод о том, что легализация параллельного импорта и уход иностранных правообладателей с территории России не прекращает возможности правовой защиты их товарных знаков. Выделяется тенденция к увеличению споров с иностранными правообладателями в связи с учащением случаев продажи контрафактных товаров с использованием иностранных товарных знаков.

Ключевые слова: параллельный импорт, контрафактный товар, защита товарного знака.

По общему правилу в России установлены территориальные пределы исчерпания исключительного права на товарный знак по национальному принципу (ст. 1489 ГК). Иными словами товар, обозначенный охраняемым товарным знаком, введённый на территорию России на законных основаниях (правообладателем или лицензиатом), может в дальнейшем беспрепятственно использоваться иными лицами (например, перепродаваться) без получения дополнительного согласия правообладателя.

Иная обстановка с ввозом товаров, отмеченных охраняемыми товарными знаками, из-за рубежа, — чтобы ввести иностранный товар в гражданский оборот на территории России, импортер такого товара обязан получить письменное согласие правообладателя. При неполучении такого согласия, ввоз товара на территорию России на-

рушает право на товарный знак и влечет наложение соответствующих мер ответственности.

В 2018 году Конституционный Суд указал на наличие исключения из правила о наложении ответственности за ввоз товара на территорию России без согласия правообладателя товарного знака. Суд указал на возможность судов отказывать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию РФ без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами РФ, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию таких последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов [1].

Одним из актов недобросовестного поведения Конституционный Суд счёл следование правообладателя незаконно установленным санкциям против России, чем последний выражает позицию в отношении российского рынка [1].

Очередным актом ограничения национального принципа исчерпания исключительного права является легализация параллельного импорта в России с 2022 года. Подобное дозволение по ввозу касается лишь определенного перечня товаров, отмеченного в Приказе Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 [2]. Товары и товарные знаки, упоминание о которых Приказ не содержит, не выводятся из-под действия национального принципа исчерпания права.

О целесообразности использования международного принципа исчерпания права в науке упоминалось не единожды, как и отмечались преимущества и недостатки данного порядка ввоза товаров.

Среди очевидных «плюсов» отмечается активизация конкуренции на рынке, увеличение свободы перемещения товаров — расширение географии продаж, увеличение ассортимента, а также возможности поставки тех товаров, ввоз которых ранее был ограничен по решению правообладателя [6].

Если говорить о негативных последствиях, то следует отметить, во-первых, утрату контроля правообладателя над распространением продукции, вследствие чего затруднено обслуживание соответствующих товаров, соблюдение гарантийных обязательств перед потребителем; во-вторых, параллельный импорт приводит к закономерному снижению продаж отечественных производителей в силу расширения рынка.

Особо негативным последствием легализации параллельного импорта является увеличение риска распространения контрафактной продукции. Несмотря на это, параллельный импорт не свидетельствует о легализации контрафакта. Контрафактным считается товар, а также этикетки и упаковка, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение. Иными словами, контрафакт — это неоригинальный товар, на котором незаконно размещен охраняемый товарный знак, в отличие от ввезенного альтернативным способом (параллельный импорт) оригинального товара, размещение знака на котором производится с согласия правообладателя.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 N 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N 3, 2018.
2. Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 N 1532 (ред. от 02.03.2023) «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.05.2022 N 68421).

В связи с указанным, новый режим ввоза обострил внимание иностранных правообладателей в отношении своих товарных знаков, используемых на территории России. В связи с увеличением числа нарушений исключительных прав на товарный знак, увеличилось и количество судебных дел, связанных с попытками защиты иностранными правообладателями своих знаков.

Несмотря на уход с российского рынка ряда иностранных производителей, их товарные знаки по-прежнему защищаются согласно букве закона. Наиболее распространенным типом споров за последний год, является взыскание упущенной выгоды за продажу контрафактных товаров. Иностранные производители требуют взыскать сумму убытков, исходя из расчета количества контрафактного товара, помноженного на стоимость оригинальной продукции, которая, зачастую, в разы выше стоимости «подделки». Данный подход объясняется производителем пропорциональным вытеснением контрафактной продукцией оригинального товара, а также тем, что нарушитель вместо того, чтобы приобрести оригинальный товар у правообладателя и реализовать его, продает контрафактный.

Как правило суды нижестоящих инстанций соглашались с подобным расчетом убытков, удовлетворяя требования правообладателей. В свою очередь, Верховный Суд и Суд по интеллектуальным правам (в последующих судебных актах) не разделили такой подход. По мнению высших судебных инстанций, судам следовало рассмотреть и учесть обстоятельства в силу которых потребитель мог давать себе отчет в приобретении контрафактной продукции — разность рынков и классов потребителей, которым правообладатель и нарушитель реализуют свои товары, очевидность неоригинальности продукции [3, 4, 5].

Таким образом Верховный Суд указал правообладателю на необходимость более детального обоснования заявленных ко взысканию убытков, которые не могут ограничиваться формальными указаниями. Например, в качестве обоснования убытков, правообладатель может доказать, что продал бы определенное количество товара в конкретном регионе, если бы не действия нарушителя. Предполагаемым негативным последствием является риск восприятия нарушителями подобной судебной практики в качестве послабления ответственности за нарушение исключительных прав.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 N 308-ЭС22-17045 по делу № А63-6499/2021 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.03.2023 N C01-101/2023 по делу № А50-3081/2022 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.03.2023 N C01-2610/2022 по делу № А60-51729/2021 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).
6. А. А. Анишин, А. В. Хромов. Принцип исчерпания права на товарный знак и параллельный импорт в России: настоящее и будущее // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 19, март 2018 г., с. 109–117.

К вопросу об особенностях гражданско-правовой ответственности в предпринимательских отношениях

Степанов Игорь Владимирович, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автором рассмотрены особенности отдельных элементов гражданско-правовой ответственности, присущие предпринимательским отношениям. Автором отмечается чрезвычайная сложность исследуемого вопроса, во многом связанная с изменчивостью внешней обстановки, оказывающей влияние на российский бизнес. Рассмотрена позиция судебной инстанции, сделан вывод о необходимости решения указанной проблемы на нормативно-правовом уровне.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, гражданско-правовая ответственность, договорная ответственность, предпринимательский риск.

Предпринимательское право, выступая в качестве новой динамично развивающейся на рубеже перехода от одной экономической системы к другой отрасли, является одним из важнейших инструментов формирования и функционирования современной рыночной экономической системы. Субъекты предпринимательского права, осуществляя свои полномочия для достижения своих целей предпринимательской деятельности, вынуждены обращаться к определенным правовым средствам, основным из которых становится договор.

Нередки ситуации, при которых контрагентами нарушаются условия договора, не исполняются обязательства, возложенные на ту или иную сторону договором и т. д. Следовательно, необходим механизм, побуждающий стороны исполнять обязательства надлежащим образом, при наличии которого контрагенты будут стараться не допускать ситуации, возникновение которых ставят под сомнение исполнимость договора. Законодателем были предусмотрены определенные меры ответственности для вышеупомянутой цели, при этом были оставлены широкие возможности для установления ответственности договорной. Зачастую стороны осознают, что законодательно установленных средств недостаточно и обращаются к институту договорной ответственности, в связи с чем возникает необходимость изучения особенностей договорной ответственности субъектов предпринимательской деятельности.

В целом, в правоотношениях между хозяйствующими субъектами предпринимательской деятельности большее значение придается сегменту договорной ответ-

ственности. Данная обусловленность вытекает из факта того, что предпринимательская деятельность невозможна без вступления в те или иные договорные отношения. При этом, стоит отметить, что применение соответствующих положений об ответственности (будь те установлены хоть в договоре, хоть в законе) зачастую сопряжено с совершением комплекса претензионных действий, в связи с чем представляется возможным констатировать диспозитивный характер «предпринимательской» ответственности по усмотрению стороны, претерпевающей нарушение. В п. 4 действующего Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» установлено: «Если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, указанные в п. 3 настоящего постановления, она должна рассматриваться как диспозитивная» [2].

Перейдем к рассмотрению отдельных элементов гражданско-правовой ответственности с особенностями, присущими предпринимательским отношениям. Стоит напомнить, что гражданско-правовая ответственность в сфере предпринимательских отношений как отношений равноправных и независимых субъектов экономического оборота отличается имущественным и компенсационным характером. Из этого следует, что размер «предпринимательской» ответственности должен соответствовать объему причиненных убытков, вреда в целях восстановления имущественной сферы потерпевшей стороны.

Противоправное поведение в предпринимательских отношениях может выражаться в форме противоправного действия или бездействия. Действие будет квалифицировано в качестве противоправного в том случае, если оно нарушает какое-либо основание возникновения обязательства: законодательство, сделку, в том числе договор и т. д. Бездействие же обретет противоправный характер, когда на сторону договора возложена прямая обязанность действовать. Например, бездействие покупателя по договору поставки, выразившееся в невыборке товара в определенные сроки, будет квалифицировано в качестве противоправного бездействия, неоднократность которого, согласно п. 3 ст. 523 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК), даст поставщику право одностороннего отказа от договора поставки и потребовать возмещения убытков [1].

Между противоправным поведением стороны-должника и возникшими неблагоприятными последствиями в виде убытков стороны-кредитора должна существовать непосредственная причинно-следственная связь, что вытекает из положений ст. 393 ГК, которая будет иметь место лишь тогда, когда в последовательно развивающихся событиях между противоправным поведением лица и убытками не будет никаких обстоятельств, имеющих значение для гражданско-правовой ответственности.

В последние несколько лет правоприменительная практика по вопросу установления наличия или отсутствия причинно-следственной связи достаточно сильно совершенствовалась из-за вмешательства внешних факторов. Этому поспособствовали такие обстоятельства, как международные санкционные ограничения в отношении Российской Федерации в результате присоединения Крыма, а также событий 2022 года (признание Донецкой и Луганской народных республик, объявление «специальной военной операции» на Украине, включение четырех новых регионов в перечень российских субъектов), всевозможные ограничения, в том числе в сфере торгового оборота, в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, закрытие границ и так далее, которые существенным образом повлияли на российский бизнес.

В связи с этим при решении вопроса об ответственности предпринимателя необходимо достоверно и точно установить «явилось причиной возникновения убытков нарушение договора или же убытки наступили в связи с предпринимательским риском либо общим ухудшением хозяйственной ситуации» [6, с. 100]. Учитывая то, что предпринимательская деятельность изначально основана на риске, необходимо доказывать, что нарушение обязательства контрагентом оказало большее влияние на возникновение убытков пострадавшей стороны, нежели предпринимательский риск. Поэтому при рассмотрении подобных дел важно применять комплексный подход, что неоднократно подчеркивалось судебными инстанциями [4].

Договорная ответственность субъектов предпринимательской деятельности отличается в том числе отсут-

ствием фактора вины как обязательного условия привлечения к ответственности в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК, по общему правилу. Соответственно, сторона предпринимательских отношений, которая не исполнила лежащую на ней обязанность должным образом, несет имущественную ответственность перед контрагентом не только при наличии своей вины в возникновении убытков, но и при их появлении в результате случайных обстоятельств (кроме непреодолимой силы). Концепция безвиновной ответственности получила наибольшую разработку именно у представителей гражданской науки.

Допуская безвиновную ответственность, законодатель осуществляет постепенный отход гражданского права от теории обязательной вины и принципа «без вины нет ответственности» [7, с. 56]. Следовательно, доктрина выработала два подхода к гражданско-правовой ответственности: безвиновный стандарт ответственности (по общему правилу) и виновный стандарт ответственности (исключительные случаи).

Условие о вине обязательно в некоторых закрепленных законодательством (или договором) случаях для привлечения к гражданско-правовой ответственности субъекта предпринимательской деятельности. Виновный стандарт ответственности применим, например, к обязательствам из договора контрактации. При этом, предусмотренное ст. 538 ГК снижение стандарта ответственности поставщика до ответственности только за вину (п. 1–2 ст. 401 ГК), а не за риск (п. 3 ст. 401 ГК), не означает, что он перестает нести всякую ответственность за обстоятельства, находящиеся вне его контроля. Как указал Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в своем постановлении от 08.02.2021 по делу № А03–900/2020: «Иными словами, непреодолимость неподконтрольных обстоятельств не является безусловным основанием для освобождения производителя сельскохозяйственной продукции от ответственности. Для освобождения от нее поставщик должен доказать, что не в силах был избежать или преодолеть само это препятствие или его негативные последствия, предприняв все необходимые и разумные меры для его предотвращения либо ненаступления» [3].

Как писал по данному поводу В. А. Хохлов, «... принцип свободы формирования условий договора охватывает и условие о вине в том смысле, что... стороны договора могут установить, что принцип вины подлежит применению в случаях, когда по закону он не используется (например, в предпринимательских отношениях)» [5, с. 172].

В соответствующей юридической литературе отмечается масса проблем как теоретического, так и практического характера, связанная с неразрешенностью законодателем проблемы положений об основании и условиях гражданско-правовой ответственности, в том числе субъектов предпринимательской деятельности. Эти вопросы являются чрезвычайно сложными, потому нельзя говорить о едином подходе, единооб-

разии правоприменительной практики, что связано, в том числе, и со стремительным изменением внешней обстановки, оказывающей негативное влияние на российский бизнес.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (часть вторая) (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5123.
2. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.02.2021 по делу № А03–900/2020 // Система «Электронное правосудие». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/98818424-38a8-4136-90db-7c0185abe249> (дата обращения: 17.05.2023).
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.05.2022 по делу № А40–158378/2021 // Система «Электронное правосудие». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/984ba754-4b50-456f-871b-a7c5f21d6447> (дата обращения: 13.05.2023).
5. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 1998. 349 с.
6. Брикса, К. О. Особенности гражданско-правовой ответственности предпринимателей / К. О. Брикса // Хозяйство и право. — 2017. — № 6 (485). — С. 96–103.
7. Гуцин, В. З. Гражданско-правовая ответственность / В. З. Гуцин // Современное право. — 2014. — № 1. — С. 52–57.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Актуальные проблемы участия третьих лиц в гражданском процессе

Халилулин Денис Шамилевич, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Капцинель Михаил Вадимович, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В научной статье рассматривается процессуальный статус третьих лиц. Сравнивается процессуальное положение третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, с процессуальным положением третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора и иных лиц, участвующих в деле. Рассматриваются актуальные проблемы участия третьих лиц в гражданском процессе и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: гражданский процесс, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования, относительно предмета спора, соистцы, соответчики, лица, участвующие в деле, процессуальный статус, процессуальная и материальная заинтересованность.

В гражданском процессе третьи лица занимают место среди лиц, участвующих в деле. Их участие способствует достижению главной цели гражданского процесса — защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов. Благодаря этому возможно более детально рассмотреть дело и надлежащим образом решить спор о материальном праве. Однако, это участие порождает и множество трудностей, потому что это усложняет процесс.

На фоне этого в литературе и на практике возникают постоянные вопросы, интересные исследования и складывается значительная почва для размышлений.

В последнее время произошли некоторые изменения в законодательстве, например, в ч. 1 ст. 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ), что дало больше полномочий третьим лицам в процессе. Также не смотря на, казалось бы, всестороннее регулирование правового положения третьих лиц в ГПК РФ, все-равно возникает множество вопросов в практическом применении. Например, порядок привлечения и вступления в процесс третьих лиц, неправильное определение их процессуального статуса и дальнейшие вопросы по его изменению, наделение третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, распорядительными полномочиями и т. д.

Данная тема выбрана нами, потому что в ней скрываются множество интересных вопросов, проблем, которые возникают как в практике, так и поднимаются в литературе. Новшества законодательства в сфере полномочий

третьих лиц, пробелы в регулировании, которые можно было бы исправить, а также значимость третьих лиц в процессе при разрешении дела — все это подталкивает к изучению данного института.

Институт третьих лиц является не новым для российского цивилистического процесса. Исходя из этого, многие вопросы значительно исследованы в России. Данный институт изучался такими дореволюционными и советскими процессуалистами как Флексор Д. С., Буцковский Н. В., Нефедьев Н. А., Ильинская М. В., Васьковский Е. В., Яблочков Т. М., Клейнман А. Ф., Вилкут М. А. и многими другими. Также можно найти множество современной литературы, например, работы Яркова В. В., Блажеева В. В., Уксусова Е. Е., Треушниковой М. К., Решетниковой И. В., Афанасьева С. Ф. При этом есть монографии, диссертационные исследования, научные работы Рожкова К. С., Поклоновой Е. В., Горелова М. В., Юдина А. В. по отдельным вопросам, касающимся третьих лиц в гражданском процессе.

В общем виде правовое положение третьих лиц урегулированы в ст. 34, 42 и 43 Главы 4 Раздела 1 ГПК РФ. Сюда входят общие положения данного института, в том числе и полномочия третьих лиц, говоря о которых также нужно затронуть ст. 153⁸ ГПК РФ, которая также, как и ст. 43 претерпела изменения после 2019 года.

Обратимся к нормам действующего законодательства для того, чтобы охарактеризовать правовое положение третьих лиц.

Глава 4 ГПК РФ относит третьих лиц к лицам, участвующим в деле. Такой вывод нам позволяет сделать

статья 34 ГПК РФ. При этом, множество ученых относит их к факультативным лицам, участвующим в деле. «Если без таких лиц, участвующих в деле, как истец и ответчик, исковое производство немыслимо, то все иные субъекты данной группы участников гражданского судопроизводства являются факультативными» [16, с. 153]. С этим стоит согласиться, так как основной спор разрешается между истцом и ответчиком, а остальные лица, участвующие в деле, имеют определенную степень заинтересованности в исходе дела, т. к. это может повлиять на их права и обязанности. Участие третьих лиц в деле имеет особое значение, о котором иногда возникают споры. С одной стороны, участие третьих лиц усложняет процесс, вызывает сложности у судьи при определении правового статуса лиц, участвующих в деле, делает процесс доказывания более долгим и т. д. Но с другой стороны, значительнее исследуются доказательства, а значит дело рассматривается детальнее, что способствует законности и обоснованности решения суда. Также учитываются интересы других лиц в исходе дела, что опять же влияет на правильность вынесенного решения. «...участие третьих лиц — это путь к правильному и обоснованному разрешению дела, так как позволяет установить все обстоятельства по делу, собрать воедино и исследовать все имеющиеся доказательства: привлечение в процесс третьих лиц — это средство процессуальной экономии..., не привлечение в процесс третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, может служить основанием для отмены судебного акта» [18, с. 90–91]. На наш взгляд, однозначного ответа быть не может. При всём усложнении процесса, участие третьих лиц в деле является очень значимым для правильного разрешения спора.

О третьих лицах законодатель говорит в статьях 42 и 43 ГПК РФ, тем самым разделяя третьих лиц на два вида, в зависимости от их заинтересованности в исходе дела:

- 1) третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, относительно предмета спора,
- 2) третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования, относительно предмета спора.

Несмотря на явные различия, третьи лица имеют и общие черты, индивидуализирующие их среди лиц, участвующих в деле, вне зависимости от их законодательного разделения на два вида. Во-первых, их отношение к лицам, участвующим в деле. Во-вторых, это наличие заинтересованности в исходе дела. В-третьих, влияние на них законной силы решения суда. В-четвертых, их интересы не совпадают с интересами истцов, ответчиков и соучастников. В-пятых, третьи лица вступают или привлекаются в начатый гражданский процесс, после чего рассмотрение дела производится с самого начала, в отличие от спорящих сторон: «...общим признаком этих лиц является вступление их в уже начавшийся процесс...» [11, с. 125]. Данные черты индивидуализируют третьих лиц, выделяя их из числа лиц, участвующих в деле. Эти же черты позволяют нам выделить их общую характеристику. Разобрав их, можно сформулировать по-

нятие, которое наиболее полно, на наш взгляд, отражено в учебнике И. В. Решетниковой и В. В. Яркова: «...третьи лица — это лица, участвующие в деле, которые вступают или привлекаются в начатый процесс, имеют определенную правовую заинтересованность в исходе дела, так как решение может повлиять на их права и обязанности» [15, с. 57]. В этом понятии содержатся все общие черты, относящиеся к третьим лицам.

Рассмотрим подробнее третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. В силу индивидуальности своего правового положения третьи лица с самостоятельными требованиями имеют некоторые отличия от лиц, участвующих в деле. В силу степени заинтересованности они отличаются от прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан, которые участвуют в гражданском процессе для защиты чужих интересов, что установлено статьями 45, 46, 47 ГПК РФ. У них иной характер заинтересованности: «Указанные субъекты материально-правовой заинтересованностью не обладают. Решение суда, вынесенное по делу, не затрагивает их права. Например, государственные органы, органы местного самоуправления участвуют в процессе с целью реализации возложенной на них законом компетенции. Поэтому у них есть служебная заинтересованность» [11, с. 107]. Например, прокурор в силу законодательного закрепления осуществляет возложенные на него функции надзора за соблюдением Конституции РФ, за исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и т. д. (ФЗ от 17.01.1992 № 2202–1), что и обостряет его участие в деле.

Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора имеют многочисленные сходства с истцами. Часто их даже называют опоздавшими истцами: «...третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, — это опоздавший истец: подай он исковое заявление первым, то был бы истцом» [18, с. 91]. Сходства прослеживаются:

- 1) в подаче иска (включая право на подачу иска и соблюдение форм и содержания искового заявления — ст. 131 ГПК РФ);
- 2) в целях участия в деле (защита субъективного права);
- 3) в степени заинтересованности (материально-правовая и процессуально-правовая заинтересованность);
- 4) в правах и обязанностях, о которых важно сказать отдельно. По ч. 1 ст. 42 ГПК РФ третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора пользуются всеми правами и несут все обязанности истца. Это означает наличие у них общих прав, закрепленных в ст. 35 ГПК РФ, и общих обязанностей (ст. 158, 167, 118 ГПК и другие), а также распорядительных прав по ст. 39 ГПК РФ (в том числе право участвовать в заключении мирового соглашения в качестве сто-

роны) и обязанностей (ст. 56 ГПК РФ и другие). «Кроме того действующее законодательство наделяет таких лиц правом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования судебных постановлений по делу» [16, с. 157]. Наделение третьих лиц такими полномочиями в силу принципа диспозитивности объясняется их материально-правовой заинтересованностью в исходе дела, что гарантирует им возможность влиять на движение процесса, защищая свои права и законные интересы;

5) в порядке вступления в процесс: вступление в дело третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора помимо его воли невозможно;

6) в гражданской процессуальной правоспособности.

Такие лица обладают личной заинтересованностью в исходе дела и пользуются правами сторон (ст. 42, 43 ГПК РФ). Но это не означает полного сходства с истцами. Интересы третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования противоречат интересам сторон, но могут противоречить и только истцу, не совпадая с интересами ответчика [18, с. 92]. Наряду с этим важно понимать, что при подаче иска третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования, предмет спора должен быть один, требования идентичные, но при этом взаимоисключающие. Для иллюстрации этого мы хотим привести в пример апелляционное определение Нижегородского областного суда от 04.04.2017. АО «Реал-Инвест» обратилось в суд с иском к 5 гражданам о признании незаконным положений протокола общего собрания собственников помещений. Далее судебным определением было отказано в удовлетворении ходатайства от другого лица о привлечения его к участию в деле в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования о признании незаконными части положений данного протокола. После чего была подана частная жалоба с прошением отменить определение. В апелляционной инстанции суд не нашел оснований для отмены обжалуемого определения, комментируя следующим: «... Требование истца и требование третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, должны быть идентичны и одновременно иметь взаимоисключающий характер. То есть третье лицо заинтересовано в таком материально-правовом разрешении спора, которое исключает удовлетворение притязаний истца» [9].

Требования в данной ситуации разные, не совпадают предмет спора, поэтому обе инстанции не нашли оснований для привлечения заинтересованного лица в качестве третьего лица. Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора не несут обязанности соблюдения претензионного порядка или иного досудебного порядка урегулирования спора (ч. 1 ст. 42 ГПК РФ), как это обязан делать истец перед подачей иска, что также отражается на количестве документов, прилагаемых к исковому заявлению (ст. 132 ГПК РФ).

Это обусловлено их вступлением в уже начавшийся процесс до принятия судебного постановления судом первой инстанции (ч. 1 ст. 42 ГПК РФ), по которому рассмотрение дела производится с самого начала (ч. 2 ст. 42 ГПК РФ): «... начиная со стадии подготовки дела и до удаления суда в совещательную комнату для принятия решения по делу. <...> что позволяет надлежащим образом подготовить дело к судебному разбирательству и рассмотреть его без отложения» [18, с. 92]. На вопрос о рассмотрении дела с самого начала ответил ВС РФ в ПП ВС от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»: «При вступлении в дело третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, подготовку дела следует проводить с самого начала, поскольку они пользуются всеми правами и несут все обязанности истцов» [8]. В силу данного отличия исследуемых лиц можно называть именно «опоздавшим истцом». Также при их вступлении в процесс, судья выносит определение о признании их третьими лицами в рассматриваемом деле или об отказе в признании их третьими лицами, на которое может быть подана частная жалоба. Здесь необходимо понимать, что третье лицо с самостоятельными требованиями может защитить свое право и другим путем, например, подать самостоятельный иск.

Очень важным также является разграничение третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, с соистцами. Данные отличия хорошо раскрыты в учебной литературе: «... 1) соистцы могут вступить в начатый процесс, но могут вместе подать иск, третьи лица всегда вступают в начатый процесс, 2) у соистцов совпадают интересы, интересы третьего лица противоположны, как правило, интересам и истца, и ответчика, 3) соистцу противостоит ответчик, третьему лицу, как правило, противостоят и истец, и ответчик» [15, с. 58].

В судебной практике часто сталкиваются с правоприменительными проблемами, которые, на наш взгляд, должным образом не урегулированы ГПК РФ. Стоит выделить проблему момента вступления третьих лиц с самостоятельными требованиями в процесс. Как мы выяснили, они могут вступить в начавшийся процесс до принятия судебного постановления судом первой инстанции (фактически до удаления судьи в совещательную комнату). Представим, что лицо подает ходатайство о привлечении его к делу в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора буквально за пару минут до удаления судьи в совещательную комнату. Если судья удовлетворит данное ходатайство, возникнет необходимость отложить судебное разбирательство по делу (ст. 169 ГПК РФ). В дальнейшем потребуются другие доказательства, возможно, привлечение других лиц в дело и т. д. Это приведет к затягиванию процесса и нарушит сроки, установленные для разрешения гражданских дел в первой инстанции (ст. 154 ГПК РФ). Войтович Л. В. предлагает решить данные вопросы следующим образом: «ограни-

чение срока на вступление в процесс третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора» [12]. Например, ограничить срок вступления в процесс стадией подготовки дела к судебному разбирательству, что отдаленно можно проследить в п. 24 уже упомянутого ПП ВС РФ от 24.06.2008 № 11.

Интересным, на наш взгляд, является вопрос извещения судом третьих лиц с самостоятельными требованиями на предмет спора. Здесь пересекаются принципы диспозитивности и объективной истины (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ). Вопрос встает о том, чтобы урегулировать в ГПК РФ обязанность судьи извещать заинтересованных лиц об их возможности вступить в процесс путем подачи иска. Это могло бы сократить время разбирательства и снизить сроки рассмотрения и разрешения дел. Но такое не представляется возможным. Хотя судья и не будет нарушать добровольность заявления требований и вступление в дело, но он будет этому способствовать, что может, как нам кажется, заставить усомниться в независимости, объективности и беспристрастности судьи. Стоит заметить, что Конституционный суд РФ в определении от 19.10.2010 № 1351-О-О указывает лишь на право суда по собственной инициативе привлекать в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Войтович Л. В. считает, что данное положение можно применить и к извещению третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования.

Следующая проблема, безусловно, является очень актуальной. Когда третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора, вступает в процесс, рассмотрение дела начинается с самого начала. Из проведенного нами опроса судей, а также нескольких работников из разных составов суда коллегии по гражданским делам, можно сделать вывод, что мало кто рассматривает дела с самого начала. В основном, сроки рассмотрения просто продлеваются при вступлении третьего лица в дело. Часто бывают ситуации, когда установленный срок разрешения и рассмотрения дела подходит к концу, и тут в дело вступает третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора. Тогда судьи, чтобы не начинать длительный процесс рассмотрения дела с самого начала, просто продлевают сроки рассмотрения дела. Этим, конечно, процесс не сокращается, но судьям так проще. Такой прием используется достаточно часто. В частности, при обычном истечении срока и без вступления в дело третьих лиц с самостоятельными требованиями, судья по собственной инициативе может привлечь в дело третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, например, МФЦ, МВД и т. д. для продления сроков. Тогда в базе по судебным делам автоматически продляется срок рассмотрения дела. А для соблюдения требований закона выносится определение об отложении судебного заседания по какому-либо иному основанию, например, необходимости предоставления новых доказательств. И тут встает важный вопрос, нужно ли менять что-то в ГПК РФ или же изменения должны произойти в практическом приме-

нении, в частности, в информационной судебной системе. На наш взгляд, рассмотрение дела с самого начала более точно предопределяет реализацию всех процессуальных прав и обязанностей третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования, а также лучше решает проблемы с затягиванием судопроизводства. Поэтому частое пренебрежение судами положениями ч. 2 ст. 42 ГПК РФ должно быть замечено ВС РФ и отражено в постановлении посредством разъяснений.

Также особенностью является сложность определения судьей процессуального статуса исследуемых лиц. Судьи часто неправильно определяют процессуальный статус третьих лиц, вынося определение об отказе в признании их таковыми. Этому во многом способствует непонимание в разграничении третьих лиц, подающих исковое заявление, с соистцами. В пример неправильного определения процессуального статуса приведем апелляционное определение Приморского краевого суда от 19.04.2016. Гаражно-строительный кооператив обратился в суд с иском к местной администрации о признании права собственности на гаражи. В дальнейшем несколько членов данного кооператива предъявили самостоятельные требования, заявив, что права собственности на гаражи принадлежат им, потому что они принимали участие в их строительстве. По определению судьи первой инстанции данные лица были привлечены к участию в деле в качестве третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Однако, в апелляционном определении краевой суд указал на неправильность такого привлечения, аргументируя это следующим: «... «по сути, предъявили встречные иски о признании права собственности на гаражные боксы». С данным суждением можно поспорить, поскольку оно не согласуется с положениями статей 42 и 137 ГПК РФ: указанные граждане вступили уже в начатый процесс между иными лицами, при этом статусом ответчиков, наделенных правом предъявления встречного иска, не обладали и имели самостоятельный интерес в предмете спора, исключающий возможность защиты интересов истца — строительно-гаражного кооператива и ответчика — администрации» [14]. Мы полностью согласны с выводами Носиковской А. А. Хочется также отметить, что требования членов кооператива были предъявлены на один предмет спора, они, как и у истца, были направлены на признание права собственности, но при этом были взаимоисключающими. Все это говорит о том, что краевой суд в апелляционной инстанции допустил ошибку и неправильно определил правовой статус заинтересованных лиц. Можно сделать вывод, что судьям нужно более внимательно относиться к определению процессуального статуса лиц, участвующих в деле. Иначе отказ в привлечении лица в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, неверное определение его процессуального статуса или же последующее его изменение может привести к несвоевременной и в дальнейшем затруднительной защите прав этого лица, к обречению его на воз-

буждение другого дела по тому же предмету спора, к нагромождению и затягиванию процесса, что впоследствии может оказать влияние на недостаточность доказательств по делу, вынесение незаконного и необоснованного решения, и даже на порождение недоверия к судебной власти.

Говоря о процессуальном статусе, важно выделить неурегулированную в ГПК РФ возможность изменения такого статуса лица уже после его привлечения в процесс. Подчеркнем, что возможность изменения статуса предусмотрена ГПК РФ, но лишь в отношении замены ненадлежащего ответчика (ст. 41 ГПК РФ). «Верховный суд Чеченской Республики своим апелляционным определением от 18 июля 2012 г. по делу № 11–377/12 указал на то, что определение судом процессуального положения Министерства имущественных и земельных отношений Чеченской Республики как третьего лица лишило его права на защиту своих интересов путем предъявления встречного иска либо самостоятельного иска в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями. Исходя из характера спорного правоотношения и наличия материально-правового интереса к исходу дела, Министерство должно было быть привлечено в качестве соответчика» [17].

Данный пример подтверждает сделанный ранее вывод о том, что ошибочное определение судьей процессуального статуса лица, участвующего в деле может повлечь множество неблагоприятных последствий. А теперь представим, что можно изменить данный статус такого лица при выявлении ошибки судьи или при выявлении новых обстоятельств, например, в процессе подготовки дела к судебному разбирательству. Конечно, на практике так сейчас и происходит, так как судьи имеют большую свободу в данном вопросе. Исходя из наших опросов, а также из личных наблюдений, процессуальный статус лиц нередко меняется. Например, после вступления в дело гражданина или организации в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, в дальнейшем выясняются обстоятельства, которые затрагивают интересы такого лица. Причем, суть уже не в том, что решение суда повлияет на его права и обязанности и будет иметь преюдициальное значение, а в том, что появляются предположения о принадлежности ему спорного субъективного права.

Тогда встает вопрос о необходимости изменения правового статуса такого лица. В протоколе судебного заседания такое изменение не отображается, другой статус лицо приобретает лишь в описательной части судебного решения, где просто из лица, не заявляющего самостоятельные требования необоснованным образом, оно превращается в лицо, заявляющее самостоятельные требования. При этом никакого искового заявления таким гражданином или организацией не подается. Также это можно наблюдать в протоколах разных судебных заседаний по одному делу. В одном протоколе гражданин имеет статус лица без самостоятельных требований, в следующем протоколе он же уже имеет процессуальный

статус лица с самостоятельными требованиями. К сожалению, порядок этого изменения законодательно не урегулирован, что порождает непонимание на практике и, по сути, обход закона, так как нарушаются в том числе положения ст. 42 ГПК РФ о порядке вступления в дело третьего лица, заявляющего самостоятельные требования путем подачи иска. При разрешении данного вопроса важно понимать, что ГПК РФ не запрещает «...приобретение бывшими участниками процесса отличного от предыдущего статуса...» [17]. Урегулирование данного вопроса нормами ГПК РФ требует понимания его природы.

Так, Фомина О. Ю. в своей научной статье выделяет нормы материального права в качестве влияющего фактора на механизмы преобразования и приобретения процессуального статуса: «...при наличии материально-правового притязания в отношении предмета спора лицо может приобрести статус третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора» [17]. Именно поэтому судье так важно на стадии подготовки дела к судебному заседанию проследить материально-правовой интерес в исходе спорного правоотношения. А. В. Юдин выделяет несколько способов изменения процессуального статуса исследуемых лиц:

- 1) перевод третьих лиц в разряд соистцов и наоборот;
- 2) исключение третьего лица, ошибочно привлеченного судом, из числа лиц, участвующих в деле.

Как можно заметить из приведенных нами примеров, на практике судьями применяются и другие механизмы. Можно предусмотреть в ГПК РФ, что преобразованию статуса третьих лиц в разных протоколах или судебных решениях будет предшествовать подача ходатайства от лиц, участвующих в деле, об изменении процессуального статуса. Такой способ также предлагает Фомина О. Ю., говоря о необходимости его законодательного урегулирования. Таким образом, урегулирование этого вопроса внесет гибкость в процесс, благодаря которой процессуальный статус участников будет соответствовать их материальной заинтересованности на протяжении всего рассмотрения дела.

Теперь рассмотрим третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Цель участия таких лиц в процессе — это избежание в дальнейшем неблагоприятных последствий, защита своих прав и интересов, помощь стороне, на которой такое лицо выступает. «... пособника привлекают на свою сторону для усиления своей позиции, для того чтобы он помогал выиграть процесс» [13]. По общему правилу, такие лица не являются субъектами спорного материального правоотношения как стороны, не имеют притязаний на предмет спора. Однако, Треушников М. К. говорит, что в исключительных случаях может быть иначе, например, когда соистцы не вступили в дело, но имеют общую долевую собственность с истцом. Решение повлияет на их права и обязанности, поэтому они могут вступить в дело в качестве третьих лиц без самостоятельных требований.

Третьи лица без самостоятельных требований могут быть привлечены к участию в процессе по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда (ч. 1 ст. 43 ГПК РФ). Таким образом законодатель предусмотрел два варианта возможности у таких лиц оказаться в деле: а) вступление в процесс (путем подачи заявления), б) привлечение в процесс. Отдельно важно выделить именно право суда по своей инициативе привлекать в дело третьих лиц без самостоятельных требований. Инициатива суда подразумевает его право на привлечение таких лиц в дело, но никак не обязанность. Уже ранее упомянутое нами определение Конституционного суда РФ от 19.10.2010 № 1351-О-О указывает только на право суда. Однако «Необходимость привлечения третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, часто вытекает из норм материального права (например, ст. 461, 462 ГК РФ), постановлений Пленума Верховного Суда РФ» [15, с. 60].

Такие указания помимо рекомендательного характера порой несут в себе именно обязанность суда по привлечению третьих лиц. Например, в ПП ВС РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в п. 61 указывается, что, когда в деле страховщик несет ответственность за станцию технического обслуживания, суд обязан привлекать станцию в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Мы думаем, что такая обязанность суда обусловлена спецификой дела и необходимостью участия в нем таких лиц для правильности его разрешения. Но обязанность привлечения судом в ст. 43 ГПК не предусмотрена, что может вызвать непонимание по поводу привлечения третьего лица в процесс. Конечно, такие обязанности отображены в ПП ВС РФ, и закрепить все возможные случаи, конкретизируя дела в ГПК РФ, просто не представляется возможным. Однако, мы считаем, что необходимо дополнить абз. 1 ч. 1 ст. 43 ГПК РФ следующей нормой: «в случаях, предусмотренных законом, судья обязан привлекать к участию в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора».

В соответствии со ст. 43 ГПК РФ третьи лица без самостоятельных требований не обладают распорядительными полномочиями, указанными в ст. 39 ГПК РФ. Однако, такие лица вправе выступать участниками мирового соглашения, когда они приобретают права, или на них возлагается обязанность по условиям такого соглашения. Такая возможность у них появилась с момента вступления в силу ФЗ № 197 от 26.07.2019, который ввел 2 абзац в ч. 1 ст. 43 ГПК РФ и ввел ст. 153.8 в ГПК РФ, содержащие в себе право таких лиц выступать участниками мирового соглашения.

Существует множество актуальных проблем участия третьих лиц без самостоятельных требований в гражданском процессе. Стоит сказать про сложности с процессуальным статусом. На практике, часто встречаются

проблемы неправильного привлечения и наделения процессуальным статусом лиц в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Так судьи могут привлекать к участию в деле в качестве таких лиц уполномоченные органы для дачи заключений по делу. Данный вопрос поднимает в своей научной работе Носиковская А. А. Например, в делах по спорам о детях судьи привлекают органы опеки и попечительства в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований. Что является неправильным, так как это противоречит положениям статей 78 и 125 Семейного кодекса РФ, а также ст. 47 ГПК РФ. Понимание отличия третьих лиц без самостоятельных требований от таких лиц, участвующих в деле, как государственные органы, органы местного самоуправления, необходимо для того, чтобы судьи не совершали такие ошибки.

На такое отличие указал ВС РФ в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом ВС РФ от 20.07.2011: «...в силу положений ст. 47 ГПК РФ органы опеки и попечительства относятся не к третьим лицам, а к лицам, участвующим в деле в качестве государственного органа, компетентного дать заключение по существу спора. Основанием их участия по делам по спорам о детях является интерес государства в правильном разрешении дел, имеющих важную социальную направленность, и защита интересов несовершеннолетних, не имеющих в большинстве случаев возможности самостоятельно участвовать в процессе и защищать свои интересы. При этом процессуальные права и обязанности органа опеки и попечительства, привлекаемого для дачи заключения по спору (ст. 47 ГПК РФ), и третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований (ст. 43 ГПК РФ), являются различными» [7]. Таким образом: «Неправильное определение статуса лица, участвующего в деле <...> может повлечь за собой неправильную оценку доказательств. <...> Кроме того, подобные процессуальные нарушения ведут к затягиванию процесса и <...> подрывают авторитет судебной власти» [14], с чем нельзя не согласиться.

Еще одной проблемой является необходимость изменения или прекращения статуса у третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования. В качестве третьего лица иногда привлекают не тех лиц, которые, на самом деле, должны были быть иными лицами, участвующими в деле, например, уполномоченными органами, дающими заключение по делу. Такая ошибка возможна и наоборот. Все дело в заинтересованности лиц, участвующих в деле. Имеют ли они интерес в исходе дела и какой (служебный, материально-правовой, процессуально-правовой). Таким образом, возникает необходимость в механизме прекращения или изменения процессуального статуса таких лиц. При этом важно понимать, что интерес может быть сразу не выявлен или он может измениться потом, может пропасть, а может сразу быть неверно определен и т. д. Такое хаотичное изменение и непостоянность, и обуславливает необходимость закрепления новых норм, регулирующих

данный вопрос. Если с ответчиком или с истцом третьих лиц без самостоятельных требований перепутать сложно, то вот с соистцами или соответчиками вполне возможно:

1) с соистцами — это возможно уже в самом процессе — когда какой-нибудь из соистцов откажется от своих требований к ответчику, например, не поддерживая мнения других соистцов. Исключить его из дела нельзя, так как потом решение может быть отменено (ч. 4, ст. 330 ГПК РФ). Тогда предлагается выход, такое лицо откажется от иска и будет привлечено в качестве третьего лица без самостоятельных требований на стороне истца, т. к. решение суда повлияет на его права и законные интересы;

2) с соответчиками — это возможно и в самом процессе, и до его начала на момент привлечения.

Когда к ответчикам были предъявлены иски, но в дальнейшем оказалось, что один из них не имеет материально-правовой заинтересованности, не является субъектом спорного материального отношения. Однако, решение повлияет на его права и обязанности. Решение данной ситуации возможно при замене ненадлежащего ответчика. А также по ходатайству лица об изменении имеющегося статуса на третье лицо без самостоятельных требований на стороне ответчика.

Такое преобразование важно ещё в том плане, что бывший ответчик теперь перестанет обладать распорядительными полномочиями по ст. 39 ГПК РФ. Описанные нами ситуации возможны и наоборот, когда, например, третье лицо теряет или приобретает другой интерес в исходе дела. Имеет теперь свои притязания на предмет спора. Заявляет требования и становится третьим лицом с самостоятельными требованиями или же становится ответчиком по делу. Это может обуславливаться тем, что к нему могут предъявить требования, или он в силу каких-либо обстоятельств становится субъектом спорного материального правоотношения.

В силу этого, для преобразования процессуального статуса необходимо чётко понимать грань между третьими лицами без самостоятельных требований и соучастниками. «Третьи лица не связаны материально-

правовыми отношениями с противоположной стороной в отличие от соучастников. Третьи лица находятся в материально-правовой связи только с тем лицом, на стороне которого они участвуют» [18, с. 97], что является одним из основных отличий и обуславливает разницу в заинтересованности у данных лиц. И, конечно, их правовые положения, которые определяют разный объем прав и обязанностей. А. В. Юдин в своей работе «Изменение и лишение процессуального статуса лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве» выделяет похожие варианты изменения процессуального статуса. А Фомина О. Ю. предлагает подачу ходатайства об изменении статуса лица.

Участие третьих лиц в деле имеет большое значение для процессуальной экономии, своевременного рассмотрения и разрешения дела, объективного и всестороннего исследования обстоятельств, касающихся спора, для складывания необходимой и достаточной базы доказательств, для вынесения законного и обоснованного решения по делу, для защиты интересов этих лиц, что также способствует защите интересов сторон благодаря правильному разрешению спора между ними. Однако, их участие также осложняет процесс. И вызывает множество вопросов в правоприменении, что порождает проблемы, требующие урегулирования в ГПК РФ.

Считаем, что предложенные пути решения проблем, поднятых в нашей работе, позволят значительно развить институт третьих лиц в гражданском процессе. При этом, безусловно, целесообразно продолжать научно-практическое исследование по данной тематике. Так как поднятые вопросы являются лишь частью тех особенностей, которые можно обозначить, изучая данный институт. На наш взгляд, частое несоответствие закона и практического применения вызывает множество трудностей. Формулируется двойная база для правильного правоприменения. Поэтому нужно исследовать данные вопросы, предлагать пути их разрешения для выявления оптимизированных подходов и механизмов, которые в дальнейшем могут быть рассмотрены и внесены в ГПК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ
2. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ
4. Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 N 2202-1
5. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 N 1351-О-О
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 N 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»
7. «Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011)
8. Бюллетень Верховного суда РФ 2008. N 9 (ПП ВС РФ № 11 от 2008 г.)
9. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 04.04.2017 по делу № 33–3922/2017
10. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 19.04.2016.
11. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. Москва

12. Л. В. Войтович, научная статья «Третьи лица: участники гражданского судопроизводства по законодательству России и Республики Казахстан»
13. Клейнман А. Ф. Указ. Соч. С. 49., С. 53
14. А. А. Носиковская, научная статья «Процессуальные особенности положения третьих лиц в гражданском судопроизводстве»
15. Гражданский процесс / И. В. Решетникова, В. В. Ярков. — 8-е изд., перераб. — Москва
16. Гражданский процесс: Учебник/ Под ред. М. К. Треушникова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский Дом «Городец», 2019. — 832с.
17. О. Ю. Фомина, научная статья «Преобразование процессуального положения лиц, участвующих в деле, при взаимодействии норм материального и процессуального права»
18. Гражданский процесс: Учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т, отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В. В. Ярков. — 10-е изд., перераб. И доп. — М.: Статут, 2017. — 702 с.

АРБИТРАЖНОЕ ПРАВО

Субсидиарная ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве

Березов Кирилл Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Введение санкций и уход с российского рынка крупных мировых брендов с большой долей вероятности приведет к банкротству различных организаций.

Автор отмечает, что в ряде случаев банкротство связано с действиями руководителя должника и иных лиц. В этом смысле проблема субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в процессе банкротства на сегодняшний день весьма актуальна.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, совершение сделок, должник, экономика, ликвидационная комиссия, контрагент.

В 2022 году действовал мораторий на открытие дел о банкротстве в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28.03.2022 № 2022. 497 «О введении моратория на открытие дел о банкротстве по искам обращено к кредиторам». Мораторий действовал с 1 апреля 2022 г. по 1 октября 2022 г. Предполагается, что мораторий даст предпринимателям время перестроить свои бизнес-процессы с учетом существенно изменившейся экономической ситуации — найти новых поставщиков и покупателей, выстроить новую логистику. Он запрещает подачу новых заявлений о банкротстве, но уже начатое производство по делу о несостоятельности не прекращается и не приостанавливается. [3].

Поэтому даже после окончания моратория эта тема не теряет своей актуальности. В соответствии с действующей редакцией Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) субсидиарная ответственность по обязательствам должника может быть возложена на лиц, контролирующую деятельность юридического лица (далее — ЗДЛ) [2].

Определение КДЛ дано в статье 61.10 Закона о банкротстве: контролером должника понимается физическое или юридическое лицо, имеющее или не имевшее более трех лет до возникновения признаков банкротства, а также после у них появилось до принятия арбитражным судом заявления о банкротстве должника право давать обязательные для исполнения предписания должника либо возможность иным образом определять действия должника, в том числе связанные с совершением сделок и определение его условий. [2]

Возможность определить действия должника может быть достигнута:

- 1) в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в родственных или имущественных отношениях, служебного положения;
- 2) в силу наделения полномочиями совершать сделки от имени должника на основании доверенности, нормативного правового акта или иного специального полномочия;
- 3) в силу служебного положения (в том числе занятия должности главного бухгалтера, финансового директора должника или лиц, указанных в абзаце втором пункта 4 настоящей статьи, а также иной должности, дающей возможность определять действия должника);
- 4) иным способом, в том числе путем принуждения должностного лица или членов органов управления должника либо иного осуществления решающего воздействия на должностное лицо или членов органов управления должника.

В этом случае лицо считается контролером должника, если это лицо:

- 1) являлся руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- 2) имел право самостоятельно или совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, либо более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью или более половины голосов на общем собрании участников юридического лица, либо имел право назначать (избирать) руководителя должника;

- 3) получили прибыль от противоправного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В то же время арбитражный суд может признать лицо КДЛ по иным доказанным основаниям, прямо не указанным в законе. [2].

Таковыми причинами могут быть, например, любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например, сожительство (в том числе в т. н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (одноклассники, однокурсники) и др. Определенный интерес представляет субсидиарная ответственность учредителей (участников), собственников имущества несостоявшихся организаций. Согласно п. 2 ст. 56 ГК РФ учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или иным закон. Так, согласно статье 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено, что при невозможности погашения требований кредиторов в полном объеме вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника такой лицо несет субсидиарную ответственность по обязательству должника [7].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением к ответственности лиц, контролирующих должника в деле о банкротстве» указывает, что институт привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности выступает как единственный механизм восстановления нарушенных прав кредиторов. Практическая реализация данного механизма возможна на основании заявления кредитора о применении субсидиарной ответственности к субъектам гражданско-правовых отношений

Основания субсидиарной ответственности указаны в ст. 61.11 Закона о банкротстве: контролер должника может быть привлечен к субсидиарной ответственности, если полное удовлетворение требований кредиторов невозможно вследствие действия и (или) бездействия контролера должника. Закон устанавливает ряд презумпций виновности. Таким образом, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно в связи с действиями и (или) бездействием контролера должника при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

— Причинен существенный вред имущественным правам кредиторов в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника (совершения таких сделок по указанию этого лица), включая сделки, указанные в статьях 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

Указанная презумпция может быть применена к контролирующему лицу, если данной сделкой (сделками) причинен существенный вред кредиторам. К числу таких

сделок относятся, в частности, сделки должника, значимые для него (применительно к масштабам его деятельности) и одновременно являющиеся существенно убыточными. При этом следует учитывать, что значительно влияют на деятельность должника, например, сделки, отвечающие критериям крупных сделок (статья 78 Закона об акционерных обществах, статья 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью и т. д.).

При рассмотрении вопроса о том, является ли крупная сделка в целом убыточной, следует исходить из того, что такой сделкой может считаться, в том числе сделка, заключенная на условиях, существенно отличающихся от рыночных условий в худшую для должника сторону, а также сделка, заключенная на рыночных условиях. цене, в результате которой должник потерял возможность продолжения одной или нескольких сфер экономической деятельности, ранее приносявших ему значительный доход. По смыслу п. п. 3 ст. 11 Закона о банкротстве применить презумпцию, изложенную в абз. 1 ст. 2 наличие вступившего в законную силу судебного акта о признании такой сделки недействительной не требуется. Также не требуется определять все предпосылки, необходимые для признания данной сделки недействительной, в частности недобросовестность контрагента в этой сделке.

— Требования кредиторов третьей очереди на основную сумму требования, возникшие в результате правонарушения, за которое принято решение о привлечении должника или его должностных лиц, являющихся или являвшихся единоличными исполнительными органами по уголовным, административным делам или делам об ответственности, к налогу. силу, в том числе требования о погашении задолженности, выявленные в результате уголовного преследования по делам о таких правонарушениях, превышают пятьдесят процентов от общей суммы требований кредиторов третьей очереди на основную сумму долга, перечисленных в реестре жалоб кредиторов.

Таким образом, предполагается, что действия (бездействие) контролирующего лица стали необходимой причиной объективного банкротства при доказывании следующего комплекса обстоятельств: привлечения должника к налоговой ответственности за неуплату или неполную уплату налога (сбора, страхового страховых взносов) вследствие занижения налоговой базы (базы для исчисления страховых взносов), иного неправильного исчисления налога (сбора, страховых взносов) или иных неправомерных действий (бездействия); доначисленные в результате мероприятий налогового контроля суммы налога (сбора, страховых взносов) составили более 50 процентов от общей суммы основного долга перед зарегистрированными кредиторами третьей очереди удовлетворения.

При этом гражданско-правовая ответственность за доведение должника до банкротства не требует наличия у него намерения сделать именно это, достаточно доказать тот факт, что он действует в качестве доверителя должника, совершил деликтные действия от имени долж-

ника, которые привели к неплатежеспособности должника. Данная презумпция применяется, когда как основной должник (фактический и номинальный), так и другие лица, признаваемые контролирующими на момент совершения налогового правонарушения, несут субсидиарную ответственность.

— Документы бухгалтерского учета и (или) отчетности, обязанность по ведению (составлению) и хранению которых установлена законодательством Российской Федерации, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют или не содержат информацию об объектах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, формирование которой является обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации, либо указанная информация искажена, в результате чего существенно затруднено проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе формирование и реализация конкурсной массы.

— Документы, хранение которых являлось обязательным в соответствии с законодательством Российской Федерации об акционерных обществах, о рынке ценных бумаг, об инвестиционных фондах, об обществах с ограниченной ответственностью, о государственных и муниципальных унитарных предприятиях и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, к моменту вынесения определения о введении наблюдения (либо ко дню назначения временной администрации финансовой организации) или принятия решения о признании должника банкротом отсутствуют либо искажены.

При этом следует иметь в виду, что ответственность несет не только директор, как лицо, которое должно организовать учет и хранение документов, как это было ранее, но и лица, которые обязаны осуществлять такой учет и хранение непосредственно (это бухгалтеры и/или юристы-консультанты, и/или иные лица в пределах их компетенции). Следует иметь в виду, что истец должен предоставить суду разъяснения о том, каким образом отсутствие документации (отсутствие информации, наличие искаженной информации в документации) повлияло на производство по делу о банкротстве.

Под существенной сложностью проведения конкурсного производства можно понимать, в том числе, невозможность выявления всего круга контролирующих должника лиц, его основных контрагентов, а также:

- невозможность определения основных активов должника и их идентификации;
- невозможность выявления совершенных в период подозрительности сделок и их условий, не позволявшая проанализировать данные сделки и рассмотреть вопрос о необходимости их оспаривания в целях пополнения конкурсной массы;
- невозможность установления содержания принятых органами должника решений, исклю-

чившая проведение анализа этих решений на предмет причинения ими вреда должнику и кредиторам и потенциальную возможность взыскания убытков с лиц, являющихся членами данных органов.

Лицо, привлекаемое к ответственности, вправе опровергнуть указанные презумпции, доказав, что недостатки представленной управляющему документации не вызвали существенных затруднений при проведении конкурсного производства, либо доказав отсутствие вины в непереписании, хранить документацию, в том числе подтверждая, что были предприняты все необходимые шаги для выполнения своих обязанностей по ведению, хранению и передаче записей с требуемой степенью тщательности и осмотрительности.

В случае неправомерных действий нескольких сменяющих друг друга управляющих, связанных с ведением, хранением и восстановлением ими документации, предполагается, что действий каждого из них было достаточно для доведения должника до объективного банкротства.

По смыслу подпунктов 2 и 4 пункта 2, пунктов 4 и 6 статьи 61.11 Закона о банкротстве лица, не признанные контролирующими должника, на которых возложена обязанность по ведению и хранению соответствующей документации (например, главный бухгалтер), несут солидарно с бывшим руководителем субсидиарную ответственность за доведение до банкротства как соучастники, если будет доказано, что они по указанию бывшего руководителя или совместно с ним совершили действия, приведшие к уничтожению документации, ее сокрытию или к искажению содержащихся в ней сведений.

— На дату возбуждения дела о банкротстве не внесены подлежащие обязательному внесению в соответствии с федеральным законом сведения либо внесены недостоверные сведения о юридическом лице:

а) в единый государственный реестр юридических лиц на основании представленных таким юридическим лицом документов;

б) в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц в части сведений, обязанность по внесению которых возложена на юридическое лицо. Согласно взаимосвязанным положениям подпункта 5 пункта 2, пункта 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве в ходе рассмотрения вопроса о применении презумпции, касающейся невнесения информации в единый государственный реестр юридических лиц или единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц (либо внесения в эти реестры недостоверной информации), заявитель должен представить суду объяснения относительно того, как отсутствие соответствующей информации (либо наличие в реестре недостоверной информации) повлияло на проведение процедур банкротства. Привлекаемое к ответственности лицо вправе опровергнуть названную презумпцию, доказав, в частности, что выявленные недостатки не привели к существенному затруднению проведения процедур банкротства.

Следует учитывать, что данные презумпции не являются основанием для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, а призваны облегчить доказывание того, что действия (бездействие) КДЛ привели к невозможности полного погашения требований кредиторов. Таким образом, законодательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности основывается на принципах самостоятельной ответственности,

имущественного обособления и широкого усмотрения юридических лиц как особой конструкции гражданско-правового оборота.

Данный институт является важным механизмом защиты и восстановления нарушенных прав кредиторов и других самостоятельных участников оборота путем пресечения незаконных и недобросовестных действий лиц, оказывающих определенное влияние на должника.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный Закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»// СПС Консультант Плюс.
3. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами»// СПС Консультант Плюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»// Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2018 — № 3.
5. Рыков И. Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента//Статут. — 2019 — с. 54–91.
6. Сысоева Е. С. Проблемы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве//Молодой ученый. — 2021 — № 50
7. Теория и практика применения норм гражданского права: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности»// ЮНИТИ-ДАНА — 2021 — с. 374–380.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Наследование по завещанию: проблемы теории и практики

Гренкова Александра Михайловна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье раскрываются основные положения наследования по завещанию. Анализируется действующее законодательство по данному вопросу. Дана краткая характеристика его отличительных черт. Выявляются основные проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: наследование, завещание, наследники, завещатель, наследодатель.

Одно из основных прав человека, которое гарантируется статьей 35 Конституции РФ, является право на наследование. Институт наследования предоставляет гражданам право распорядиться своим имуществом на случай смерти. Под наследованием в ГК РФ понимается переход имущества умершего к другому лицу или другим лицам (наследникам) в порядке универсального правопреемства, т. е. как единое целое в неизменном виде и в один и тот же момент. Наследованию по завещанию отведена 62 глава ГК РФ. Под завещанием принято понимать одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после открытия наследства.

Действующее законодательство подробно регламентирует наследование по завещанию, но при этом не содержит определения самого понятия «завещание». В российской цивилистической литературе под завещанием понимается односторонняя сделка, направленная на распределение имущества между установленными завещателем наследниками. Завещание может быть составлено только лично, исключено его совершение через представителей.

Проблемы наследования остаются актуальными из года в год. При отсутствии завещания, споры между родственниками происходят довольно часто. При этом все граждане Российской Федерации имеют равные права в области наследственного права, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Общее правило наследования состоит в том, что к наследнику переходят все имущественные права и обязанности наследодателя за некоторыми исключениями. В состав наследственного имущества не могут входить права и обязанности личного характера, несмотря на то что они являются имущественными. В первую очередь, это алиментные права и обязанности, право пользования жилой

площадью, право на членство в кооперативной организации и др. [3, с. 21].

Как и любая сделка, завещание может быть признано недействительным, если на то имеются предусмотренные законом основания, и, к сожалению, на сегодняшний день данная категория дел достаточно часто встречается в судах. Суд может признать завещание недействительным по иску лица, права или законные интересы которого нарушены данным завещанием. Оспаривание завещания до открытия наследства не допускается. Наиболее часто оспаривание завещания в суде происходит в связи с невысоким уровнем правовой культуры населения, что ведет к ошибкам при составлении завещания, кроме того, в судах также встречаются ошибки при рассмотрении данной категории дел. Это говорит о том, что законодательство в области наследования по завещанию несовершенно и имеет пробелы, противоречия и недочеты [1, с. 278].

Однако, несмотря на давнее и детальное урегулирование наследования по завещанию, анализ правовых норм и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что законодательство не лишено недостатков и противоречий, а некоторые нормы части третьей ГК РФ нуждаются в дополнениях или изменениях. Выявление проблем правового регулирования наследования по завещанию представляется актуальным, главным образом, еще и потому, что наличие в законе «белых пятен» зачастую приводит к нарушению прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений. Надо сказать, что наследование по завещанию достаточно емко урегулировано законодателем, но в силу быстротекущей жизни, развития института собственности и т. д., право не успевает за жизненными реалиями, и возникают пробелы в нем.

На основании анализа судебной практики можно сделать вывод, что одним из оснований наследственных тяжб являются споры о признании завещания недействительным в связи с неспособностью наследодателя в мо-

мент совершения завещания понимать значение своих действий и руководить ими.

Обязанность проверки дееспособности гражданина возложена на нотариуса, который определяет дееспособность наследодателя только по возрасту, личной беседе и личным наблюдениям. Нотариус не имеет сведений об ограничении дееспособности и не имеет законных оснований требовать какие-либо данные из медицинских учреждений. В случае если у него возникли сомнения, он вправе отложить совершение сделки, сделать запрос в суд и медицинские учреждения, но это не является достаточно действенным способом, так как место жительства могло меняться, а из медицинских учреждений может последовать отказ со ссылкой на врачебную тайну. Из этого следует, что необходимо расширить круг возможностей нотариуса при проверке дееспособности наследодателя. Сведения, содержащие врачебную тайну, имеют право истребовать по запросам органы дознания, следствия, суда. Нотариуса также следует включить в этот перечень. Кроме того, до сих пор нет единого реестра, который содержал бы сведения о лицах, признанных судом недееспособными. Такие базы существуют во многих странах, в том числе в некоторых странах ближнего зарубежья. В российской юридической литературе не раз высказывали мнение о необходимости создания подобной базы и включение нотариуса в перечень лиц, имеющих доступ к ней. Также представляется целесообразным включить рукоприкладчика в перечень лиц, имеющих право составлять завещания, приравненные к нотариально удостоверенным. Известно, что на момент составления завещания гражданин должен обладать полной дееспособностью [5, с. 162].

По мнению С. А. Чиркаева, представляется вполне логичным допустить для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет совершать завещания в отношении денежных средств во вкладах, используя нотариальную форму testamentарного акта, так как ГК РФ разрешает несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет свободно распоряжаться заработком, стипендией и иными доходами, вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими (ст. 26 ГК РФ) [3, с. 22].

Нововведение российского законодательства о возможности составления совместного завещания супругов породило большое количество споров и разногласий относительно его целесообразности. Данная норма содержится в законодательстве многих зарубежных стран. Споры возникли и касательно того, можно ли считать совместное завещание односторонней сделкой, либо считать это договором, в силу того, что это не влечет за собой никаких правовых последствий для написавшего его лица. Так или иначе, появление данной нормы в российском законодательстве решило проблему возникшей коллизии на территории полуострова Крым, так как ранее там действовало законодательство Украины, которое предусматривало возможность заключения совместного завещания. Практическая реализация права завещателя/завещателей (супругов) распорядиться своим имуще-

ством на случай смерти была невозможна, потому что законодательство Российской Федерации в силу п. 4 ст. 1118 ГК РФ содержит прямой запрет на совершение завещания двумя и более гражданами [5, с. 161].

Помимо этого, с 1 июня 2019 г. в российское законодательство включено совершенно новое понятие — наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ), в соответствии с которым наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (ст. 1116 ГК РФ), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Данная норма, как и совместное завещание, заимствована из законодательства зарубежных стран (Украина, Германия, Испания и др.). Это нововведение также повлекло множество дискуссий в юридической литературе. Так, некоторые авторы считают, что это существенно развивает наследственное право, другие же являются сторонниками того, что наследственный договор противоречит принципам свободы завещания и не является самостоятельным институтом, наравне с наследованием по закону и по завещанию.

Пробелом является то, что до сих пор не регламентировано, отменяет ли наследственный договор составленное ранее завещание и имеет ли право наследодатель обратиться к нотариусу за составлением завещания, если у него уже заключен наследственный договор. Также возникает вопрос о том, можно ли в подобном договоре отстранить наследников. Наследование по завещанию, несомненно, имеет множество преимуществ перед наследованием по закону, поскольку благодаря завещанию наследодатель может по своему усмотрению определить дальнейшую юридическую судьбу своего имущества, а также разделить его между наследниками по своему усмотрению.

Однако, можно сказать, что если говорить о плюсах для завещателя, то для него данный способ оформления наследственных отношений удобен, поскольку процесс оформления передачи имущества по наследству путем составления завещания необременителен. Нужно всего лишь посетить нотариуса и составить завещание. Процесс недлительный, ни от кого не зависящий и не предполагает существенных денежных затрат. Следует также отметить, что наследодатель при этом остается собственником имущества (особенно это важно в отношении недвижимости) до конца своей жизни вне зависимости от того, когда он составил завещание. Это немаловажно, поскольку, владея, например, квартирой, наследодатель может продолжать жить в ней или пользоваться недвижимостью (например, сдавать ее в аренду) до конца своих дней, и только после этого квартира перейдет наследникам по завещанию [1, с. 278].

Подводя итоги, следует отметить, что действующее на сегодняшний день законодательство по вопросу наследования по завещанию является несовершеннополным и требует определенных доработок, особенно в связи с внесенными изменениями в ГК РФ.

Литература:

1. Багаева, К. А. Наследование по завещанию: правовые проблемы теории и практики / К. А. Багаева // В сборнике: Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы XIV международной научно-практической конференции. 2020. С. 277–279.
2. Гаврилов, В. Н. Отдельные аспекты наследования по завещанию по российскому законодательству / В. Н. Гаврилов, В. С. Симонихин // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 114–117.
3. Кочубаева, Н. С. Наследование по завещанию: правовые проблемы теории и практики / Н. С. Кочубаева // В сборнике: Свобода и право. Сборник докладов XLIII Международной научной конференции. 2019. С. 21–26.
4. Меньшикова, Н. Н. Наследование по закону и по завещанию / Н. Н. Меньшикова // Синергия Наук. 2022. № 77. С. 410–420.
5. Фомина, И. С. Актуальные проблемы наследования по завещанию. соотношение теории и практики / И. С. Фомина, О. А. Ларькова // В сборнике: Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса. Сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 160–164.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Проблема отсутствия индексации пенсий работающим пенсионерам

Байрамкулова Халимат Османовна, студент;

Буртаева Екатерина Сергеевна, студент

Научный руководитель: Изварина Юлия Юрьевна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье объясняются недостатки, которые появились в ходе проведенной пенсионной реформы в 2016 году, и также выявляются возможные пути преодоления этих недостатков.

Ключевые слова: пенсионная реформа, пенсия, работающий пенсионер, индексация, заработок.

Пенсионная система Российской Федерации на данном этапе своего развития имеет несколько основных проблем, и одной из них является разделение пенсионеров на категорию работающих и неработающих. С 2016 года пенсии работающим пенсионерам перестали индексироваться, вследствие принятия ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан» [4].

Индексация — это процесс пересмотра размера пенсии в соответствии с изменением уровня цен на товары и услуги, уровнем доходов в обществе и другими факторами, влияющими на изменение стоимости жизни. Индексация пенсий проводится с целью сохранения уровня жизни пенсионеров и в целом «достойная пенсия помогает справиться со многими негативными моментами жизни» [1, с. 144]. Отсутствие индексации означает, что пенсия не увеличивается в соответствии с инфляцией и это приводит к тому, что пенсионеры могут столкнуться с ухудшением своего материального положения и неспособностью покрыть свои основные потребности «большая часть пенсионеров в России проживает за чертой бедности» [3, с. 32], и поэтому им приходится работать дальше, чтобы получать дополнительный доход. И это порождает некий замкнутый круг: пенсионеру не хватает его пенсии, и он вынужден работать, в этом случае его пенсия перестает индексироваться, и он вынужден дальше работать из-за нехватки денежных средств.

Пенсионеры в нынешних реалиях вынуждены работать, потому что пенсионные выплаты не всегда достаточны для обеспечения их жизненных нужд. Помимо этого, многие пенсионеры не имеют никаких сбережений или других источников дохода, которые могли бы помочь им прожить на пенсию. Работа может быть единственным способом для пенсионеров заработать дополнительные

деньги, чтобы оплатить свои счета и обеспечить себя необходимыми жизненными потребностями. Кроме того, работа может быть для пенсионеров способом оставаться социально активными и иметь связь с миром, что может помочь сохранить их физическое и психическое здоровье.

Отсутствие индексации объясняется тем, что «пенсия по старости для работающих пенсионеров не является единственным источником дохода» [2, с. 81], поэтому индексация пенсии для них не является необходимой. К тому же индексация пенсий может быть ограничена бюджетными ограничениями и нехваткой средств для финансирования всех социальных программ. И для решения данной проблемы есть несколько путей.

Один из способов проиндексировать пенсию работающим пенсионерам — это установить порог дохода, при котором пенсия не будет индексироваться. К примеру, если доход работающего пенсионера превышает определенную сумму, например, двойной размер пенсии, то его пенсия не будет индексироваться. В то же время, для тех, кто зарабатывает меньше этой суммы, пенсия будет индексироваться в соответствии с инфляцией. Другим способом может выступить установление различных ставок индексации для работающих пенсионеров в зависимости от их дохода. Например, для тех, кто зарабатывает меньше двойного размера пенсии, индексация может быть более высокой, чем для тех, кто зарабатывает больше. Вдобавок можно рассмотреть возможность предоставления дополнительных льгот и компенсаций для работающих пенсионеров, которые не получают индексацию своей пенсии. Так, например, можно предоставлять им субсидии на оплату жилья или медицинские услуги. Наконец, важно улучшить условия труда и возможности для работающих пенсионеров, чтобы они могли зарабатывать больше и не зависеть от индексации пенсии. Это может включать в себя обучение новым навыкам, со-

здание возможностей для работы на дому или гибких графиков работы.

В целом, проблему индексации пенсии можно решить путем комбинации различных подходов, включающих установление порогов дохода, различных ставок индексации, предоставление дополнительных льгот и компенсаций, а также улучшение условий труда для работающих пенсионеров. Важно также учитывать изменения экономической ситуации и инфляции при установлении ставок индексации и порогов дохода. Кроме того, необходимо проводить мониторинг и оценку эффективности

принятых мер для дальнейшей корректировки их в соответствии с потребностями работающих пенсионеров.

Индексация пенсии пенсионерам необходима, потому что она позволяет сохранять её покупательную способность на протяжении времени. Индексация помогает компенсировать ценовые изменения и обеспечивает достойный уровень жизни для пожилых людей. Кроме того, индексация пенсий может стимулировать экономику, поскольку пенсионеры могут продолжать тратить свои деньги на товары и услуги, что способствует росту производства и занятости.

Литература:

1. Козырев А. А. Социальное самочувствие пенсионеров. Вестник экономики, права и социологии. — 2017. — № 1. — С. 142–145.
2. Мамышева А. И. Категория «работающий пенсионер» как проблема пенсионной системы Российской Федерации. Вестник науки. — 2018. — № 9. — С. 80–81.
3. Пашков Г. Г. О выплате пенсии работающим пенсионерам. Вестник ТГПУ. — 2000. — № 1. — С. 32–33.
4. Федеральный закон от 23.05.2016 N 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан» // КонсультантПлюс (дата обращения: 25.05.2023).

Деятельность Федеральной инспекции труда по защите прав работника и работодателя

Иванов Никита Валентинович, студент;

Мамонов Михаил Алексеевич, студент

Научный руководитель: Черепанцева Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

В статье анализируется эффективность каждой из форм защиты трудовых прав. Авторами отмечается, что российским законодательством работникам предоставлены существенные гарантии защиты трудовых прав. Также приводится актуальная статистика по решению трудовых споров федеральной инспекцией труда. В заключении авторы приходят к выводу о том, что федеральная инспекция труда, как единая централизованная система надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, эффективно защищает трудовые права граждан.

Ключевые слова: трудовые споры, работник, федеральная инспекция труда, трудовое законодательство.

Согласно статье 45 Конституции Российской Федерации в стране гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, которые не запрещены законом. Это касается и трудовых прав и свобод, в частности предусмотренных статьёй № 37 Конституции РФ [1].

Работник является наиболее уязвимой стороной трудовых отношений. Зачастую поводом к отказу от защиты своих трудовых прав выступает боязнь работника, детерминированная опасением возможного дальнейшего ухудшения отношений с работодателем. Этот фактор, наряду с прочими, детерминирует наибольшую незащищенность защиты работником своих трудовых прав.

Законодательство предоставляет широкий выбор средств для защиты трудовых прав. В соответствии со статьёй 352 трудового кодекса Российской Федерации каждый имеет право защищать свои трудовые права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [2, ст. 352]. ТК РФ устанавливает способы защиты трудовых прав и свобод, которыми признаются: самозащита работниками трудовых прав; защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; судебная защита.

Одним из востребованных способом защиты трудовых прав работника является деятельность федеральной ин-

спекции труда. Федеральная инспекция труда — единая централизованная система, состоящая из федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, и его территориальных органов. Данный орган осуществляет следующие полномочия в сфере выявления нарушения норм трудового права и восстановление прав: а) прием и рассмотрение обращений граждан (в виде заявлений, писем, жалоб) о нарушении трудовых прав; б) осуществление проверок, обследований организаций всех форм собственности, а также работодателей — физических лиц; в) предъявление работодателям обязательных для исполнения предписаний об устранении нарушений трудовых норм, о восстановлении нарушенных прав работника;

Важно подчеркнуть, что деятельность органа гарантируется законом: определяются структура органа и его полномочия. Также ст. 363 ТК РФ гласит о юридической ответственности за воспрепятствование деятельности государственных инспекторов труда (в т. ч. невыполнение предъявленных предписаний; применение насильственных действий к государственным инспекторам труда (членам их семей), либо угроза их применения).

Стоит отметить, что в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 N 324, Федеральная служба по труду и занятости осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями [3].

В статистике обращений в Государственную инспекцию труда по Российской Федерации за 2023 год на первом месте увольнения — 5182 (30%), немного отстает заработная плата 4877 (28%), и это две преобладающие причины обращений. А вот, например, обращения по поводу ответственности работодателя занимают всего 6% — 954 обращений [4, с. 3].

Неудивительно, что увольнения и заработная плата, в частности ее невыплата, задержка по выплате, — самые частые причины обращений, потому что в настоящее время много недобросовестных работодателей и размер невыплат достигает серьезных масштабов. Например, в Государственную инспекцию труда в городе Москве поступили обращения работников компании ООО

«СИАРСИСИ РУС», содержащие сведения о нарушении работодателем их трудовых прав в части невыплаты заработной платы. В ходе профилактических мероприятий инспекцией труда в адрес компании объявлено и направлено предостережение о недопустимости нарушения требований трудового законодательства. В результате принятых мер задолженность в размере свыше 77 млн рублей выплачена в полном объеме, с учетом денежной компенсации за нарушение сроков выплаты заработной платы [5].

Эффективность деятельность федеральной инспекции труда можно проследить на основании актуальной статистики по Оренбургской Области. По состоянию на 1 октября 2022 г., в соответствии со ст. 360.1 ТК РФ, инспекцией труда по Оренбургской области выдано 22 предписания об устранении выявленных нарушений работодателям допустившим нарушения в части своевременности выплаты начисленной заработной платы с разъяснением порядка принудительного исполнения. По вышеуказанным предписаниям работодателями произведены выплаты на общую сумму 27,982 млн рублей. По результатам проверок исполнения предписаний оформлено и направлено работодателям 294 решения о принудительном исполнении, по которым работодателями добровольно произведены выплаты на общую сумму 26,462 млн рублей. 54 решения о принудительном исполнении, вступивших в законную силу и не исполненные работодателями добровольно, направлены в территориальный орган Федеральной службы судебных приставов, федеральное казначейство по Оренбургской области, которыми произведены взыскания на общую сумму 2, 074 млн рублей [6, с. 4].

Однако важно подчеркнуть, что для эффективного решения поставленных задач, сотрудники инспекции должны осуществлять свои полномочия строго в рамках дозволенного. Например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2014 г. по делу № 2–1572/13 указано, что главный государственный инспектор труда превысил свои полномочия, поскольку вопрос о начислении и выплате заработной платы относится к категории индивидуальных трудовых споров, подлежащих рассмотрению судом [7].

На основе вышесказанного, можно сделать вывод о том, что созданная в Российской Федерации с 2004 г. федеральная инспекция труда, как единая централизованная система надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, эффективно защищает трудовые права граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 37.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022), ст. 352.

3. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 N 324 (ред. от 10.01.2023) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости»
4. Количество вопросов и обращений по разделам трудового законодательства по состоянию на 17 мая 2023 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайнинспекция.рф/statistics> (дата обращения 17.05.2023)
5. Выплачена задолженность по заработной плате работникам компании ООО «СИАРСИСИ РУС» [Электронный ресурс]. URL: <https://git77.rostrud.gov.ru/news/1204411.html> (дата обращения 17.05.2023)
6. Итоги деятельности инспекции труда. [Электронный ресурс]. URL: <https://git56.rostrud.gov.ru/news/1157591.html> (дата обращения 17.05.2023)
7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 21 марта 2014 г. по делу № 2–1572/13

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Влияние алкогольной зависимости на формирование противоправного поведения

Андреев Константин Константинович, студент

Научный руководитель: Козырева Ирина Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий

В статье рассмотрено влияние алкогольной зависимости на формирование противоправного поведения у личности. Актуальность темы исследования обоснована статистическими данными МВД России за январь — март 2023 года, согласно которым каждое четвертое расследованное преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения [20].

Ключевые слова: *алкогольное опьянение, алкоголизм, преступность, противоправное поведение человека, влияние алкоголя, причины появления алкоголизма.*

Согласно главе 2 Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года от 30 декабря 2009 года алкоголизм представляет собой общенациональную угрозу на уровне личности, семьи, общества, государства [4]. В Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года от 6 июня 2019 года одной из угроз и вызовов национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан указан высокий уровень алкоголизма среди населения [3]. Из этой тенденции можно сделать вывод, что проблема алкоголизма в России не решена до сих пор и ни раз признавалась национальной угрозой на государственном уровне. Однако стоит отметить, что согласно данным Росстата численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях за 2003–2021 гг. постепенно снижается [21].

Согласно МКБ-10 (F10-F19) алкоголизм является одним из психических и поведенческих расстройств, обозначен как синдром зависимости, который оказывает пагубное воздействие на организм человека и поражает центральную нервную систему вследствие неоднократного употребления алкогольной продукции [6].

Прежде чем рассмотреть алкоголизм и вообще употребление алкоголя как причину противоправного поведения человека, предварительно рассмотрим причины появления алкоголизма в обществе.

Бехтерев В. М., выдающийся русский психиатр и человек, роль которого сложно переоценить в развитии антиалкогольного движения в России, в своей работе «Алкоголизм и борьба с ним», описывая алкоголизм в царской России, указывал следующие причины: «Физическое переутомление в труде, плохое питание, плохие жилищные условия, неуверенность в завтрашнем дне, тя-

желые моральные условия вследствие правительственной репрессии и всего, вообще, капиталистического строя заставляли искать возбуждения и обманчивого успокоения в алкогольных напитках, которые, действительно, временно устраняют гнетущее настроение» [8, с. 10]. И действительно, первоочередной причиной появления алкоголизма среди граждан являются плохие социально-экономические условия в государстве. В качестве примера можно привести статистические данные употребления спиртных напитков в России за 1990–2000-е годы, в период экономического кризиса. Так, согласно графику потребления на душу населения алкогольной продукции в 1980–2000-х годах в литрах чистого алкоголя, показатели употребления легального алкоголя в этот период варьировались от 8 до 11 литров на душу населения по данным ВОЗ. Показатели же употребления нелегального алкоголя, процветавшего в то время вследствие неудачного «сухого» закона 1985 года М. С. Горбачева, варьировались от 5 до 6 литров на душу населения [16, с. 335]. В качестве сравнения можно привести показатель потребления на душу населения всех видов алкогольных напитков за 2019 год по данным Росстата — 7,3 литра на душу населения [22]. В качестве следующей причины появления алкоголизма Бехтерев В. М. указывал на плотное укоренение алкоголизма в быту из-за распространенности питейных обычаев в обществе. Бехтерев пишет: «...Эти обычаи требуют питья и угощения при всяком случае — по праздникам, на крестинах, на свадьбах, на похоронах и т. д. Пьют потому, что «так принято», «таков обычай». И этот так называемый «бытовой» алкоголизм, распространяясь как зараза, передается от одних к другим, из поколения в поколение. Произведенные подсчеты о причинах пьянства показали, что в 75 случаях из 100 пьянство порождается питейными обычаями, влиянием товарищей и т. п.» [8, с. 13]. Действительно, в России до сих пор распростра-

нены многие питейные обычаи, сохранившиеся спустя столетия, например, «выпить на посошок», «штрафная рюмка», «не пьет один — не пьет никто» и т. п. Также в качестве одной из причин появления алкоголизма Бехтерев считал массовую невежественность в вопросах влияния алкоголя на организм. Он указывал на то, что многие люди ошибочно считают, что алкоголь согревает и придает бодрости, однако наука доказала совсем обратное [8, с. 13]. Например, доказано, что вследствие употребления алкоголя ослабевает работа мускулатуры и снижается физическая выносливость.

Интересны также причины, рассмотренные Макушиной О. П. и Беловой О. Н. в научной статье «Причины алкоголизма в России» [14]. Так, по их мнению, одной из причин появления алкоголизма в обществе является проалкогольная пропаганда в средствах массовой информации, художественных фильмах, мультфильмах. Авторы пишут по этому поводу: «Секрет манипуляции в том, что человек не замечает, как ему навязывают чуждую информацию» [14, с. 2]. То есть человек, повседневно наблюдающий за употреблением алкоголя с телеэкранов, может со временем сам стать потребителем спиртных напитков. Также по мнению Макушиной и Беловой причиной начального употребления алкоголя, вследствие которой появляется привычка к употреблению, является алкогольная программа праздника. Они пишут следующее: «Нами было исследовано три старшие группы в трех детских садах, с общей численностью исследуемых детей 63 человека. Детям в возрасте 5–6 лет предлагали нарисовать праздник. У 92% (58 детей) был нарисован стол, еда и бутылки со спиртным. 3% (2 детей) нарисовали стол с тортом и чаем, 5% (3 ребенка) нарисовали ёлочку и хоровод» [14, с. 3]. Таким образом, данное исследование показывает, что дети, наблюдая за тем, как во время праздничных застолий их родители пьют спиртные напитки и веселятся, могут воспринять употребление алкоголя как обыденную норму в будущем.

Теперь, рассмотрев причины появления алкоголизма в обществе, рассмотрим алкоголизм как фактор, влияющий на совершение человеком противоправных действий. При изучении биологических факторов, влияющих на формирование противоправного поведения, ученые уделяют внимание такой особенности как уровень возбуждения нервной системы [9, с. 259]. Так, Игнатов А. Н. в своей научной статье «Биологические факторы детерминации насильственной преступности» указывает алкоголизм, как один из приобретенных (экзогенных) биологических факторов, влекущих за собой нарушение регуляции поведения индивида и способствующих его девиантным проявлениям [12, с. 230]. Также он пишет: «... Часть исследователей связывают агрессию с особенностями центральной нервной системы человека, и в частности с определенными отделами головного мозга. Нейропсихологические исследования свидетельствуют, что при поражении лобных отделов головного мозга (на базальном уровне) у человека наблюдаются повышенная возбудимость, зажигательность, невыдержан-

ность, расторможенность, т. е. те симптомы, которые способствуют агрессивному поведению» [12, с. 228]. Говоря об уровне возбуждения нервной системы и алкоголизме, нельзя не упомянуть алкогольные психозы. Алкогольные психозы — это группа заболеваний, сопровождающихся расстройствами психики, такими как помутнение рассудка, появление галлюцинаций и т. д. Они проявляются у больных алкоголизмом во 2 и 3 стадии. Как пишут авторы научной статьи «Особенности алкогольных психозов в психиатрической клинике» больными в состоянии алкогольного психоза нередко совершаются общественно опасные действия, суицидные попытки [11, с. 29]. Человек в состоянии алкогольного психоза не способен контролировать свои действия, находится в бредовом состоянии, перевозбужден и потому, может навредить окружающим его людям. Люди, страдающие алкоголизмом или же в целом находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, могут быть крайне агрессивны и потому опасны для общества. Так, Акимов И. Б. в своей научной статье «Психологические особенности агрессивности лиц с алкогольной зависимостью» указывает: «... В работе с лицами, зависимыми от алкоголя, часто наблюдаются аутоагрессивные реакции, которые проявляются в виде чувства вины, стыда, самоуничижения, отрицания и обесценивания. Также депрессивные и тревожные аспекты личности могут влиять на агрессивность алкоголиков» [7, с. 100]. Также автор, говоря не только о лицах, страдающих алкоголизмом, а в целом о находящихся в состоянии опьянения, пишет: «Агрессия в состоянии опьянения чрезвычайно опасна для окружающих. Любой человек, находящийся поблизости с выпившим, может стать объектом вымещения злобы и раздражения» [7, с. 103]. В рамках научной статьи Акимовым был описан эксперимент, проведенный им с контрольной группой испытуемых (20 человек, не страдающих алкоголизмом) и экспериментальной группой (20 человек, страдающих алкоголизмом). Эксперимент проводился с использованием такого диагностического инструмента как опросник агрессивности Басса-Дарки. В результате эксперимента с помощью данного опросника было выявлено, что физическая агрессивность, раздражительность, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессивность и чувство вины проявились в большей степени в экспериментальной группе ежели чем в контрольной. Косвенная агрессивность наблюдалась у пятерых испытуемых в контрольной против четырех в экспериментальной. Акимов объясняет это тем, что лица, зависимые от алкоголя, более прямолинейны и открыты, сарказм для них не характерен. Таким образом, можно сделать вывод, что алкоголь непосредственно влияет на проявление негативных черт личности человека, формирующих противоправное поведение. Так, Бехтерев В. М. в своей работе, относил алкоголь к одному из важнейших факторов роста преступности. Он пишет: «... Наблюдениями установлено, что на 100 убийц приходится 55 алкоголиков, на 100 воров — 70, на 100 нищих — 79 и на 100 самоубийц — 50» [8, с. 30]. В настоящее время, согласно статистике МВД

России за январь — март 2023 года, почти каждое четвертое из расследованных преступлений (22,9%) совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения [20, с. 5]. Безусловно, наблюдаются положительные тенденции в сокращении количества преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (по статистике МВД России за январь — март 2022 года доля составляла 25,2%) [18, с. 5]. Однако, стоит сказать, этот показатель пока что, очевидно, еще мал. О значимости проблемы влияния алкоголя на противоправное поведение человека свидетельствует признание на государственном уровне. Так, в пункте 13 главы 2 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации от 14 ноября 2013 года сказано: «Значительное количество преступлений совершается в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что свидетельствует об осложнении криминальной обстановки в стране вследствие массового злоупотребления алкогольной продукцией, а также немедицинского потребления наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Растет число административных правонарушений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения на транспорте и в области дорожного движения» [5].

Говоря об общественно опасных действиях, которые могут совершить люди в состоянии алкогольного опьянения, нельзя не затронуть тему вождения транспортных средств в нетрезвом виде. Данное деяние уголовно наказуемо в Российской Федерации по статьям 264 (часть 2), 264.1 УК РФ [1]. Административная ответственность предусмотрена статьей 12.8 КоАП РФ (если деяние не содержит уголовно — правовых признаков) [2]. Несмотря на ответственность, предусмотренную законодательством, многие люди считают, что «авось прокатит» и садятся за руль в нетрезвом виде. Так, согласно статистике МВД России за январь — март 2023 года, процент преступлений, совершенных при управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, от общего количества совершенных преступлений составил 2,8% [20, с. 14]. Всего же в отчетном периоде было зарегистрировано 13 678 преступлений по стране и это только за январь — март этого года [20, с. 8]! Неизвестно какова будет ситуация к концу этого года, но, к примеру, по статистике МВД России за весь 2022 год в стране было зарегистрировано 61 208 преступлений, совершенных при управлении транспортным средством в нетрезвом виде [19, с. 8]. Так какова же роль алкоголя в совершении данных противоправных действий? Влияние алкоголя на состояние водителя является постепенным процессом, условно его можно разделить на два этапа. На первом этапе у водителя внезапно появляется прилив сил, он находится в приподнятом настроении. На этом этапе водитель крайне возбужден и потому может переоценить свои возможности из-за чего возможность ошибки во время передвижения на транспортном средстве возрастает. На втором этапе бодрость сменяется вялостью, нерасторопностью, ухудшается работа органов чувств, в том числе зрения. На этом этапе водитель особенно опасен

для окружающих, так как не способен правильно и своевременно оценивать ситуацию на дороге. В 2016 году Дунаева О. Н., Полякова С. В. и Спиридонова И. А. провели опрос среди студентов ЮУрГУ на тему безопасности дорожного движения в России в рамках научной статьи «Общественная опасность управления транспортными средствами в состоянии опьянения» [10]. Комментируя результаты опроса, авторы пишут: «Степень безопасности дорожного движения в нашей стране респонденты оценивают на 40%. Считают, что алкогольное опьянение водителей является причиной 60–65% ДТП. Возможность стать «жертвой» в дорожной ситуации из-за пьяного водителя, предполагают 40% опрошенных. 35% респондентов признались в том, что «садились за руль» в нетрезвом состоянии» [10, с. 23]. Авторы научной статьи «Профилактика управления транспортными средствами в состоянии опьянения: обзор мирового опыта» в качестве решения данной проблемы выделяют проведение профилактических мероприятий с населением, проведение бесед по поводу воздействия алкоголя на организм [13]. Однако нельзя сказать, что данный способ возмещает должный эффект. Как мы отмечали ранее, многие водители надеются, что все обойдется и ничего не случится, и потому садятся за руль транспортного средства. Любопытен опыт Китая, где по статистике в 2008 году было выявлено 575 тыс. случаев управления автомобилем в состоянии алкогольного опьянения [17, с. 1065]. Однако в 2011 году китайским законодателем была ужесточена мера ответственности за управление транспортным средством в нетрезвом виде, после чего в КНР наблюдалось резкое снижение числа данных преступлений. Так, в период с 1 по 15 мая 2011 года количество дел, связанных с вождением в состоянии алкогольного опьянения, в сравнении с аналогичным периодом 2010 г. снизилось на 35%. Таким образом, по нашему мнению, усиление превентивных и проведение профилактических мер могут способствовать формированию правосознания среди граждан и предостеречь их от вождения транспортного средства в нетрезвом виде, люди будут чаще задумываться о возможном исходе своих действий, а также о возможности применения к ним мер наказания со стороны государства.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно определить возможные пути решения проблемы влияния алкоголя на формирование противоправного поведения личности. Для решения этой проблемы нам кажется очевидным устранить непосредственно причины чрезмерного употребления алкоголя в обществе. Попытки снижения употребления алкоголя в России уже предпринимались. Ранее нами указывалась Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, принятая 30 декабря 2009 года [4]. Концепция включала в себя проведение следующих мероприятий: ограничение временной и территориальной доступности алкогольной продукции, повышение ак-

цизов и цен на алкогольную продукцию; разработка различных программ в целях пропаганды здорового образа жизни, в том числе на местном уровне; ограничение рекламы алкогольной продукции в целях снижения потребления алкоголя молодежью; разработка и принятие мер по противодействию реализации нелегально произведенной алкогольной продукции; совершенствование профилактики и лечения алкогольной зависимости. В целом реализация концепции прошла успешно так, например, на 40% снизилось зарегистрированное употребление алкоголя. Однако, стоит отметить, что не все мероприятия Концепции были успешно реализованы. Так, авторы научной статьи «Научная оценка степени реализации госполитики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года» пишут: «...с 2014 г. по 2018 гг. была разрешена реклама пива в спортивных телепередачах. После этого широкое распространение получила реклама безалкогольного пива под теми же брендами и торговыми марками, что используются при производстве и рекламе алкогольного пива. Это говорит о том, что задача Концепции «ограничение (вплоть до полного запрета) скрытой рекламы алкогольной продукции, привлекающей общественное внимание, особенно детей и молодежи» не может считаться в полной мере решенной» [15, с. 11]. Также они отмечают, что запрет рекламы алкогольной продукции в сети Интернет, введенный в 2012 году, ни раз нарушался, что свидетельствует об отсутствии должного контроля.

В связи с этим можно предложить следующие способы решения данной проблемы:

1. Ограничить показ в фильмах и мультфильмах с возрастным цензом до 16 лет употребление не только алкогольной продукции, а в целом употребление алкоголя. В связи с тем, что дети в возрасте до 16 лет только формируются как личность, и потому могут неправильно

воспринять показанное в картинах употребление персонажами алкоголя и считать его нормой. Также стоит увеличить производство фильмов и мультфильмов, пропагандирующих здоровый образ жизни.

2. Увеличить информированность населения страны о незаконности противоправных действий, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, в телеэфирах, на рекламных баннерах, в сети Интернет и т. п. Все граждане должны знать о последствиях данных действий и знать меру наказания, которая им грозит за их совершение. Так, например, в получившем широкий общественный резонанс деле известный актер театра и кино Ефремов М. О., управляя автомобилем в состоянии сильного алкогольного опьянения, выехал на встречную полосу и совершил столкновение со встречным автомобилем, водитель которого вследствие ДТП погиб. Суд приговорил Ефремова к 8 годам колонии общего режима по пункту «а» части 4 статьи 264 УК РФ [1]. Данный пример наглядно демонстрирует легкомысленность некоторых граждан о последствиях совершения тех или иных действий в состоянии алкогольного опьянения. По нашему мнению, именно увеличение информированности населения является одним из эффективных методов борьбы с подобной беспечностью.

3. Поощрять общественно-полезную деятельность граждан и активно создавать новые пути для ее развития. Таким образом, граждане будут получать удовольствие от проведенной ими работы и от осознания пользы, которую они принесли обществу.

Данные меры, по нашему мнению, будут повышать эффективность антиалкогольной пропаганды, позволят уменьшить количество граждан, чрезмерно употребляющих алкоголь, а также бороться с алкоголизмом в стране, благодаря чему, в свою очередь, снизиться уровень правонарушений и преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 09.05.2023).
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 09.05.2023).
3. Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 09.05.2023).
4. Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р «О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 г». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 09.05.2023).
5. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 09.05.2023).
6. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) [Электронный ресурс]. URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 09.05.2023).
7. Акимов, И. Б. Психологические особенности агрессивности лиц с алкогольной зависимостью / И. Б. Акимов. — Текст: непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. — 2018. — № 1 (23). — С. 100–114.

8. Бехтерев, В. М. Алкоголизм и борьба с ним / В. М. Бехтерев. — Ленинград: Издательство Ленинградского губ-профсовета, 1927. — 58 с.
9. Донгак, Д. Р. Взаимосвязь социального и биологического факторов как причина преступного поведения личности / Д. Р. Донгак. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 19 (414). — С. 259–260.
10. Дунаева, О. Н. Общественная опасность управления транспортными средствами в состоянии опьянения / О. Н. Дунаева, С. В. Полякова, И. А. Спиридонова. — Текст: непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 4 (11). — С. 21–26.
11. Егоров, А. Ю. Особенности алкогольных психозов в психиатрической клинике / А. Ю. Егоров, Д. С. Алексин, Н. Н. Петрова. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. — 2012. — № 1. — С. 29–40.
12. Игнатов, А. Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности / А. Н. Игнатов. — Текст: непосредственный // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2022. — № 2. — С. 223–233.
13. Майоров, В. И. Профилактика управления транспортными средствами в состоянии опьянения: обзор мирового опыта / В. И. Майоров, Е. Ю. Липатов, С. В. Ганзин. — Текст: непосредственный // Проблемы права. — 2016. — № 1 (55). — С. 86–97.
14. Макушина, О. П. Причины алкоголизма в России / О. П. Макушина, О. Н. Белова. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы современной психологии: материалы V Международной научной конференции. — 2018. — С. 1–5.
15. Научная оценка степени реализации госполитики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года / О. О. Салагай, К. В. Сошкина, Е. А. Брюн [и др.]. — Текст: непосредственный // Общественное здоровье. — 2021. — № 2 (1). — С. 5–19.
16. Радаев, В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980–2010-е годы / В. В. Радаев. — Текст: непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 3. — С. 327–351.
17. Трощинский, П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы с «пьяным вождением»: опыт Китая / П. В. Трощинский. — Текст: непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 6 (55). — С. 1062–1070.
18. Сборник МВД России «Состояние преступности в России за январь — март 2022 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn — b1aew. xn — p1ai/reports/item/29705686/> (дата обращения: 09.05.2023).
19. Сборник МВД России «Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn — b1aew. xn — p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения: 09.05.2023).
20. Сборник МВД России «Состояние преступности в России за январь — март 2023 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://xn — b1aew. xn — p1ai/reports/item/37377025/> (дата обращения: 09.05.2023).
21. Статистика Федеральной службы государственной статистики заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами за 2003–2021 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 09.05.2023).
22. Статистика Федеральной службы государственной статистики потребления алкогольных напитков всех видов на душу населения в возрасте 15 лет и старше в мире за 2010–2019 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 09.05.2023).

Уголовная ответственность за преступления, совершаемые при несостоятельности (банкротстве)

Березов Кирилл Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье рассмотрены данные судебной статистики и отдельные показатели единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных хозяйствующих субъектов, характеризующие динамику банкротств и долю денежных средств, возвращенных кредиторам в результате процедур банкротства компаний.

По результатам выявлено минимальное применение уголовного законодательства в сфере банкротства юридических лиц с возможным наличием недобросовестных действий должников и лиц, контролирующих должников.

Повышение эффективности применения уголовной ответственности требует принятия поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несостоятельность, преступление, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, экономическая активность, экономическая безопасность.

Актуальность проблемы исследования определяется необходимостью противодействия противоправным деяниям в сфере банкротства в сложных экономических условиях. Снижение экономической активности, снижение реальных доходов населения в течение ряда лет и рост за кредитованности привели к росту банкротств физических и юридических лиц [2].

Так, в 2022 г. на 56,8% увеличилось количество банкротств физических лиц (включая индивидуальных предпринимателей), что составило около 69 тысяч банкротств. Требования кредиторов были удовлетворены всего на 3,5%, в 71% дел кредиторы не получили ничего при банкротстве физического лица. Несмотря на снижение количества банкротств юридических лиц на 5,5%, наблюдается снижение доли возвращенным кредиторам средств. Так, в 68% дел кредиторы не получили ничего.

По результатам конкурсных производств в 2022 году кредиторам смогли вернуть всего 4,7% требований (5,2% в 2021 году) [4]. Представленные данные наглядно показывают возможность «легально» избавиться от долгов, предоставленную гражданским законодательством (п. 6 ст. 64 ГК РФ), что стимулирует развитие неправомерных банкротств. Требования, не признанные ликвидационной комиссией, а также не удовлетворенные из-за недостаточности имущества должника, считаются погашенными.

С учетом распространенности использования процедуры банкротства на практике масштабы применения санкций по статьям 195 УК РФ, 196 УК РФ [1] и 197 УК РФ в масштабах государства остаются минимальными при наличии явной тенденции снижения количества осужденных. Так, количество осужденных за неправомерные действия при банкротстве составляет от 1 до 6 чел. в год, неправомерное удовлетворение имущественных требований кредиторов при банкротстве — 0–2 чел. Количество осужденных за преднамеренное банкротство сократилось с 34 человек в 2020 году до 22 человек в 2022 году.

За 6 месяцев 2022 года по статье 196 УК РФ осуждено всего 6 человек. Количество осужденных по статье 197 УК РФ за 4,5 года составило всего 3 человека, из них 2 в 2020 году и 1 в 2021 году. При этом по данным Фед. ресурса кредиторы в 2021 году остались в 68% дел совсем без выплат (65% в 2020 году). Имущество отсутствовало, по данным об инвентаризации, у 37% должников, как в 2020, так и в 2021 году [5].

Практика применения уголовного законодательства может свидетельствовать о низкой эффективности мер и о том, что не недобросовестные действия должников получили соответствующие последствия в виде применения УК РФ.

В результате в этой сфере накопилось множество проблем, которые годами остаются нерешенными. Пассивность в решении этих проблем явно не соответствует масштабам теневой экономики, которая уже угрожает народному хозяйству. Связь между теневой

экономикой и преступлениями по банкротству вполне очевидна: фиктивные договоры, совершение заведомо невыгодных сделок, занижение балансовой стоимости активов, сокрытие активов, сокрытие и фальсификация бухгалтерских документов и т. д.

Высокий уровень криминализации указан в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [3], как одна из основных угроз экономической безопасности. В то же время, с учетом представленных данных, реального противодействия уголовному банкротству с применением уголовного права практически не существует. Институт банкротства в его нынешнем виде является инструментом теневой экономики.

В декабре 2019 года президентом РФ в перечне поручений президента по вопросу совершенствования института банкротства предложено добавить квалифицированные составы в ст. 195 УК («Неправомерные действия при банкротстве») и ст. 196 УК («Преднамеренное банкротство»). Поправки должны предусмотреть повышенную ответственность за указанные преступления, если они совершены: группой лиц по предварительному сговору; организованной группой; с использованием служебного положения; арбитражным управляющим или ликвидатором.

Кроме того, поручено установить возможность освобождения от уголовной ответственности граждан, совершивших преступления в сфере банкротства, если они: добровольно способствовали установлению лиц, извлекая выгоду из этого преступления; раскрыл сведения об имуществе таких лиц, которым предусмотрено возмещение убытков.

Кроме того, существует объективная необходимость развития уголовной ответственности в сфере банкротства финансовых организаций. На данный момент никаких поправок в этом направлении не принято. В целях расширения правоприменительной практики уголовного законодательства в сфере уголовного банкротства необходимо пересмотреть действующее уголовное законодательство.

В частности, принять поправки, предусматривающие повышенную ответственность и квалифицированные составы в ст. 195 УК («Неправомерные действия при банкротстве») и ст. 196 УК («Преднамеренное банкротство»). Также рекомендуется уточнить в уголовном законодательстве признаки для квалификации преступлений в сфере банкротства и привлечении виновного лица к уголовной ответственности, установить соразмерное причиненному вреду наказание за преступные деяния.

Повышению эффективности применения уголовного законодательства будет способствовать разграничение составов правонарушений в сфере уголовного банкротства финансовых организаций: кредитных организаций, страховых организаций или негосударственных пенсионных фондов, а также только ужесточением наказания за неза-

конные действия по банкротству, совершенные с использованием своего служебного положения, а также лицом, контролирующим должника. Увеличение штрафов позволит отнести данный вид правонарушения к преступле-

ниям средней тяжести, увеличить до 6 лет срок давности привлечения к ответственности лиц, совершивших уголовное правонарушение с использованием своего служебного положения, и лиц, контролирующих должника.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023)// СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный Закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»// СПС Консультант Плюс.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // СПС Консультант Плюс.
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — [М.], 2023. — URL: <http://www.cdep.ru/> / (дата обращения: 15.05.2023).
5. Федеральный ресурс [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — [М.], 2023. — URL: fedresurs.ru / (дата обращения: 15.05.2023).

Совершенствование мер по противодействию политической преступности в контексте цифровизации СМИ

Володин Владимир Александрович, студент магистратуры

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В статье автор предлагает ряд специальных мер по противодействию политической преступности в сфере СМИ.

Ключевые слова: уголовное право, криминология, противодействие преступности, политическая преступность, детерминанты политической преступности, информационная война.

В начале сороковых годов XX века передовые страны вели ожесточённую борьбу за господство над миром. Уже тогда их лидеры понимали, что будущее стоит за информационными технологиями, и вкладывали материальные средства в научные разработки данного направления. Так появились первые ЭВМ, начался процесс цифровизации, который постепенно стал затрагивать всё большие области жизни человека.

К началу XXI века процесс цифровизации продолжал набирать обороты, не обошёл он и Россию. Наиболее ярко данный процесс можно отследить на примере интернет-пользователей. Так, в 2000 году доля россиян, использующих глобальную сеть Интернет, составляла 3,6% (по данным опросов, проведённых фондом «Общественное мнение»), в то время как на начало 2022 года этот показатель составлял уже 89%.

Цифровизация затронула и такой мощный инструмент управления людьми как средства массовой информации (далее — СМИ). Если ещё 20 лет назад телевидение считалось основным инструментом информирования населения о ситуации в мире и формирования определённого общественного мнения, то сегодня в качестве такового всё чаще называют глобальную сеть Интернет. Научная литература обозначает СМИ, связанные с переходом к цифровизации, как интернет-СМИ, онлайн-СМИ и т. д. [1, с. 594]. К ним относятся различные информационные интернет-платформы, сайты, ютуб-каналы и т. д.

Переходя непосредственно к теме статьи, отметим, что и политическая преступность в России за последние

двадцать лет претерпела глобальные изменения. Не последнее место в системе факторов и условий политической преступности занимают СМИ, а также отдельные частные лица.

В этой связи следует признать несколько устаревшим высказанный в 2008 году профессором Кабановым П. А. тезис о роли отдельных граждан в предупреждении политической преступности: «Мало что можно сказать о предупреждении политической преступности отдельными частными лицами, поскольку их воздействие на это явление минимально и выражается в основном в поддержке деятельности общества, государства и их органов в борьбе с политической преступностью» [2, с. 404].

Представляется, что в нынешних реалиях нельзя при разработке мер по предупреждению политической преступности игнорировать вопрос влияния блогеров на свою аудиторию, которая порой может достигать несколько миллионов человек. Официальное определение понятия «блогер» в российском законодательстве отсутствует, однако такое ранее содержалось в части 1 статьи 10² Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее также — ФЗ «Об информации»). Согласно указанной норме блогером являлся «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет»». Проблематично оценивать данное определение с точки зрения установления ко-

личества пользователей, которые получают за сутки доступ к информации, однако в остальном приведённое определение, полагаем, является лаконичным и в то же время ёмким. Таким образом, к блогерам можно было отнести огромное количество лиц, от должностных лиц и журналистов до артистов и спортсменов.

С принятием Федерального закона от 5 мая 2014 г. N 97-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (далее — ФЗ № 97), который в СМИ был назван «законом о блогерах», в ФЗ «Об информации» была введена упомянутая ранее статья 10², которая обязывала обладателей интернет-ресурсов с аудиторией свыше трёх тысяч пользователей пользователей в сутки зарегистрироваться в реестре сайтов и (или) страниц сайтов в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет», а также выполнять ряд требований российского законодательства, в частности, проверять достоверность размещаемой общедоступной информации до ее размещения и незамедлительно удалять размещенную недостоверную информацию; соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о референдуме и законодательством Российской Федерации о выборах; соблюдать требования законодательства Российской Федерации, регулирующие порядок распространения массовой информации и др. Иначе говоря, блогеры были приравнены к СМИ с возложением на них соответствующих ограничений. Подобное регулирование просуществовало чуть более трёх лет: 30 июля 2017 года вступил в силу пункт 2 статьи 1 Федерального закона от 29.07.2017 N 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ № 276), в соответствии с которым статья 10² ФЗ «Об информации» утратила силу. Интересно то, что в пояснительной записке к проекту ФЗ № 276 причина упразднения данной статьи описана в одном абзаце как «обнаружившие свою неэффективность положения, регулирующие распространение блогерами общедоступной информации в сети «Интернет»». То есть, никакого развёрнутого объяснения неэффективности данных положений представлено не было.

В то же время видится, что в нынешних условиях упразднённая статья 10² ФЗ «Об информации» приобрела особую актуальность. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 29.12.2022) «О средствах массовой информации» (далее — Закон РФ «О СМИ») не содержит принципиальных препятствий для признания блогеров СМИ, поскольку в соответствии с положениями статьи 2 настоящего закона под ними понимаются, в том числе, иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). Под массовой информацией в свою очередь понимаются

предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы. Фактически блогеры являются СМИ, а, следовательно, необходима регламентация их деятельности. Особенность блогеров по сравнению с «классическими» СМИ заключается в том, что они обладают авторитетом среди своей аудитории, то есть способны влиять на неё только лишь за счёт этого качества.

В последнее время многие блогеры, не обладая ни юридическим, ни политологическим высшим образованием, стремятся высказать свою позицию в сети Интернет относительно политической ситуации в стране, действий властей и т. д. При этом подобные суждения, зачастую лишённые логического объяснения и основанные на отражении конкретных ситуаций в нужном им ключе в силу какой-либо личной заинтересованности, невольно перенимаются аудиторией, тем самым общество дестабилизируется.

Следует учитывать, что ведущаяся активно по всему миру так называемая информационная война гипертрафирует рассматриваемые негативные последствия. Усугубляет ситуацию и действия российских СМИ, которые по утверждению криминолога Данилова А. П. «способствуют лишь неполному информационно-идеологическому взрослению населения, в то время как нам необходимо понимание истинной сущности глобальных процессов, противодействие глобальной информационно-идеологической преступной деятельности» [3, с. 61], что делает население уязвимым к вражеской пропаганде. Уместно упомянуть и слова профессора Смирнова Л. Б. о ведущейся в России информационной войне и её последствиях: «Против России идет информационная война, главным оружием которой является СМИ. Информационная война по эффективности превосходит ядерную, так как оставляет после себя целую территорию, невредимую инфраструктуру и зомбированное население» [4, с. 221].

Недобросовестные блогеры, спонсируемые иностранными организациями, могут в нужном им ключе отражать видение определённых ситуаций с целью дальнейшей дестабилизации общества. В результате имеет место политическое преступление, порождающее волну бунтовских политических преступлений (революции, вооружённые мятежи и т. д.).

Российский законодатель уже начал поэтапно предпринимать шаги для нейтрализации последствий активно ведущейся на территории РФ информационной войны. Так, например, 4 марта был принят Федеральный закон от 04.03.2022 N 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) дополнен статьями 207³, 280³ и 284². Позднее, в июле 2022 года Федеральным законом от 14.07.2022 N 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были приняты важные по-

правки в ряд уголовных статей, предусматривающих наказание за совершение преступления против государственной власти (ст. 275, 276 УК РФ и др.), а также введены новые статьи, отвечающие требованиям последних событий (ст. 275¹, 280⁴ УК РФ и др.). Представляется, что в рамках такой уголовной политики весьма логичным и последовательным шагом было бы реформирование законодательства о СМИ с учётом высказанных в статье идей о блогерской деятельности. Подобные меры способны оказать превентивное воздействие на политическую преступность в России.

Как же должны выглядеть предлагаемые нами меры? За основу следует взять рассмотренную выше статью 10² ФЗ «Об информации», однако сместить акцент с возложения на блогеров ряда обязанностей в сторону детализации надзорных функций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее — Роскомнадзор) в отношении деятельности блогеров. Предлагается создать реестр блогеров, которые когда-либо высказывались о политических событиях в мире (о внутренней или внешней политике России, иностранных государств или международных организаций). Блогер, решивший на своей странице и/или сайте, высказать своё мнение или воспроизвести чьё-либо мнение относительно политических событий, обязан предварительно уведомить Роскомнадзор об этом. В свою очередь последний заносит данного блогера и его интернет материалы в специальный реестр с целью оперативного надзора за соблюдением блогером законодательства РФ при распространении информации. Таким образом, возможно максимально быстрое блокирование распространяемой блогером информации в случае нарушения законодательства РФ.

Подобный подход не носит карательный характер и не противоречит ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее — КРФ), запрещающей цензуру массовой информации, поскольку само по себе занесение блогера в реестр не несёт для него никаких негативных последствий, а лишь обеспечивает оперативное отслеживание распространяемой информации с целью недопущения совершения кем-либо преступлений, в частности, политического характера.

Что касается ответственности блогеров за распространение заведомо ложной информации (например, об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий) или публичные действия (в интернет-пространстве), направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, она должна быть дифференцирована в зависимости от того, отмечен ли блогер в реестре или нет.

Рассмотрим на конкретном примере причины и смысл такой дифференциации. Предположим, два блогера одновременно разместили на собственных страницах в социальных сетях посты, содержащие заведомо ложные данные об использовании Вооружённых Сил РФ, то есть совершили преступления, предусмотренные ст. 207³ УК РФ. Однако первый блогер ранее высказывался о политических событиях (без нарушения законодательства РФ), подав в первый раз уведомление в Роскомнадзор, благодаря чему был обеспечен надлежащий надзор за материалами блогера и пост был заблокирован в кратчайшее время, тем самым достигнут превентивный эффект по предупреждению политической преступности (поскольку представленная блогером информация могла повлиять на пользователей, например, заставив их выйти на несанкционированный митинг и т. д.). Второй же блогер не подавал подобных уведомлений, но ранее также высказывался о политических событиях (без нарушения законодательства РФ). Указанный факт сам по себе не является нарушением, тем не менее размещённый им последний пост, за что предусмотрена уголовная ответственность по ст. 207³ УК РФ, могло видеть до момента его блокирования гораздо большее количество людей, поскольку в этом случае Роскомнадзор не сможет сработать также оперативно. Таким образом, логика известного уголовного праву состава опасности, как мы полагаем, объясняет дифференцированную ответственность блогеров, состоящих и не состоящих в реестре, в пользу её ужесточения для последних.

Также в свете обозначенной ранее информационной войны представляется эффективной мерой по предотвращению политической преступности поощрение независимых журналистских расследований для детального разбора и опровержения различных «фейковых новостей» (фото-, видеоматериалы, описание событий, содержащие заведомо ложные сведения и распространяемые «информационными врагами» для достижения своих целей, таких как дезинформация и дезорганизация населения). Очевидно, что из-за низкого уровня доверия населения к государству и его органам, подобные меры, реализуемые самим государством, не достигнут в полной мере своей цели. В то же время известные независимые журналисты, грамотно проведя подобные расследования, могут быть восприняты и услышаны в большей степени, что в последующем снизит влияние «фейков» на общественность.

Подводя итоги, обобщим предлагаемые в контексте процесса цифровизации меры для предотвращения политической преступности в России. Прежде всего необходимо реформировать законодательство о СМИ, адаптировав его с учётом современных реалий информационной войны и влияния отдельных лиц на общественность, а именно — определить статус, права и обязанности блогеров, ввести положения о реестре блогеров и др. меры. Также следует внести поправки в статьи Особенной части УК РФ, относящиеся к распространению заведомо ложной информации и призывам к действиям, с целью

дифференциации ответственности блогеров, состоящих и не состоящих в реестре. Что касается мер по борьбе с информационными противниками, то тут решение ви-

дится в стимулировании разборов «фейков» независимыми журналистами и общем повышении уровня доверия граждан к властям.

Литература:

1. Бахадиванд Чегини Захра, Растегари Сайедэбрахим Трансформация средств массовой информации в контексте перехода на цифровые технологии // МНКО. 2020. № 6 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sredstv-massovoy-informatsii-v-kontekste-perehoda-na-tsifrovye-tehnologii> (дата обращения: 28.05.2023).
2. Кабанов, П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / П. А. Кабанов. — Екатеринбург, 2008. — 494 с.
3. Данилов, А. П. Вмешательство в государственный суверенитет как звено глобальной политической преступной деятельности / А. П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 4 (47). — С. 59–62.
4. Смирнов, Л. Б. Уголовно-правовые аспекты противодействия криминогенным угрозам национальной безопасности России / Л. Б. Смирнов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 мая 2021 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. — С. 218–222.

Актуальные аспекты исследования коррупции

Чередниченко Виталий Георгиевич (г. Ростов-на-Дону)

Ключевые слова: коррупция, «благотворная» коррупция, коррупционные проявления, систематизация, латентность, межстрановые различия, индикаторы коррупции, моральная статистика, антикоррупционная деятельность.

На протяжении всей истории человеческого общества неперенным спутником эволюции социума в любых пространственно-временных условиях выступало стремление власть имущих извлечь максимальную личную выгоду в ущерб интересам прочих соплеменников. Ограничив свою индивидуальную свободу ради возможности социального общежития, наши далекие предки сами создали условия для такого рода стяжательства, ибо «всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела». [1, с. 137] Непротивление или даже принятие большинством подобной формы корыстолюбия, вероятно, восходит к обычаю ритуальных жертвоприношений и преподнесения подарков жрецам и вождям, на иерархической лестнице более приближенным к богам, чтобы добиться расположения и поддержки последних в решении проблем просителя. Такая извращенная форма социального паразитизма, воспринимаемая обеими сторонами не иначе как справедливый и взаимовыгодный симбиоз, и стала основой феномена коррупции.

Тысячелетиями коррупция присутствовала в человеческой цивилизации, как вирус в организме. Изменялись ее формы и появлялись новые, постоянно проникающие во все сферы общественных отношений и весьма успешно мимикрирующие под легитимные механизмы административного взаимодействия. Приступы обост-

рения этого недуга с характерным тотальным распространением мздоимства и казнокрадства и перспективой становления клептократии сменялись периодами ремиссии, когда коррупционеры становились объектами если не уголовного преследования, то, как минимум — социального порицания. Изменялось и отношение к этому явлению со стороны общества — от снисходительного созерцания до воинственного противодействия на основе осознания несправедливости, с последующим возвращением на позиции фатализма.

В последнее время все чаще коррупция рассматривается в публичном пространстве уже как глобальная проблема современности. В качестве основного аргумента роста интереса к соответствующей проблематике выдвигается тезис о колоссальных масштабах коррупции, дополнительно приобретающей ярко выраженный международный характер. Так, по оценкам ООН, ежегодный объем только взяток в мировом масштабе составляет один триллион долларов. А в целом же коррупция приводит к потерям для мировой экономики в размере 2,6 трлн долларов, что составляет более пяти процентов глобального ВВП. [2] Более того, именно ее указывают в качестве препятствия для развития как отдельных государств, так и всей цивилизации, и даже рассматривают как основную причину разрушения целых государств — будь то Римская империя и Византия в далеком прошлом или Уганда и Советский Союз в не столь отдаленной ре-

троспективе. [3, с. 55–58] В этой связи борьба с коррупцией выходит на повестку дня уже международных организаций.

А ведь совсем недавно весьма популярной была гипотеза о положительной роли «благотворной коррупции» как неофициального инструмента преодоления бюрократических барьеров в процессе интенсивной политической и экономической модернизации. А раз так, то в определенных условиях коррупция не обязательно должна быть неэтичным, неэффективным и нелегальным явлением. Она может повысить эффективность неработающих законов, а соответствующая ситуация улучшена путем легализации коррупционной составляющей. [4, с. 63] Согласно описываемой доктрине, если вмешательство в экономику имеет «неправильные» цели или использует неправильные методы, то коррупция, позволяющая обойти или как-то нейтрализовать это вмешательство, является полезной. Отсюда вывод: «хуже жесткой нечестной бюрократии только жесткая честная бюрократия». [4, с. 94] А потому, например, «взятка уничтожает преграды и сокращает расстояния, она делает сердце чиновника доступным для обывательских невзгод». [5]

Так что же такое коррупция в современных реалиях — допустимая девиация общественного устройства в любой его формации, политический фетиш, возведенный в ранг экзистенциальной угрозы в угоду сиюминутной конъюнктуре, или все-таки реальная проблема социально-экономического устройства? Нужно ли с ней бороться или достаточно легитимизировать в определенных пределах и просто контролировать? Для получения ответов на эти вопросы представляется необходимым решение ряда следующих проблем методологического характера.

Во-первых, следует четко определиться с предметом и объектом исследования. Как это ни удивительно, общественные науки всерьез изучать коррупцию начали только в последние десятилетия. Подтверждением растущего интереса к указанной сфере можно считать попадание научных разработок коррупционной проблематики в поле зрения Нобелевского комитета. Однако, несмотря на бурный рост «популярности» исследований коррупции, она так и остается «вещью в себе».

Существует множество трактовок понятия «коррупция», используемых в зависимости от тех или иных методологических подходов, целей и задач исследования, но не существует ни одного исчерпывающего и общепризнанного ее определения. Причина этого — в многоплановости указанного явления, постоянно адаптирующегося к социальным и экономическим реалиям, что предопределяет многообразие и динамичность соответствующих проявлений. Именно поэтому исследователи коррупции нередко говорят, что ей сложно дать определение, однако вы ее обязательно узнаете, когда она перед вами. Следует отметить, что наиболее распространенные определения «страдают» неоднозначностью и абстрактностью. С другой стороны, их конкретизация заведомо обречена, поскольку пытливый взгляд критически настроенного наблюдателя обнаружит в окружающем хаосе социальных

взаимодействий нескончаемую череду коррупционных проявлений. В результате любые попытки четкого определения коррупции в конечном счете приводят либо к очень расплывчатым, либо к чрезмерно конкретным формулировкам, не позволяющим выделить типологическое ядро этого явления.

Решение указанной проблемы, вероятно, находится в плоскости четкой систематизации всех известных форм и проявлений коррупции. При этом следует найти разумный компромисс между стремлением к абсолютной унификации эмпирических материалов и пониманием их исторической и пространственной неоднородности. Так, взгляд на ситуацию в историческом аспекте делает очевидным: то, что не было коррупцией даже 100 или 50 лет назад, сегодня считается таковой. В свою очередь, в рамках правовых систем отдельных государств, не говоря уже о национальных менталитетах, иногда диаметрально противоположно оценивается коррупционность тех или иных действий. Так, например, лоббизм в некоторых государствах законодательно запрещен и считается одним из проявлений коррупции. В то же время, в ряде стран подобная деятельность не просто легализована, но и считается вполне уважаемым бизнесом. [6]

При этом объективное научное познание коррупции предполагает его синтетический, междисциплинарный характер. Зачастую же исследователи рассматривают ее под узко отраслевым углом зрения, пытаются постичь природу этого явления исключительно в рамках собственной специализации — будь то право, экономика, социология или психология, с использованием соответствующего специфического типа анализа. Очевидным следствием такого рода «методологического эклектизма» является смысловая какофония релятивистского толка. [7, с. 22–29]

Во-вторых, исключительная латентность большинства коррупционных деяний предопределяет сложность эмпирических наблюдений и измерений в этой сфере. Последняя обусловлена как, обоюдной заинтересованностью всех участников подобных взаимодействий, так и — существенным временным лагом между собственно злоупотреблением властью и фактическими последствиями такого деяния для зачастую неопределенного круга лиц. Именно поэтому с древнейших времен существует понимание того, что «подобно тому, как нельзя распознать, пьют или не пьют воду плавающие во глубине вод рыбы, так и невозможно узнать, присваивают или нет богатство чиновники, приставленные к выполнению дел». [8, с. 75]

В этой связи остается открытым вопрос о выборе инструментария исследования коррупции. Речь идет, прежде всего, о корректных подходах к количественной оценке ее динамики, а также межстрановых и межрегиональных различий. До сих пор не существует достоверных данных, позволяющих понять, почему одни страны оказываются более подвержены коррупции, чем другие. Так, например, эксперты Всемирного банка пришли к выводу, что крупные страны предрасположены к более высокому уровню коррупции. В свою очередь некоторые исследователи пытаются объяснить неодинаковую кор-

румпированность государств культурными различиями, приводящими к тому, что в одних странах к коррупции относятся терпимо, в других ее неприятие стало социальной нормой. [9, с. 289] Однако никем не подвергается сомнению тот факт, что такого рода различия вообще имеют место. Подобные утверждения основываются либо на данных моральной статистики, либо на результатах построения индексов, агрегирующих данные тематических опросов. [10] Аналогичным образом формируются и представления и об изменении уровня коррупции во временном аспекте. Оба из указанных источников информации в значительной мере являются политически ангажированными, а потому не могут рассматриваться в качестве достоверных индикаторов. Так, рост показателей ведомственной статистики о количестве преступлений коррупционной направленности может являться как свидетельством увеличения масштабов коррупции, так и следствием усиления борьбы с ней либо симуляции таковой. С другой стороны, качество результатов выборочных наблюдений в значительной степени зависит от репрезентативности панели респондентов. Например, опрашиваемых в рамках подобных наблюдений эксперты зачастую не могут дать оценку уровню коррупции самого высокого уровня, поскольку плохо информированы о таковой. Помимо этого, подобного рода эмпирические изыскания показывают только общую картину, но не позволяют раскрыть причинно-следственные связи, которые обычно и интересуют исследователей. Более того, наиболее известные индикаторы коррупции разрабатываются под эгидой международных институтов, неоднократно уличенных в субъективности и манипулировании статистическими данными.

В-третьих, следует понимать, что изучение коррупции будет не полным без исследования механизмов борьбы с ней, включая оценку их эффективности. Игнорирование указанного аспекта чревато вырождением, сведением к пустой констатации факта существования такой проблемы. В этой связи представляется необходимым определение уголовно-правовой «границы» между борьбой с проявлениями коррупции и возможными негативными последствиями самой антикоррупционной деятельности. Тем более, что, как показывает мировой опыт, тяжесть наказания не всегда коррелирует с успехом борьбы с коррупцией. Так, самые жесткие меры к казнокрадам в настоящее время применяются в Китае: за последние пятнадцать лет в этой стране казнено более 10 тысяч высокопоставленных чиновников, а более 100 тысяч лишено свободы на срок от 10 до 20 лет. Тем не менее, казнокрадство в Китае отнюдь не искоренено, что само по себе уже

является подтверждением неэффективности жестких мер. При этом самый маленький уровень коррупции регистрируется в Дании и Финляндии, где провинившихся чиновников всех уровней лишают свободы на срок не более 2 лет. Таким образом, следует согласиться с известной истиной: «нет ничего ошибочнее, чем мысль, что казнями можно регулировать цены или отучить от взяточничества». [11, с. 54]

В этой связи можно сделать однозначный вывод, что длительные сроки заключения не являются панацеей в борьбе со взяточничеством, хищением бюджетных средств и государственного имущества. А вот риск получения в обществе большого количества асоциальных элементов в среднесрочной и долгосрочной перспективе возрастает, причем пропорционально уровню активности борьбы с коррупцией, что, несомненно, может повлечь к повышению рисков повторных преступлений (пусть даже иного состава) со стороны указанной категории граждан. Поэтому выбор правового инструментария борьбы с коррупцией зависит, прежде всего, от целей этой борьбы, сколь бы казуистическим этот посыл не выглядел. Если общество желает лишь покарать мздоимцев, то с полной уверенностью можно утверждать, что на смену обличенным и наказанным придут другие, возможно еще более корыстные и искусные в этом деле. Если же речь идет о стремлении действительно решить эту проблему, то бороться необходимо не с ее последствиями, а с причинами. В этой связи необходимо признать, что коррупция — это не проблема абстрактного государства, это проблема каждого из нас. А потому каждый человек должен ежечасно бороться с ней, стремиться уничтожить условия, в которых возможно возникновение и развитие коррупционных проявлений.

Таким образом, следует признать, что известные «прямые» уголовно-правовые методы антикоррупционной борьбы недостаточно эффективны, а в отдельных аспектах контрпродуктивны. Представляется, что причиной такого положения является, в том числе, и оторванность научных изысканий в этой сфере от реалий правоприменительной практики, существенным образом искажающая восприятие коррупции.

Полагаем, что реальное продвижение в направлении разработки новых подходов к борьбе с коррупцией может быть достигнуто только на основе итеративного процесса изысканий, когда усовершенствованные теоретические формулировки поднимают новые эмпирические вопросы, ответы на которые, в свою очередь, ведут к дальнейшему теоретическому проникновению в содержание изучаемого явления.

Литература:

1. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. — М.: Рипол-Классик, 2018. — 690 с.
2. В результате коррупции мировая экономика каждый год теряет 2,6 трлн долларов // Новости ООН. 09.12.2018. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344641>. (Дата обращения: 30.04.2023).
3. Свечников Н. И., Глухов А. О. Коррупция как фактор разрушения государств (историко-правовой аспект) // Вестник Пензенского государственного университета. — 2018. — № 2 (22). — С. 55–58.

4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 579 с.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 т. — М.: Художественная литература, 1971. — Т. 11: Благонамеренные речи. — 656 с.
6. Мельков С. А., Ножка С. М., Чумаченко А. П. Сравнительный анализ института лоббизма в России и США // Власть. — 2018. — Том. 26. № 5. — С. 45–51.
7. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: пер. с англ. — М.: Политиздат, 1990. — 415 с.
8. Артхашастра или Наука политики. — М.-Л.: Издательство АН СССР 1959 г. — 798 с.
9. Фисман, Р., Мигель, Э. Экономические гангстеры. Коррупция, насилие и бедность. — М.: Юнайтед Пресс, 2012. — 302 с.
10. Гуреев С. Коррупция: что это такое, зачем нужна и как от нее избавиться // ПостНаука. 26.05.2021. URL: <https://postnauka.ru/longreads/156401>. (Дата обращения: 30.04.2023).
11. Каменская Е. В. Взятка: преступление, наказание, предупреждение (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. — Серия 2. Юридические науки. — 2018. — № 1 (14) — С. 51–57.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Защита свидетелей в уголовном судопроизводстве: проблемы и возможные пути решения

Амирова Лиана Ильдаровна, студент

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

Маркелов Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (г. Чебоксары)

Статья посвящена комплексному исследованию обеспечения мер безопасности в отношении свидетелей в российском уголовном судопроизводстве, отдельным проблемам института государственной защиты свидетелей и их возможным решениям.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, государственная защита, свидетель, меры безопасности, обеспечение безопасности, угроза.

За последние несколько лет особую важность приобрел вопрос об обеспечении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, в частности свидетелей. Его изучением занимались многие ученые в области уголовно-процессуального права: Епихин А. Ю., Зиянгилова Д. Р., Воронина Ю. О., Лапин А. А., Томилова Н. С., Ганин А. А., Трунов И. Л.

Ежегодно в России в ходе расследования уголовных дел в качестве свидетелей выступает около 10 млн человек. Почти четверть из них в процессе расследования изменяет свои показания или вовсе отказывается от них [1]. Большой процент граждан, ставших свидетелями преступления, предпочитают вовсе не сообщать об этом в правоохранительные органы, боясь угроз или мести со стороны преступников или их близких родственников. Обеспечение безопасного участия свидетеля в уголовном судопроизводстве в некоторых случаях составляет основу эффективного и качественного проведения всей следственной работы по уголовному делу и его дальнейшего рассмотрения в суде, восстановления полной картины произошедшего и установления истины. Именно поэтому особенно важно предпринимать меры государственной защиты свидетелей.

В российской истории впервые масштабная программа по защите свидетелей была реализована правоохранительными органами в 2002 г. в Татарстане, во время расследования преступлений, совершенных группировкой «Хади Такташ» [2]. Свидетели по этому делу приезжали в суд на бронированных автомобилях под личной охраной. Во время судебного заседания свидетели находились в отдельной комнате, в которой было установлено специальное оборудование, изменяющее

их голос. Их имена, фамилии и другие анкетные данные были изменены.

На данный момент в России существует целый ряд законов, нормативно-правовых актов и специальных государственных программ, которые направлены на защиту свидетелей и других участников уголовного судопроизводства.

Согласно Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», государственная защита свидетелей — это осуществление предусмотренных законом мер безопасности, которые направлены на защиту их жизни, здоровья в связи с их участием в уголовном процессе.

При проведении комплексного анализа норм уголовно-процессуального законодательства и нормативно-правовых актов, регулирующих защиту лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, нами отмечается ряд аспектов, которые требуют особого внимания и дополнения или корректировок со стороны законодателя.

Так, следует обратить внимание на п. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», согласно которому основанием для применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица [3]. Однако в законе отсутствуют критерии реальности угрозы, а сотрудники правоохранительных органов не всегда могут дать объективную оценку поступающих свидетелю угроз. В большинстве случаев угрозы обладают неопределенным характером, а иногда и вовсе бывают бесосновательными, когда лицо, от которого исходит угроза, даже не придает ей должного значения. Но у этой

ситуации есть и обратная сторона — в некоторых случаях преступник может опередить осуществление правоохранительными органами мер безопасности и надавить на свидетеля, угрожая ему или его близким родственникам. На практике не редки случаи, когда преступник заранее осведомлен о том, кто был свидетелем, и начинает оказывать психологическое давление или физическое воздействие сразу же. В таких случаях принятие решения об обеспечении свидетеля государственной защитой может быть уже запоздалой реакцией. Именно поэтому важно дать прямое, законодательно закрепленное определение критериев реальной угрозы.

Помимо этого, немаловажным вопросом является психологическое состояние свидетеля. В большинстве случаев, свидетель становится невольным очевидцем страшного происшествия, которое, безусловно, способно оказать негативное психологическое воздействие и отрицательно повлиять на его общее психологическое состояние. Негативно сказывается также страх за свою жизнь и безопасность своих близких и родственников в связи с возможным поступлением угроз от преступника или иных заинтересованных лиц. Кроме того, применение таких мер безопасности, как изменение внешности, вынужденное переселение и смена работы или учебы тоже способно отрицательно сказаться на психологическом состоянии свидетеля. В связи с этим представляется целесообразным введение обязательного специального психологического сопровождения свидетеля с момента начала расследования уголовного дела и его рассмотрения в суде до окончания осуществления программы государственной защиты.

Кроме того, стоит отметить, что не в каждом регионе России помещения судебных заседаний оснащены специальным оборудованием, что влечет за собой трудности в обеспечении конфиденциальности свидетеля во время судебного разбирательства. В связи с этим необходимо решить вопрос недостаточности финансового обеспечения регионов и обеспечить помещения судебных заседаний специальными кабинками с затемненными стеклами и техническими средствами, искажающими голос допрашиваемого лица.

Литература:

1. Как работает в России программа защиты свидетелей. — Текст: электронный // Версия: [сайт]. — URL: <https://versia.ru/kak-rabotaet-v-rossii-programma-zashhity-svidetelej-i-pochemu-ona-poroj-zashhishhaet-obvinyaemyx> (дата обращения: 17.05.2023).
2. Куликов, В. Специальная аппаратура маскирует свидетелей в суде / В. Куликов. — Текст: электронный // RGRU: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2011/01/19/svidetel.html> (дата обращения: 17.05.2023).
3. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». — Текст: электронный // Гарант: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2011/01/19/svidetel.html> (дата обращения: 25.05.2023).

Федеральным законом «О государственной защите потерпевших свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» также предусмотрен ряд мер безопасности: обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, личная охрана жизни и здоровья, изменение внешности, места работы и учебы, замена документов, переселение на другое место жительства, выдача специальных средств индивидуальной защиты, неприкосновенность жилища и имущества, временное помещение в безопасное место [3]. По нашему мнению, необходимо конкретизировать порядок реализации каждой меры безопасности, поскольку на сегодняшний день ввиду недостаточной доработки со стороны законодателя этот аспект имеет спорный характер.

В уголовно-процессуальном законодательстве не раскрываются понятие и критерии безопасного места. Неоднозначность указанной нормы создает ряд вопросов. В связи с этим необходимо законодательно регламентировать данные аспекты.

Изменение внешности защищаемого лица также имеет несколько спорных аспектов. Спорной является достаточность изменения внешних данных защищаемого лица. Вместе с тем, проблемой, по нашему мнению, также является экономическая составляющая реализации мер по изменению внешности.

Следует также отметить сложности, возникающие при обеспечении защищаемого лица специальными средствами индивидуальной защиты. Минимизировать государственные расходы, упростить порядок оформления документов и сократить период реализации государственной защиты позволит введение разрешения на приобретение средств индивидуальной защиты за счет самих свидетелей.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать вывод, что защита свидетелей и обеспечение мер по их безопасности играют важную роль в осуществлении основных задач уголовного судопроизводства. Для разрешения этого вопроса необходима тщательная и всесторонняя проработка уже существующего законодательства в целях повышения его эффективности.

Предварительное следствие: к вопросу о некоторых аспектах процессуальной формы

Гордиенко Полина Николаевна, студент;
Чиркова Ульяна Николаевна, студент
Вятский государственный университет (г. Киров)

Предварительное следствие является основной формой предварительного расследования в уголовном процессе, так как в нем наиболее полно представлены гарантии прав участников процесса, действенные процессуальные средства формирования доказательственной базы, выполнение назначения уголовного судопроизводства. Согласно статистическим данным, в 2022 году Следственным комитетом РФ в суды было направлено более 90 тысяч уголовных дел (в 2021 году — более 95 тысяч дел) [2]. Следователями МВД РФ в 2022 году было направлено в суд более 200 тысяч уголовных дел [3]. Указанные статистические данные свидетельствуют об эффективности предварительного следствия как самостоятельной формы расследования в уголовном процессе, но не исключают проблемы, связанные с деятельностью следователя на различных этапах досудебного производства. В данном исследовании анализируются проблемные аспекты уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие предварительное следствие, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное следствие, предварительное расследование, следователь.

Авторами статьи была предпринята попытка комплексного исследования вопросов предварительного следствия как самостоятельной формы расследования уголовных дел в уголовном процессе. В результате изучения вопросов избранной темы были сделаны следующие выводы.

Предварительное следствие — это наиболее полная форма предварительного расследования, обеспечивающая максимальные гарантии установления обстоятельств уголовного дела и реализации прав участников процесса. Она обязательно по всем уголовным делам, за исключением тех, по которым производится дознание, и дел, возбуждаемых в порядке частного обвинения. Исторически, в основу критериев разделения названных форм была положена уголовно-правовая дифференциация преступлений по их тяжести [5, с. 102]. Следствие (как и в целом, расследование) в российском уголовном процессе традиционно принято именовать «предварительным» поскольку окончательное решение о виновности лица принимает суд в стадии судебного разбирательства, где исследуются все фактические обстоятельства, установленные ранее в ходе предварительного расследования.

Руководствуясь общими целями уголовного судопроизводства, можно выделить специальные задачи предварительного расследования как самостоятельной формы расследования:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступления;
- 2) установление фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию;
- 3) установление и привлечение к уголовной ответственности лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства для предъявления обвинения;
- 4) обеспечение возмещения причиненного преступлением материального ущерба;
- 5) обеспечение безопасности участников процесса при производстве по делу;

- 6) выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Значение предварительного следствия состоит в том, что при данной форме расследования эффективно раскрывается преступление и изобличается виновный; устанавливаются границы обвинения, по которому лицо будет предано суду; формируются и систематизируются материалы уголовного дела; реализуются принципы уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ) [1] и тем самым обеспечиваются права и интересы личности в уголовном судопроизводстве [4, с. 410]. Идея о создании единого следственного органа России по сей день остается актуальной и заслуживает внимания.

В силу принципа разумных сроков уголовного судопроизводства, соблюдение сроков предварительного следствия должно обеспечиваться эффективным ведомственным контролем со стороны руководителя следственного органа и прокурорским надзором.

Законодатель наделил следователя процессуальной самостоятельностью, которая выражается в широких полномочиях следователя (ст. 38 УПК РФ). В уголовном процессе должен быть определен баланс между самостоятельностью следователя и полномочиями руководителя следственного органа. При расследовании преступления следственной группой, самостоятельность следователя значительно ограничивается, поскольку в ст. 163 УПК не предусмотрена возможность обжалования следователем (который входит в состав группы) указаний руководителя следственной группы, с которыми следователь не согласен. Самостоятельность и независимость следователя — это важнейшие аспекты его процессуального статуса, которые следует возвести в ранг единого принципа. Без независимого следователя, как и независимого суда не могут быть достигнуты цели уголовного судопроизводства. В то же время полагаем, что следует в ст. 38 УПК РФ предусмотреть и соответствующие обязанности следователя.

В связи с этим, представляется необходимым ввести в УПК РФ статью «8.2. Самостоятельность следователя» следующего содержания:

1. При осуществлении предварительного следствия по уголовным делам следователь подчиняется только Конституции Российской Федерации и федеральному закону.

2. Следователь вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения.

3. Производство по уголовному делу осуществляется следователем в условиях, исключающих любое постороннее воздействие на него.

А также предлагаем дополнить ст. 38 УПК РФ новой четвертой частью следующего содержания: «Следователь обязан всесторонне и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела. Он несет ответственность за законное и своевременное проведение следственных и других процессуальных действий».

Одной из гарантий объективности следователя является также создание реальных условий, обеспечивающих надлежащий уровень его знаний и практических навыков правоприменительной деятельности как в области уголовного права, так и уголовного процесса, криминалистики.

Представляется, что законодателю следует урегулировать вопрос по процессуальному статусу такого участника как следователь-криминалист. Данный участник упоминается в статье 5 УПК РФ (п. 40.1), но права и обязанности в действующем уголовно-процессуальном законе не регламентируются.

В действующем УПК РФ следует предусмотреть отдельную статью 38.1 «Следователь-криминалист», в которой следует закрепить соответствующие полномочия данного участника процесса, согласно приказу СК РФ, а его распространить на МВД и ФСБ.

Кроме того, в связи с активным внедрением в уголовный процесс научно-технических средств и технологий (в том числе и информационных), представляется необходимым предусмотреть данную должность в других ведомствах, которые вправе проводить расследование в форме следствия.

Также выделим еще одну особую проблему, которая возникает в следственной практике в отношении детей (иждивенцев подозреваемого, обвиняемого), за которыми должен быть организован присмотр. Здесь перед следователем иногда стоит выбор отдать детей под присмотр родственникам или иным лицам, если родственников нет. Данный порядок не урегулирован законом и следователю приходится руководствоваться профессио-

нальной интуицией. В некоторых случаях возможна передача детей в специализированные органы. В отношении имущества следователь должен также принять меры по его сохранности. Имущество должно быть передано тем лицам, которые заслуживают доверия или можно передать в специальные организации, которые будут осуществлять должный контроль за сохранностью имущества. Следует отметить, что меры по обеспечению попечительства в отношении детей и меры по сохранности имущества должны применяться одновременно или сразу в момент задержания, заключения под стражу или помещения в психиатрический стационар.

Представляется, что в статью 160 УПК РФ следует внести дополнение и предусмотреть часть 3.1 следующего содержания: «Меры, предусмотренные настоящей статьей, должны быть приняты одновременно с принятием решения о задержании, заключении под стражу или помещении в медицинскую организацию».

Следователь в процессе производства по делу также должен принять меры по обеспечению гражданского иска, возможной конфискации имущества и других имущественных взысканий.

Если будет установлено, что преступлением причинён имущественный вред, то следователь обязан принять все возможные меры по установлению имущества лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, или других лиц, которые несут ответственность за причиненный вред. В целях дальнейшего возмещения вреда на установленное имущество накладывается арест для обеспечения его последующей реализации, что подразумевает запрет на осуществление распорядительных действий, а в определенных случаях — пользования и извлечения полезных свойств.

Но есть исключения, и они выражаются в том, что на некоторое имущество не может быть наложен арест в силу того, что на определенное имущество не может быть обращено взыскание.

Недопустимость разглашения данных предварительного расследования является еще одним важным правилом, о чем соответствующий участник предупреждается следователем, о чем отбирается подписка (ст. 161 УПК РФ).

Запрет на предание гласности не распространяется на определенные сведения, обозначенные в части 4 статьи 161 УПК РФ (о нарушении норм закона государственными органами, сведения, оглашенные в суде и др.).

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод, что практика следственных органов выявляет все новые проблемы в уголовно-процессуальном законодательстве, которые требуют своего разрешения путем устранения пробелов в правовой регламентации. Решение этих проблем имеет важное значение в борьбе с преступностью, в защите прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.04.2023).

2. Количество уголовных дел, направленных в суд следователями СК РФ за 2022 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения: 20.04.2023).
3. Количество уголовных дел, направленных в суд следователями МВД (за 2022 год) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главного управления МВД России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 20.04.2023).
4. Макогон, И. В. Предварительное следствие как основная форма предварительного расследования / И. В. Макогон // Юридические науки как основа формирования правовой культуры человека: сборник статей Международной научно-практической конференции, Волгоград, 10 апреля 2020 года / Редколлегия: С. Ю. Бирюков, И. Б. Черников, Н. В. Шувалов. — Волгоград: ИП Черняева Ю. И., 2020. — С. 409–417
5. Рогачев, Ю. Н. Предварительное следствие как форма предварительного расследования / Ю. Н. Рогачев // Актуальные проблемы российского права: теоретические и правоприменительные аспекты: Сборник статей. — Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 2021. — С. 100–104.

Актуальные проблемы производства неотложных следственных действий

Карачаева Анастасия Алексеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская обл.)

В статье рассматриваются вопросы регламентации уголовно-процессуального института «неотложные следственные действия», выявлены проблемы практического применения этих норм, предложены направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, следственные действия, система следственных действий, орган дознания.

Actual problems of production of urgent investigative actions

The article examines the issues of regulation of the criminal procedure institute «urgent investigative actions», identifies the problems of practical application of these norms, and suggests ways to improve the criminal procedure legislation in this area.

Keywords: urgent investigative actions, investigative actions, system of investigative actions, body of inquiry.

Введение

Тема настоящего исследования состоит в том, что всякое государство, которое придерживается правовых принципов, ставит собой задачу — найти самый лучший прядок в рамках уголовного судебного производства. Вместе с тем, нужно создать такие условия, в которых будет современно раскрываться, расследоваться ряд преступлений через применение логического, обоснованного механизма защиты свобод, прав общества, человека, государства от всевозможных преступлений.

Цель работы состоит в том, чтобы предложить решение проблемы, определить однозначный подход к определению неотложных действий следственного характера.

Методы, которые использовались при написании настоящей статьи — метод познания дидактический, метод обобщения, дедукция и индукция.

Сейчас в теории уголовного процесса конкретной обособленной группы экспертов-процессуалистов, которые строго бы придерживались точки зрения по определению понятия «неотложный» — выделить нельзя. Тот или иной эксперт выражает свою точку зрения в плане потребности, обоснованности существования конкретных положений в рамках анализируемого нами института.

При анализе этимологии слова «неотложные», можно сделать вывод о том, что под понятием «неотложный» нужно рассматривать происшествия, события или действия, наличие которых обуславливается комплексом субъективных и объективных факторов [4].

Если говорить о факторах объективных, которые применяются в этом смысле, то выделяются компоненты воздействия, при наличии которых можно говорить о ситуации, что не обязательно будет проблемной, однако о такой, которая нуждается в моментальном принятии решений в плане ее урегулирования. Что касается факторов субъективных, то здесь нужно рассматривать наличие у эксперта определенной ситуации, что складывается с учетом его мнения; все базируется на внутренних убеждениях и профессионализме, на личном, жизненном опыте.

Е. Р. Прудакова утверждает, что понятие «неотложные», как и собственно формулировка в рамках нынешнего уголовно-процессуального законодательства, весьма условная. Автор утверждает о том, что отсутствие определенных сроков в рамках УПК РФ с целью определения состояния неотложности дает возможность должностному органу лично принимать решение, связанное

с производством следственных неотложных действий. В крайнем случае, можно дождаться оперативно-следственной группы, оставив все на месте происшествия в нетронутом виде [7].

Интересной считается точка зрения Е. Р. Прудакова в том плане, что законодатель предоставляет весьма ограниченные сроки для дознавателя в плане проведения всех требуемых действий следственного характера. Он утверждает о том, что 10 суток мало, так как не принимается во внимание степень тяжести совершенного преступления. На практике могут быть разные ситуации, которые не решаются в такие ограниченные сроки.

Но есть также и противоположное мнение. Г. Н. Загирский и А. Ю. Девятко утверждают о том, что само по себе понятие неотложности в рамках применения формулировки «следственные неотложные действия» предусматривает, что такие действия осуществляются в первые сутки. Ученые заявляют о том, что дознавателю, следователю нужно провести такие действия, которые будут напрямую направлены на закрепление следов преступления, которые могли бы быть уничтожены при их выявлении [8].

Но мы не соглашаемся с этой точкой зрения, так как в том и состоит сущность наличия анализируемого нами института. Дальнейшее утверждение о том, что нужно сокращать сроки передачи уголовного дела в пользу следователя с 10 до 5 суток — необоснованное.

После детального анализа уголовно-процессуального законодательства в РФ по части урегулирования института следственных неотложных мер, мы установили, что анализируемая процедура регламентируется несколькими нормами: пункт 19 статьи 5, статьи 40, часть 5 статьи 152, статья 157 УПК РФ [2]. В то же время обозначенные нормы, посредством которых нужно регулировать смежные правовые отношения, между собой не согласовываются.

Что касается термина неотложных действий следственного характера, то важным, существенным признаком тут будет неотложность — безотлагательность, незамедлительность. Согласно этому признаку, действия следствия направлены на оперативный, экстренный сбор данных, фиксация следов преступления после совершения. Вот почему действия должны быть немедленными, чтобы не допустить исчезновения, уничтожения следов преступления. Еще признак неотложности предусматривает, чтобы у лица, которое ведет уголовный процесс, была обязанность, а не право на осуществление следственных неотложных действий, что обуславливается характерным принципом публичности уголовного процесса (как для досудебного производства) [7].

Кроме того, следственные неотложные действия должны осуществляться раньше, чем все остальные действия, которые не требуют оперативных мер реагирования. В том плане независимость, обязательность, а также процессуальная ограниченность, приоритетность неотложных следственных действий — это не самостоятельные признаки, а итог неотложности, как таковой.

Но анализируемый признак закрепляется в пункте 19 статьи 5 УПК РФ. Тут дана ссылка на незамедлительное изъятие, закрепление, анализ доказательств. Другими словами, определена цель в рамках неотложных следственных действий. Вот почему такая легальная дефиниция видится нам правильной. Нельзя не отметить тот факт, что неотложность действий имеет ситуативный характер. Другими словами, система следственных действий, которые в той или иной ситуации будут иметь характер неотложных действий, определяется по составу преступления и по способу совершения преступления, по обстановке, с учетом прочих факторов.

Практика работы прокуратуры показывает, что должностные лица в органах дознания не всегда могут правильно установить, какие следственные действия в том или ином деле будут неотложными. Например, в органах дознания начальник Архангельской таможни по итогам проверки сообщения о преступлении принимает решение — возбудить уголовное дело № 203160018 в отношении Фирсовой Г. А. так как у нее были в действиях составы преступления по части 1 статьи 173.2 УК РФ [1].

Прокурор изучает постановление о возбуждении уголовного дела. После анализа всех материалов указано, что постановление выносилось в нарушение требований, которые представлены в первой части статьи 140, части 1 статьи 144, а также статьи 1 части 146, статьи 157 УПК РФ. Процессуальное решение объективно должно быть обусловлено потребностью безотлагательного выявления и фиксации следов преступления; нужно также изымать доказательства незамедлительно.

Но в представленном постановлении потребность в возбуждении уголовного дела была обусловлена тем, что в качестве неотложных следственных действий, которые были направлены на фиксацию следов преступления, якобы были допрос виновного лица, производство обыска на месте регистрации ООО, производство выемок в налоговых органах, а также получение выписки с банковского счета ООО. Также было указано, что проводились допросы свидетелей по делу, налоговые органы и должностные лица; установлен круг прочих лиц, которые причастны к преступлению. По материалам проверки сообщения о преступлении следовало, что свидетель и подозреваемая живут в городе, на который компетенция органа дознания не распространяется. Предприятие, в котором нужно было осуществлять обыск, а также налоговые органы для выемки, находятся в Москве. Многие свидетели живут за пределами Транспортного Архангельского региона.

Соответственно, допросы свидетелей, подозреваемой, проведение выемок, осуществление обыска, получение выписки по банковскому счету не утратят значимости даже спустя некоторое время. Это значит, что такие действия нельзя признать неотложными.

Мы считаем, что было бы правильно, учитывая положения, что представлены в части 5 статьи 152 УПК РФ, где дана регламентация производства следственных

неотложных действий, кроме дознавателя еще и следователем, скорректировать положения статьи 157 УПК РФ.

В случае выявления органом расследования преступления, уголовное дело, о котором органу оно не подследственно, передача материалов по принципу подследственности по требованиям пункта 3 статьи 145 части первой УПК РФ, требует некоторых временных затрат. Вместе с тем, это может повлечь за собой негативные последствия для органа расследования — в форме утраты следов преступления. В конечном итоге осложняется, а иногда — исключаются возможности для дальнейшего раскрытия преступления.

Итак, часть первая статьи 157 УПК РФ дает возможность органу дознания в случае наличия признаков преступления, где производство предварительного следствия является обязательным, право на возбуждение уголовного дела, производство следственных неотложных действий.

Следственные действия, которые осуществляются при проверке сообщения о преступлении, о которых сказано в части первой статьи 144 УПК РФ, мы считаем целесообразным — обозначить их как неотложные, проверочные следственные действия. По части 3 статьи 157 УПК РФ такие действия осуществляются органами дознания в ограниченное время — 10 суток с момента возбуждения уголовного дела. В это время нужно выявить, зафиксировать важную, требуемую для следствия информацию по не подследственному делу.

В органе расследования перед должностным лицом возникает проблема — выбрать комплекс неотложных действий следственного характера. Мы считаем, что при принятии решения относительно производства конкретного следственного, неотложного действия нужно принимать во внимание юридические и фактические основания для их осуществления — вместе с ранее полученными доказательствами [5].

Главное назначение следственных, неотложных действий, которые проводятся в пять первых суток расследования, состоит в оперативном получении первичных сведений по возбужденному уголовному делу. Вот почему мы полагаем, что данную группу следственных действий нужно называть неотложными первоначальными следственными действиями.

Детально производство следственных неотложных действий регламентируется в статье 157 УПК РФ, которая входит в состав главы 21 УПК РФ — «Общие условия по предварительному расследованию».

В тоже время, следует отметить, что механизм реализации норм, составляющих в своей совокупности институт неотложных следственных действий, небезупречен, и вызывает немало вопросов у правоприменителей.

Во-первых, отметим противоречивость субъектного состава участников уголовного судопроизводства, имеющих право проводить неотложные следственные действия. Как уже отмечалось, в п. 19 ст. 5 УПК РФ и в ч. 1 ст.

157 УПК РФ к таковым отнесены лишь органы дознания, перечень которых указан в ст. 40 УПК РФ.

В то же время, часть 5 ст. 152 УПК РФ содержит положение, согласно которому следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель — прокурору для направления по подследственности. Таким образом, положения ч. 5 ст. 152 УПК РФ вступают в противоречие с п. 19 ст. 5 УПК РФ, а именно нормой, которая является базовой, устанавливающей содержание основных понятий, упоминаемых в кодексе.

Вторая проблема связана с определением перечня неотложных следственных действий, поскольку закон не содержит даже примерного их перечня. Какие же действия, подпадающие под определение неотложных (п. 19 ст. 5 УПК РФ) вправе проводить орган дознания? Решение этого вопроса осложняется отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве не только понятия, но и системы следственных действий. При этом следует отметить, что законодатель проявляет непоследовательный подход по обозначенной проблеме [6].

Так, например, ч. 2 ст. 164 УК РФ содержит положение о необходимости получения судебного решения для производства следственных действий, при этом дана отсылка в том числе и к п. 9 ч. 2 ст. 29 УК РФ (Полномочия суда), а в этом пункте речь идет о наложении ареста на имущество. Согласно ст. 119 УПК РФ, структурно располагающейся в главе «Иные меры процессуального принуждения», наложение ареста на имущество является мерой процессуального принуждения, но никак не следственным действием. Такой же непоследовательный подход проявлен законодателем и в ч. 1 ст. 165 УПК РФ, где следственным действием названо и регламентированное п. 10.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ решение о реализации, об утилизации или уничтожении вещественных доказательств.

Таким образом, если следовать лишь буквальному толкованию норм УПК РФ, приходим к выводу, что к следственным действиям можно отнести и наложение ареста на имущество, и утилизацию вещественных доказательств, что очевидно, абсурдно.

Если следовать лишь буквальному толкованию норм УПК РФ, приходим к выводу, что к следственным действиям можно отнести и наложение ареста на имущество, и утилизацию вещественных доказательств, что очевидно, абсурдно.

Если же при определении системы неотложных следственных действий отталкиваться от сформулированных законодателем целей их проведения, а именно, обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, то, разумным представляется предположить, исходя из буквального толкования этого понятия и системного толкования норм УПК РФ, что к неотложным следственным действиям относятся

все виды следственного осмотра, допросы, обыски, выемки.

Однако в этом случае появляется проблема, связанная с допросом потерпевшего. Потерпевший, согласно ст. 42 УПК РФ — это физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред.

Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением. Статус потерпевшего, таким образом, напрямую связывается с вынесением постановления о признании потерпевшим.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 838
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Российская газета. — 2017. — № 684.
3. Постановление от 31 мая 2019 г. по делу № А05–9878/2018 Арбитражный суд Архангельской области — <https://sudact.ru/>
4. Бояринов, В. С. Проблемы законодательной регламентации неотложных следственных действий / В. С. Бояринов // Инновационный путь развития как реакция на вызовы новой эпохи: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Стерлитамак, 13 декабря 2022 года. Том Часть 1. — УФА: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2022. — С. 15–17.
5. Лустач, К. Д. Неотложные следственные действия: понятие и проблемы правового регулирования / К. Д. Лустач // Альманах молодого исследователя. — 2022. — № 12. — С. 99–103
6. Николаева, М. И. Проблемы процессуальной регламентации и механизма реализации института неотложных следственных действий / М. И. Николаева, В. В. Рябчиков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 4. — С. 178–180.
7. Пудаков Е. Р. Неотложные следственные действия в структуре предварительного расследования // Российский следователь. — 2007. — № 21. — С. 6.
8. Девятко А. Ю., Загорский Г. И., Загорский М. И. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Г. И. Загорского. М., 2016. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru>

Понятие принципа независимости судебной власти

Ширепов Семен Витальевич, студент магистратуры;

Булуктаева Киштя Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (г. Элиста)

В настоящей статье рассмотрено понятие принципа независимости судебной власти в Российской Федерации. В результате исследования установлено, что целесообразно поместить в Конституцию РФ новую главу, описав в ней полномочия судебной ветви власти. Независимость и самостоятельность судебной ветви власти является насущной потребностью для построения в России правового социального государства.

Ключевые слова: судебная власть, самостоятельность, независимость, принцип

Независимость судебной системы — один из важнейших принципов отечественного судостроительства на современном этапе развития российского государства. Этим базовым принципом, по мнению многих исследователей, определяется характер, сущность и особенности судостроительства, признанного демократическим и основывающегося на соблюдении других принципов

Полагаем, что вопрос о системе неотложных следственных действий и определение круга процессуальных действий, которые полномочен проводить орган дознания в рамках рассматриваемого уголовно процессуального института, требует законодательной регламентации.

Таким образом, резюмируя изложенное, отметим необходимость корректировки ряда положений УПК РФ в части закрепления единообразного субъектного состава участников уголовного судопроизводства, имеющих право проводить неотложные следственные действия, а также границ проведения следственных и иных процессуальных действий этими субъектами.

(таких как принцип коллегиальности, состязательности, законности, равенства сторон и учёта баланса их интересов для вынесения справедливого решения) [1, с. 210].

В России суд признаётся автономным органом. Автономность проявляется во всех сферах — организационной, правовой, государственной.

Независимость судопроизводства — важнейшее исходное положение судоустройства не только в России, но и во всём мире. Вынесение судами справедливых решений возможно только в условиях полной и абсолютной независимости судебной системы. Любое влияние на суд со стороны кого бы то ни было недопустимо.

Правовая сущность рассматриваемого принципа определяется помимо прочего положениями Конституции РФ, в ст. 10 которой устанавливается, что в России государственная власть разделена на три ветви. Первая ветвь — законодательная (выполняет законодательные полномочия, в т. ч. по разработке законов), вторая — исполнительная (вырабатывает государственную политику, регулирует сферу оказания государственных услуг, обеспечивает качественное нормативное правовое регулирование и правоприменение), третья — судебная (ориентирована на отправление правосудия, решение правовых конфликтов, разрешение разного рода правовых споров). Органы, представляющие каждую из трёх ветвей власти, действуют независимо и в полной автономности от двух других.

Представляется, что предпосылки полной и абсолютной автономности судебной власти реализуются во многом благодаря установленному качественному конституционно-правовому регулированию. В отечественной доктрине обращается внимание, что принцип независимости суда изначально был закреплён именно в ст. 10 Конституции РФ. Остальные конституционные нормы и положения других законов и нормативно-правовых актов только дополняют, расширяют и детализируют исходную норму [2, с. 114].

В рамках анализа принципов судоустройства в России целесообразно рассмотреть отношение к ним отечественных учёных. Особенно интересны мнения по поводу принципа независимости судопроизводства.

Так, Лебедев В. М. связывает принцип независимости судопроизводства с другим принципом — разделения властей. По мнению учёного, рассматриваемому принципу присуща особая сфера реализации, а взаимодействие судебной власти с законодательной и исполнительной отличается определённой спецификой [3, с. 34–35].

Кашепов В. П. при рассмотрении правовых основ регулирования судебной деятельности и статуса судебной системы в России обращает внимание на две особенности — самостоятельность и независимость. Исследователь подчёркивает, что принцип независимости судебной власти всегда был и всегда будет рассматриваться в качестве наиболее значимого конституционно-правового принципа. Такое его значение объясняется первостепенным влиянием на эффективность деятельности по отправлению правосудия [4, с. 26].

В трудах Петрухина И. Л. рассматриваемый принцип рассматривается как отправной. Именно он в наибольшей степени чем остальные, определяет статус судебной системы в государстве, так как именно судебная власть в современных условиях вынуждена постоянно доказывать своё равенство с законодательной и исполнительной ветвями власти [5, с. 719].

Лазаревой В. А. обращено внимание на то, что в современных условиях как никогда важно обеспечить реальную независимость и самостоятельность судебной системы, поскольку указанные принципы служат ключевыми критериями ценности её для общества [6, с. 11].

Ершов Е. Е. неоднократно подчёркивал, что независимость судебной системы требует обязательного обеспечения и соблюдения автономии (внутренней и внешней). Кроме того, судебная ветвь власти должна быть самодостаточной.

Как и судебная система в целом, независимыми должны быть и отдельные судьи. Этим обеспечивается вынесение беспристрастного, справедливого и обоснованного приговора. На судью при принятии решения не должны влиять ни иные органы власти, ни кто-либо из субъектов правовых отношений [7, с. 12].

Принцип независимости суда получил закрепление в статье 120 Конституции РФ, где говорится о независимости судей и их подчинении только федеральному законодательству и Конституции. Соответственно, независимость судебной системы и отдельных судей — взаимосвязанные понятия.

Суд, будучи независимым и свободным от любого внешнего влияния, может реализовать свои полномочия максимально качественно и беспристрастно. Поскольку в стране официально выделено три ветви власти, то можно говорить о том, что у судебной власти существует не только независимая, автономная и отдельная компетенция, но также индивидуальное правовое и ресурсное обеспечение, призванное обеспечивать адекватные стандарты взаимодействия с иными государственными структурами и институтами.

Современное гражданское общество в настоящее время подошло к такому этапу развития, при котором самостоятельность и независимость суда — объективная необходимость, а не чья-то прихоть. На этот момент обращают внимание многие отечественные учёные. Принципом независимости судебной власти предполагается наличие специального правового инструментария, позволяющего при помощи правовых средств оказывать воздействие той или иной силы на социальные и государственные институты. При этом не исключены также меры государственного принуждения.

Из сказанного можно заключить, что рассматриваемый принцип независимости тесно связан с обособленностью судебной системы, которой предполагается наличие единообразного механизма реализации функции власти от имени и в интересах государства. На практике реализацией рассматриваемого принципа предполагается формирование такой системы органов отправления правосудия, которые обеспечивали бы профессиональность, объективность, справедливость и эффективность при рассмотрении дел. Именно государство обязано следить за тем, чтобы в стране функционировала и адекватно работала система судебных органов и чтобы на неё не оказывали воздействия другие ветви власти.

Учреждение подобной системы предполагает охват судебной системой всего территории страны. Сама судебная система при этом должна отвечать актуальным правовым, социальным и иным потребностям регионов (например, быть доступной для населения), а также включать в себя органы, которые смогут рассматривать социальные конфликты и правовые споры любых видов.

Ключевой компонентой рассматриваемого принципа выступает перечень базовых функций судебной власти в системе государственной власти, посредством которых проявляется её обособленность (в том числе функциональная). С точки зрения функционала независимость судов в России определяется не только тем, что на законодательном уровне выделены отдельные специфичные направления деятельности судебной системы в государственном управлении, но также тем, что эти направления связаны с правом.

В контексте рассматриваемой темы нельзя не обратить внимание на компетенционную составляющую принципа независимости судебной системы. Полномочия суда, получившие закрепление в Основном законе страны, в своём комплексе представляют отдельный блок инструментов в системе правовых механизмов управления процессами социального характера.

Особо стоит сказать также и о ресурсной стороне рассматриваемого принципа. Данным аспектом предполагается использование судебной системой технических, материальных, человеческих и иных ресурсов, что является необходимым условием обеспечения независимости судов. Также этим аспектом предполагается

свободный подбор работников и самостоятельность в решении вопросов отстранения судей от занимаемой должности. В данном аспекте нормы Конституции РФ развиваются в федеральном законодательстве (например, в Законе РФ № 3132-1 [8], Законе № 30-ФЗ [9] и др.). В настоящее время техническое и материальное обеспечение судов нельзя назвать идеальным. Однако реальная автономность при отсутствии достаточных ресурсов не является возможной в принципе. Согласно ст. 124 Конституции РФ, финансирование судебной системы осуществляется из федерального государственного бюджета. Финансирование должно быть в таком объёме, чтобы обеспечивались возможности полностью автономного отправления правосудия согласно действующему федеральному законодательству.

Полное отправление правосудия — это правосудие, которое полноценно обеспечивает определённые общественные потребности. Рассмотренные конституционные положения детализированы в Законе № 30-ФЗ от 10.02.1999 года «О финансировании судов РФ» [10].

В завершение следует сказать, что содержательной стороной рассматриваемого принципа охватывается несколько основных компонентов: ресурсное, компетенционное, функциональное, структурное и институциональное обеспечение. В этой связи целесообразно поместить в Конституцию РФ новую главу, описав в ней полномочия судебной ветви власти [11]. Независимость и самостоятельность судебной ветви власти является насущной потребностью для построения в России правового социального государства.

Литература:

1. Абова Т. Е. Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. — М.: ООО «ТК Велби», 2003. — 720 с.
2. Правосудие в современном мире / В. И. Анишина, В. Ю. Артемов, А. К. Большова и др.; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. — М.: Норма, Инфра-М, 2012. — 783 с.
3. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. — М.: Норма, 2000. — 368 с.
4. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / Отв. ред. В. П. Кашепов. — М.: Юристъ, 2010. — 291 с.
5. Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. — М.: Проспект, 2003. — 719 с.
6. Лазарева В. А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение. — Самара: Изд-во Самарской гуманитарной акад., 2000. — 63 с.
7. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В. В. Ершова. — М.: Юристъ, 2006. — 493 с.
8. Закон РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.
9. Федеральный закон от 14.03.2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 10.02.1999 г. № 30-ФЗ «О финансировании судов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Судебная реформа: проблемы и перспективы / Отв. ред. Б. Н. Топорнин, И. Л. Петрухин. — М., 2001. — 207 с.

Исторические корни развития принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве

Еляшов Алдар Баатрович, студент магистратуры;

Булуктаева Киштя Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (г. Элиста)

В настоящей статье рассмотрены исторические этапы становления принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. В результате исследования установлено, что в нынешних условиях назрела необходимость в переосмыслении принципа личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве (в т. ч. в связи с развитием цифровой инфраструктуры). Рассматриваемый принцип может быть положен в основу экспериментального правового режима в области цифровых инноваций, поскольку от этого будет во многом зависеть цифровая свобода людей.

Ключевые слова: неприкосновенность, уголовное судопроизводство, свобода личности, история становления

Перед началом рассмотрения исторических корней становления и развития принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве следует отметить, что каждый уголовно-процессуальный принцип важен и несёт свою нагрузку в уголовном процессе. При этом именно за счёт системности уголовно-процессуальных принципов обеспечивается качественное осуществление уголовно-процессуальной деятельности.

Основными принципами уголовного судопроизводства выступают: принцип публичности, принцип законности, принцип уважения достоинства и чести личности, принцип равенства всех перед судом и законом, принцип независимости и самостоятельности судей, принцип открытых судебных разбирательств, принцип презумпции невиновности, принцип языка уголовного судопроизводства, принцип равноправия и состязательности сторон, принцип обеспечения подсудимым, обвиняемым, подозреваемым права на защиту, принцип свободы оценки доказательств, принцип соблюдения разумных сроков при осуществлении уголовного судопроизводства, принцип неприкосновенности жилища, принцип неприкосновенности личности и др. В настоящем исследовании будет проведён обзор принципа неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве.

Неприкосновенность личности — это принцип, в соответствии с которым человек не может быть лишён свободы произвольно без наличия на то веских оснований. На международном уровне установлен запрет на произвольное задержание, арест и изгнание. Рассматриваемый принцип получил отражение и в Конституции РФ, гарантирующей право на личную неприкосновенность и свободу.

Следует отметить, что право на свободу появилось ещё во времена Древнего Рима. Оно считалось одним из основополагающих. Документальное закрепление это право получило при принятии Великой Хартии Вольностей [1] от 1215 г. В этом политико-правовом документе, подписанном английским королём, был установлен запрет арестовывать людей при отсутствии законного основания (ст. 39). Это правило относилось не ко всем людям, а только к некоторым категориям. С принятием указанного документа был запущен процесс восприятия

принципа неприкосновенности личности и в других правовых порядках.

После Великой французской революции XVIII в. (1789–1799 гг.) была подписана Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) [2]. В ней получили отражение основополагающие идеи естественного права, которые в то время активно распространялись просветителями. Декларация провозгласила гарантии права на безопасность, собственность и свободу для каждого человека. Данный документ стал основой для внедрения принципа неприкосновенности личности в законодательство и нашего государства. Следует напомнить, что именно установление гарантий свобод и прав в Декларации от 1789 г. во многом стало толчком для восстания декабристов в 1825 году. Несмотря на неуспех данного восстания, сам его факт показал, что в обществе и государстве назрела острая потребность в кардинальных изменениях [3].

В России период серьёзных масштабных реформ, связанных в том числе с установлением прав и свобод человека (включая право на неприкосновенность личности), пришёлся на 1861–1864 гг. Именно в этот период было отменено крепостное право. Основными результатами реформирования судебной системы в Российской империи стали: конкретизация ограничений неприкосновенности личности; установление правила о заключении людей под стражу только в соответствии с законной процедурой; запрет на необоснованное задержание; обязательность освобождения людей, задержанных без законных оснований; закрепление развёрнутой системы мер принудительного характера. Также по итогам реформы был принят Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1864 г. [1].

Очередной этап масштабных законодательных и политических изменений пришёлся на период после Октябрьской революции 1917 года. Новая власть серьёзно подошла к вопросу кодификации законодательных актов, в т. ч. в сфере уголовного судопроизводства. В результате кодификации был разработан УПК РСФСР от 1922 г. Через год была утверждена его обновлённая редакция. В статье 5 УПК РСФСР от 1923 г. был закреплён принцип неприкосновенности личности, но, как отмечают исследователи, его реализация на практике в тот период не была полноценной и качественной.

УПК РСФСР от 1960 г. усилил законодательные гарантии рассматриваемого принципа. Также были установлены некоторые механизмы его практической реализации. В частности, новое уголовно-процессуальное законодательство устанавливало правило, согласно которому признать человека преступником мог только суд, вынеся соответствующее решение. Среди основных законодательных изменений, касающихся реализации принципа неприкосновенности личности, можно отметить расширение способов обжалования судебных решений и возможностей самостоятельной защиты в уголовном судопроизводстве [4].

Крах фашистского режима в европейских странах стал очередной вехой в развитии рассматриваемого принципа. Общество и законодатели разных стран осознали потребность не просто в законодательном установлении основных свобод и прав, но также в их подкреплении определёнными гарантиями. В этот период основополагающие уголовно-процессуальные принципы были закреплены в международном праве, а затем переняты отечественным законодателем.

СССР и Российской Федерацией был ратифицирован ряд международно-правовых актов и договоров, что потребовало приведения национального законодательства в соответствие с нормами международного права. Началом этого процесса стало принятие Конституции РФ 1993 г. Данный основополагающий документ положил начало формированию системы основных свобод и прав человека и гражданина в России. Конституция РФ признала свободы и права человека наивысшей ценностью для государства (ст. 2). Также была установлена обязанность государства по обеспечению защиты этих свобод и прав. Сам принцип личной неприкосновенности закреплён в ст. 22 Конституции РФ.

По верному замечанию Яковлевой Л. В., принятие Конституции РФ и последовавшее за этим реформирование отечественной судебной системы стали первыми шагами в модернизации системы организации органов уголовного судопроизводства. В ходе модернизации был изменён порядок уголовного процесса, уголовно-процессуальные принципы, а также положение личности в уголовном судопроизводстве [5].

Следующий этап в развитии уголовно-процессуального законодательства и принципа личной неприкосновенности начался после принятия УПК РФ 2001 г. В ст. 10 данного Кодекса закреплено, что задержание и помещение под стражу при отсутствии законных оснований является недопустимым. На текущем этапе принцип личной неприкосновенности закрепляется практически аналогичным образом с тем, как он был закреплён на более раннем этапе. Но стоит отметить, что его развитие, возможно, ещё не завершено.

В современном отечественном уголовно-процессуальном законодательстве принцип личной неприкосновенности признан одним из основополагающих. Этому предшествовало длительное его развитие и обоснование — сначала на уровне международного права,

а затем и в национальном уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве. Следовательно, рассматриваемый принцип не является новым для российского уголовного судопроизводства. Но, если сравнивать с советским периодом, то содержание исследуемого принципа в действующем законодательстве подверглось определённой трансформации.

Сопоставив нормы УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г., можно выделить некоторые принципиальные отличия:

Во-первых, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве установлено, что человек может быть арестован и заключён под стражу только при наличии соответствующего решения суда (ч. 1 ст. 10 УПК РФ). До вынесения такого решения допускается задержание на 48 часов. Более длительный срок недопустим. Ранее действовавшим законодательством арест допускался на основе не только решения суда, но и санкции прокурора (ч. 1 ст. 11 УПК РСФСР).

Во-вторых, в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве речь шла исключительно об аресте (заключении лица под стражу). В современном УПК РФ говорится в том числе о задержании по подозрению в совершении уголовно наказуемого деяния (ч. 1 ст. 10).

В-третьих, УПК РСФСР 1960 г. обязывал прокурора принять меры по немедленному освобождению незаконно задержанного лица, а также лица, содержащегося под арестом дольше установленного законодательством срока (ч. 5 ст. 11). Современным УПК РФ перечень должностных лиц, обязанных это делать, расширен. Помимо прокурора обязанность по немедленному освобождению незаконно задержанных лиц возложена на дознавателей, органы дознания, следователей и судебные органы (ч. 2 ст. 10 УПК РФ).

В-четвёртых, ранее действовавшее законодательство закрепляло право арестованного лица на обжалование обоснованности и законности содержания под стражей (ч. 2 ст. 11, ст. 220.1–220.2 УПК РСФСР). В настоящее время данное право и вовсе не предусмотрено.

Рассматривая принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, следует отметить, что международное право закрепляет принцип уважения достоинства личности и гуманного отношения к людям, лишённым свободы (ч. 1 ст. 10 Международного пакта от 1966 г. о гражданских и политических правах). В российском уголовно-процессуальном законодательстве содержится требование о содержании задержанных лиц в условиях, которые исключают угрозу их здоровью и жизни (ч. 3 ст. 10 УПК РФ). Порядок содержания под стражей лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении преступления, регламентирован Законом № 103-ФЗ от 15.07.1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [6].

Российская Федерация — современное правовое и демократическое государство, в котором основополагающим значением обладает принцип верховенства за-

кона и права, а также уважение достоинства личности. В основу регулирования общественных отношений положено право.

Исходя из вышесказанного можно заключить, что реализации уголовно-процессуального принципа личной неприкосновенности свойственны некоторые особенности. В действующем УПК РФ просматривается переход полномочий по санкционированию ряда следственных действий от прокурора к судебным органам. Также уголовно-процессуальным законодательством установлены определённые гарантии реализации таких принципов уголовного судопроизводства, как принцип охраны тайны переписки; принцип охраны личной жизни; принцип неприкосновенности жилища» принцип личной неприкосновенности. И эти гарантии не формальные, а вполне реальные.

Следует отметить, что принцип личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве включён в состав общих уголовно-процессуальных принципов, закреплённых в гл. 2 УПК РФ 2001 г. Уголовно-процессуальные принципы — взаимосвязанная система, закреплённая законодательно. Этими принципами пронизана вся уголовно-процессуальная деятельность. Кроме того, они в своей совокупности представляют собой основу для реализации иных норм и положений уголовного судопроизводства. По отдельности каждый из принципов уголовного судопроизводства обладает огромным значением, но во взаимосвязи ими обеспечивается принципиально иной уровень уголовно-процессуальных отношений. В системе уголовно-процессуальных принципов важнейшим значением обладает принцип личной неприкосновенности. Этим обуславливается актуальность настоящего исследования [7].

Исторический обзор становления и развития принципа личной неприкосновенности в отечественном уголовном судопроизводстве показал, что этот процесс шёл поэтапно. В научной литературе выделяются такие основные этапы:

Первый этап — дореволюционный. В течение этого этапа принцип личной неприкосновенности только зародился и получил документальное закрепление. Однако реальных гарантий его соблюдения закон не предусматривал.

Второй этап — советский период. Принцип личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве был закреплён в кодифицированных актах, но по определённым причинам его реализация по большей части была лишь условной.

Третий этап — с 1990-х гг. и по настоящее время. Принятие Конституции РФ 1993 г. и УПК РФ 2001 г. пол-

ностью преобразовало практику применения принципа личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве. Появились реальные гарантии соблюдения этого принципа.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный принцип личной неприкосновенности развивается и в настоящее время, что обусловлено регулярными изменениями действующего законодательства, направленными на усиление гарантий по обеспечению свобод и прав личности. При реализации деятельности в сфере уголовного судопроизводства встаёт потребность в применении мер принудительного характера. В связи с этим, законодательной регламентацией норм уголовного судопроизводства, которыми установлен принцип личной неприкосновенности, предусмотрено обеспечение гарантий физической личной неприкосновенности.

Гарантиями соблюдения принципа личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве, предусматриваемыми национальным и международным правом, предполагается установление в уголовном процессе допустимых и разумных правил ограничения этого права [8]. По справедливому замечанию отечественного исследователя Россинского С. Б., в связи с особым назначением деятельности в сфере уголовного судопроизводства, полномочия судебных органов и органов предварительного следствия не могут не подкрепляться мерами государственного принуждения, выражающимися в том числе в ограничении личной неприкосновенности и свободы, если человек своими действиями создаёт угрозу либо препятствует производству по делу [9].

Таким образом, в нынешних условиях назрела необходимость в переосмыслении принципа личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве (в т. ч. в связи с развитием цифровой инфраструктуры). Рассматриваемый принцип может быть положен в основу экспериментального правового режима в области цифровых инноваций, поскольку от этого будет во многом зависеть цифровая свобода людей. Необходимо предусмотреть в законодательстве нормы, запрещающие противоправные посяательства на личность посредством цифрового воздействия. Дополнительно к сказанному выше необходимо подчеркнуть, что уголовно-процессуальные принципы, обеспечивающие законодательные гарантии свобод и прав личности, в будущем, безусловно, будут развиваться и закрепляться в законодательных актах, поскольку именно в них кроется основная смысловая нагрузка для национального законодательства в сфере уголовного судопроизводства и для международного права.

Литература:

1. Преловский П. О. Эволюция уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на свободу и личную неприкосновенность // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2016. — № 2. — С. 91–101.

2. Рожкова М. А., Богустов А. А., Глонина В. Н. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права / под общ. ред. М. А. Рожковой. — М.: Статут, 2018. — 269 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2016. — 441 с.
4. Францифоров Ю. В. Манова Н. С., Уголовный процесс. — М.: Юрайт, 2020. — 202 с.
5. Яковлева Л. В. История становления уголовно-процессуального законодательства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — № 6-1. — С. 103.
6. Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СПС КонсультантПлюс.
7. Манова Н. С. Система принципов российского уголовного судопроизводства: достоинства и проблемы законодательного закрепления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 3–10.
8. Авдеева Е. В. Неприкосновенность личности в системе принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. — 2020. — № 4. — С. 35.
9. Россинский С. Б. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе: откуда появился 48-часовой срок задержания и как с ним быть? // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 3. — С. 31.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 3 (42) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 05.07.2023. Дата выхода в свет: 10.07.2023.
Формат 60 × 84/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.
Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.